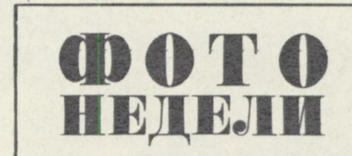

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 28 ИЮЛЬ 1983

У студенческих отрядов — юбилейный, 25-й трудовой семестр. Ударный строительный отряд московских студентов, как и четверть века назад, отправился на целину.

Фото М. Скурихиной

В живописном лесу неподалеку от Киева расположен пионерский лагерь «Каштан» опытного завода электросварки имени Е. О. Патона. На снимке: пионерский костер.

Фото Н. Козловского

Английские сторонники мира провели манифестацию у американской военно-воздушной базы в местечке Аппер-Хейфорд, графство Оксфордшир, в знак протеста против авантюристической политики консервативного правительства М. Тэтчер, направленной на усиление гонки ядерных вооружений. «Блюстители порядка» арестовали 752 манифестанта.
На снимке: арест участников выступления.

Фото АП — ТАСС

Уборку зерновых ведут хлеборобы южных областей Казахстана.
На снимке: жатва в совхозе «Ассинский» Джамбулской области.

Телефото Г. Кошкинцева (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (2921)

9 июля 1983

В НОМЕРЕ:

Воспитание человека новой формации — в этом должны принять активное участие люди, работающие в области литературы и искусства.

Писатель Михаил Колосов размышляет о задачах мастеров слова в свете решений июньского Пленума ЦК КПСС — стр. 6—7.

Острый разговор о чести, о нравственном кредо советского человека

ведет действительный член Академии медицинских наук СССР Федор Углов — стр. 10—11.

Этот «завод заводов» знает весь мир. Ему 50 лет. Каким стал за полвека славный «Уралмаш», что дал стране, народу?

Репортаж Галины Куликовской и цветная фотовкладка Алексея Гостева «Отец заводов» — стр. 16—18.

Когда не пустует сельский Дом культуры.

Проблемы досуга сельской молодежи поднимает фотоочерк А. Щербакова и Г. Розова «Восьмая нота» — стр. 22—24.

Во время переговоров. Фото А. Гостева

СОВЕТСКО-ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

По приглашению советского руководства 4 июля в Москву прибыли Федеральный канцлер Федеративной Республики Германии Гельмут Коль и заместитель Федерального канцлера, министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер.

На Внуковском аэродроме гостей встречали Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

4 июля в Кремле состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым, членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, членом Политбюро ЦК КПСС, министром обороны СССР Д. Ф. Устиновым, заместителем Председателя Совета Министров СССР Л. А. Костандовым и Федеральным канцлером ФРГ Гельмутом Колем и заместителем Федерального канцлера, федеральным министром иностранных дел ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером.

В ходе переговоров, проходивших в деловой и откровенной атмосфере, были обсуждены вопросы двусторонних отношений между СССР и ФРГ и наиболее актуальные проблемы современной международной жизни.

При обсуждении международных вопросов большое внимание было уделено проблеме обеспечения европейской безопасности, которая приобретает особую остроту в связи с планами размещения в Западной Европе, прежде всего на территории ФРГ, нового американского ядерного оружия средней дальности.

С советской стороны была выражена надежда, что правительство ФРГ с учетом той ответственности, которая ложится на него в данной ситуации, займет реалистическую позицию в этом вопросе, отвечающую интересам мира и предотвращения ядерной войны.

Со своей стороны Г. Коль высказался за углубление и расширение отношений между СССР и ФРГ в различных областях. При этом он подчеркнул, что эти отношения должны быть отношениями добрососедства и носить долгосрочный характер.

Касаясь вопроса о ракетном оружии средней дальности в Европе, канцлер повторил известную аргументацию в пользу «двойного решения» НАТО.

5 июля состоялась беседа члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с Федеральным канцлером ФРГ Г. Колем и заместителем Федерального канцлера, федеральным министром иностранных дел Г.-Д. Геншером.

Н. А. Тихонов и Г. Коль обменялись мнениями по вопросам двусторонних отношений, уделив главное внимание экономическим аспектам этих отношений. С удовлетворением было констатировано, что торгово-экономические связи, опирающиеся на солидную правовую базу, развиваются стабильно, к взаимной выгоде СССР и ФРГ.

БЕСЕДА Ю. В. АНДРОПОВА С Г. КОЛЕМ

5 июля в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова с Федеральным канцлером Федеративной Республики Германии Г. Колем.

Ю. В. Андропов и Г. Коль выразили обоюдное удовлетворение возможностью лично познакомиться друг с другом и откровенно обменяться мнениями по ряду принципиальных вопросов советско-западногерманских отношений и международной обстановки, особенно в Европе.

Ю. В. Андропов приветствовал приезд канцлера Г. Коля и вице-канцлера Г.-Д. Геншера в СССР. Советский Союз, подчеркнул он, в частности, придает первостепенное значение отношениям с ФРГ. Со времени заключения в 1970 году Московского договора Советский Союз и ФРГ прошли значительный и плодотворный путь развития добрых отношений между собой. Советское руководство выступает за то, чтобы эти отношения развивались и впредь в положительном направлении, что отвечало бы интересам народов обеих стран, интересам всей Европы и делу всеобщего мира.

В этой связи, сказал Ю. В. Андропов, особое значение приобретает вопрос о предотвращении нового, грозящего непредсказуемыми последствиями тура гонки ядерных вооружений в Европе. Речь идет о попытке блока НАТО радикально изменить стратегическую ситуацию в Европе в ущерб жизненным интересам СССР и его союзников.

Ю. В. Андропов сказал, что путь к взаимопониманию советская сторона видит в полной откровенности в сочетании с доброй волей, с готовностью сотрудничать во имя мира и добрососедства.

Канцлер Г. Коль высоко оценил откровенный дух беседы, подчеркнул стремление возглавляемого им правительства ФРГ к поддержанию отношений мира и добрососедства с Советским Союзом, к дальнейшему конструктивному развитию отношений между Федеративной Республикой Германии и Советским Союзом. Вместе с тем он изложил известную позицию руководящих кругов блока НАТО по вопросу о размещении новых американских ядерных ракет на территории ряда стран Западной Европы и в первую очередь ФРГ.

Ю. В. Андропов и Г. Коль были едины во мнении, что, несмотря на расхождения в позициях сторон по ряду важных вопросов, откровенный обмен мнениями был полезен. Они условились в дальнейшем поддерживать контакты друг с другом.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ

Во второй половине дня 5 июля в Кремле состоялась заключительная беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова и Федерального канцлера Федеративной Республики Германии Г. Коля. В ней приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и заместитель Федерального канцлера, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер.

Был продолжен обмен мнениями по принципиальным вопросам отношений между СССР и ФРГ под углом зрения их возможного дальнейшего развития на основе Московского договора в интересах народов обеих стран, в интересах европейской и международной безопасности.

Участники беседы, отметив ее откровенный и деловой характер, условились, что вопросы, обсуждавшиеся в ходе советско-западногерманских переговоров в Москве, будут предметом дальнейшего обмена мнениями между сторонами.

Во время заключительной беседы. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ЗА ПОДВИГ РАТНЫЙ И ТРУДОВОЙ

В Вологде первого июля состоялось торжественное заседание городского комитета партии, исполкома городского Совета народных депутатов совместно с представителями коллективов трудящихся, посвященное вручению высокой награды Родины — ордена Октябрьской Революции.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС.

На заседании, тепло встреченный присутствующими, выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев. От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР он горячо поздравил тружеников города и области с высокой наградой.

В заключение своей речи Г. А. Алиев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Вологды орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты прикрепил награду к знамени города.

Член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев прикрепляет награду к знамени города Вологда. **Телефото В. Будана и А. Морковкина (ТАСС)**

НЕОБХОДИМЫ НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ

Наш взгляд

Сергей ЛОСЕВ

Решения состоявшейся в Белграде сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), рассматривавшей проблемы создания нового мирового экономического порядка, Вашингтон облыжно назвал неприемлемыми и «односторонними». Против резолюций Делийской конференции глав государств и правительств, принятой свыше чем ста неприсоединившимися странами, администрация Р. Рейгана выступила с ...официальным протестом. Уже эти два факта наглядно свидетельствуют об органической несовместимости опасного курса нынешней администрации Соединенных Штатов с устремлениями и чаяниями подавляющего большинства человечества жить в атмосфере сотрудничества, безопасности и мира.

Западные державы отвечают на справедливые чаяния народов ужесточением империалистической политики силы, конфронтации и неоколониалистского грабежа. Они разжигают психологическую войну. Они развертывают вооруженные силы, специально создаваемые для захватнических акций в Африке, Центральной Америке и на Ближнем Востоке, расширяют необъявленную войну против Никарагуа, Анголы и ряда других независимых государств. Как видно из итогов вильямсбергской встречи семерки крупнейших капиталистических держав, США, страны НАТО и Япония предпринимают сейчас лихорадочные попытки сколотить глобальную военно-политическую коалицию, острие которой нацелено против СССР и социалистического содружества в целом.

В этой угрожающей ситуации состоявшаяся в Москве встреча руководящих партийных и государственных деятелей семи социалистических стран — НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СССР и ЧССР — дала миру предельно ясный ответ на вопрос, какие неотложные меры необходимы для того, чтобы отодвинуть угрозу войны и повернуть ход мировых событий в направлении оздоровления межгосударственных отношений.

Достижение стратегического равновесия между социализмом и империализмом является одним из важнейших итогов последних десятилетий, и мы не позволим его сломать. Исходя из интересов мира и своей безопасности, участники московской встречи заявили, что они ни в коем случае не допустят военного превосходства над собой. Было бы преступлением вверять судьбы человеческой цивилизации ядерным маньякам из Пентагона, вынашивающим планы ядерной войны, помышляющим о нанесении первыми удара по СССР. Так называемый «рейгангейт» — вскрывшаяся недавно кража в Белом доме документов Картера, в которой оказались замешаны директор ЦРУ У. Кейси и ближайшее окружение нынешнего президента, продемонстрировала общественности моральную деградацию тех, кто вершит судьбы этой страны. Кто может в этих условиях поручиться, есть ли вообще предел ядерному авантюризму Вашингтона?

Кое-кто из западных обозревателей пытается в эти дни найти между строк совместного заявления участников встречи в Москве несуществующую лазейку для ползучего размещения в Европе новых американских ракет и ракет «Першинг-2», для развертывания новых видов стратегических вооружений. Бесполезное и бессмысленное занятие! Мы и наши союзники ответим незамедлительным принятием дополнительных мер по укреплению своей безопасности.

Встреча в Москве ответила на милитаристские решения парижской сессии совета НАТО не бряцанием оружия, а настоятельным призывом к странам — членам Североатлантического союза трезво и объективно взвесить угрожающие тенденции нынешнего развития международных отношений и проявить готовность осуществить, пока еще есть время, практические шаги, способные предотвратить худшее.

Государства, представленные на встрече, вновь подтвердили, что они выступают против любых шагов, ведущих к расширению сферы действий НАТО или к созданию каких-либо новых военно-политических группировок, и выразили полную поддержку советских предложений на переговорах в Женеве. Они подтвердили актуальность и действенность программы, выдвинутой в пражской Политической декларации государств — участников Варшавского Договора, и особенно подчеркнули необходимость приступить к практическому рассмотрению предложения относительно договора о взаимном неприменении военной силы между государствами НАТО и Варшавского Договора; гарантировать принятие ядерными державами, которые еще этого не сделали, обязательства о неприменении ядерного оружия первыми; безотлагательно осуществить замораживание ядерных вооружений всех ядерных держав, и прежде всего СССР и США; быстрее начать переговоры о запрете на размещение в космическом пространстве оружия любого рода.

Можно с полной уверенностью констатировать, что в подходе администрации США к этим инициативам никаких конструктивных изменений не произошло. На Женевских переговорах американская сторона как бы заранее планирует их провал, исходя из инструкции администрации, что вопрос о размещении новых американских крылатых ракет и ракет «Першинг-2» все равно «предрешен».

Интересы международной безопасности требуют не пропагандистских трюков, а реальной готовности администрации США искать взаимоприемлемой договоренности на основе принципа равенства и одинаковой безопасности.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ГОРЖУСЬ, ЧТО МЫ СОРАТНИКИ

Бенно Р А Д К Е, Герой Труда ГДР

Июнь 1983 года отмечен важным событием — в Москве состоялась встреча руководящих партийных и государственных деятелей братских социалистических стран. Были намечены дальнейшие шаги последовательного конструктивного курса на мир, международную безопасность, разрядку.

Вопрос о мире сегодня касается каждого человека, каждой семьи. Минувшей осенью Франк, мой младший сын, уходил в Национальную народную армию, в погранвойска, на государственную границу с Западом. Вместе с двумя его братьями, которые уже отслужили, отмечали мы это событие, давали ему свои советы. Это было накануне 65-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Утром седьмого ноября я, как, впрочем, и каждый год в этот день, сидел перед телевизором и смотрел военный парад и демонстрацию трудящихся на Красной площади. Для меня, который вот уже четверть века является членом Социалистической единой партии Германии, Советская страна, партия коммунистов служат живым примером неустанной борьбы за мир.

В молодости я был плотником, а потом пошел учиться, получил диплом инженера и благодаря доверию партии стал руководителем целого коллектива.

Я был делегатом и выступал на IX съезде СЕПГ. Партия утвердила большую программу жилищного строительства. Мне посчастливилось как члену партийного руководства домостроительного комбината в Берлине принять первую автоматическую линию на нашем предприятии и начать работать по методу бригадного подряда московского бригадира Николая Злобина. Уже много лет подряд мы используем в своей работе методы советских рационализаторов.

Сегодня в свои 52 года я оглядываюсь на мою жизнь строителя, на те почти тридцать тысяч квартир, которые созданы руками возглавляемой мной бригады. Я знаю, как выглядят горы развалин, я знаю, что такое страдания и горе, которые несет война. Но я также знаю, как выглядят счастливые лица тех, кто в нашем Берлине, в столице ГДР, получал новые квартиры. Особенно радовались люди, когда благодаря хорошей работе моих коллег-строителей это случалось досрочно. Так было совсем недавно в большом новом районе Берлина Марцане.

В прошлом году мы, строители, отработали два дня сверх плана, это наше социалистическое обязательство, а два дня дополнительной работы — это 80 новых квартир для жителей моего города.

Мы строим не для того, чтобы нашим домам грозило разрушение. На меня неизгладимое впечатление произвели слова Ленина о том, что революция только тогда чего-нибудь стоит, если она умеет себя защитить. И думаю, что мы сохраним наш общий дом. Мы будем делать все необходимое, чтобы мать-земля осталась обитаемой планетой. Залогом этого является единство и сплоченность социалистических стран, мудрая внешняя политика ленинской Коммунистической партии, Советского Союза, последовательная борьба СССР за мир.

Я горжусь тем, что Советская страна и моя республика являются соратниками по борьбе и друзьями. Трое моих сыновей избрали тот же путь, что и я. Они коммунисты. И тоже строители: паркетчик, плотник и каменщик.

Берлин.

ДОКУМЕНТ ОГРОМНОЙ ВАЖНОСТИ

Эмильсон РАНДРИМИАХАСИНОРУ, член центрального комитета Партии конгресса независимости Мадагаскара (АКФМ)

Говорят, что от многократного употребления слово стирается, обесценивается, утрачивает свой первоначальный смысл. Возможно, в отношении каких-то слов это и так. Но есть одно слово, которое, сколько бы мы ни произносили его, приобретает с каждым разом все больший вес, становится все более значимым. Это слово — мир.

Совместное заявление, с которым руководящие партийные и государственные деятели стран — участниц Варшавского Договора обратились к странам НАТО, найдет, я уверен, отклик в умах и сердцах всех людей, потому что основа, стержень его — забота о мире. Это заявление — документ огромной политической важности, оно еще раз показывает, кто в действительности выступает за прочный мир и разоружение...

Ответ теперь — за странами НАТО. Трудно здравомыслящему человеку не согласиться с тем, что настало время безотлагательно заморозить ядерные вооружения, а ядерным державам принять на себя — если они еще не сделали этого — обязательство не применять ядерного оружия первыми.

Нет в мире стран и народов, которых не касались бы проблемы войны и мира. Мадагаскар в этом отношении не является исключением. Мы находимся в непосредственной по современным понятиям близости от крупнейшего ядерного погреба США в Индийском океане — военно-воздушной и военно-морской базы на острове Диего-Гарсия. Такое соседство — реальная опасность. Поэтому сейчас в нашей стране, как никогда, сильно движение сторонников мира, в котором объединились многие демократические организации, люди различных политических взглядов и вероисповеданий.

Демократическая Республика Мадагаскар — неприсоединившаяся страна. И нам хорошо известен выдвинутый западной пропагандой тезис «о равном удалении от двух сверхдержав», призванный убедить народы неприсоединившихся стран в том, что США и СССР несут равную ответственность за взвинчивание гонки вооружений. Но мы не приемлем этот тезис, потому что отлично знаем истинную суть проблемы: СССР всегда боролся за мир, против войны. Подтверждение тому — вся история вашей страны и всех стран социализма и последнее по времени убедительное доказательство — Совместное заявление, принятое на совещании в Москве.

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ» В ИТАЛИИ

Иван БОЧАРОВ

«Политическим землетрясением» называют некоторые иностранные комментаторы итоги парламентских выборов, состоявшихся в Италии 26—27 июня. Таковыми и впрямь явились результаты этих выборов для тех, кто в Италии и за ее пределами заранее все разложил по полочкам и предсказывал, с одной стороны, «сенсационный успех» правящему блоку во главе с Христианско-демократической партией, выступающему в качестве ревностного проводника решения НАТО о «евроракетах» и сторонников жестких мер с целью переложения тягот экономического кризиса на плечи трудящихся, а с другой — неминуемое поражение левым силам, прежде всего компартии, занимающей прямо противоположные позиции и призывающей к продолжению политики разрядки и переговоров, к приостановке строительства на территории острова Сицилия базы для американских ядерных ракет, превращающей Италию в ядерную заложницу НАТО, к проведению эффективных мер по преодолению нынешних экономических трудностей и ликвидации безработицы, жертвой которой являются более двух миллионов итальянцев.

Было объявлено, что в худшем случае ХДП сохранит свои позиции на уровне 38 процентов голосов, полученных на прошлых выборах, и что остальные 13 процентов, необходимые для парламентского большинства в 51 процент, ей принесет на блюдечке социалистическая партия, которая в последние годы совершила резкий крен вправо и ожидала политических дивидендов, состязаясь с христианскими демократами, в частности, в области неумеренной приверженности «принципам атлантизма». Находились и такие авторы прогнозов, которые прочили социалистам получение 15 и даже 18 процентов голосов, то есть увеличение их влияния на избирателей почти вдвое по сравнению с выборами 1979 года, в качестве награды за неуклонное сползание вправо этой партии.

Однако секретарь ИСП Беттино Кракси не скрывал, что рассчитывает и на привлечение дополнительных голосов слева, со стороны тех, кого серьезно тревожит все более откровенно афишируемый ХДП курс на возврат к «центристской политике» времен пятидесятых — начала шестидесятых годов, когда соцпартия находилась в оппозиции, а христианские демократы правили страной в союзе с социал-демократами, республиканцами и либералами посредством авторитарных и антидемократических методов. Именно эти тенденции в политике христианско-демократического руководства и послужили для Кракси

поводом для выхода из правительства во главе с Фанфани и провоцирования досрочных парламентских выборов — четвертых досрочных выборов за последние 11 лет. Ни для кого при этом не было секретом, что Кракси преследует лишь удовлетворение личных амбиций — занять в случае успеха у избирателей пост председателя совета министров, поскольку ХДП без социалистов при такой расстановке сил сформировать правительство не смогла бы.

Однако в ходе избирательной кампании лидер социалистов до самого последнего времени не открывал полностью свои карты. Он заявлял об отсутствии «реальных условий» для осуществления идеи коммунистов о демократической альтернативе — союзе левых партий, который бы покончил с монополией политической власти ХДП в Италии, но окончательное определение позиции откладывал до итогов голосования. Лишь за десять дней до выборов Кракси, на которого, видимо, оказали психологическое воздействие и победа консерваторов в Великобритании и непоколебимая уверенность лидеров ХДП в поправении итальянского избирательного корпуса, покончил с неопределенностью и предложил христианским демократам заключить соглашение о разделе постов в будущем правительстве, не выдвинув никаких предварительных условий для своего согласия на участие в кабинете. По сути дела, это был поход в Каноссу, и именно так он был расценен христианскими демократами, которые не снизошли даже до официального ответа на унизительные авансы социалистов.

Ответ на беспринципные маневры с целью раздела министерских кресел, за которыми стоит стремление навязать стране консервативный курс во внешней и внутренней политике, дали итальянские избиратели. Опрокинув все построения политических гадалок, они нанесли сокрушительное поражение ХДП, потерявшей почти 6 процентов голосов. За христианских демократов проголосовало всего 32,4 процента избирателей. Социалисты вопреки всем прогнозам собрали всего лишь 11,4 процента голосов, что, будучи сложенным с избирательным весом ХДП, очень далеко от желанного большинства в парламенте и вновь ставит вопрос о воссоздании не выдержавших испытания временем левоцентристских коалиций.

Но есть другой выход из политического тупика, в который зашла Италия. На него указывает компартия, за которую проголосовала, несмотря на массированную кампанию против нее правых сил, одна треть избирателей, (ИКП получила 30,8 процента голосов). Компартия призывает объединить левые силы и создать правительство демократической альтернативы, отстранив от власти ХДП. На этот выход указали и итальянские избиратели, заявившие о своем недоверии к партии, которая игнорирует стремление к миру и прогрессу большинства итальянского народа.

Мы знаем:
В прессе и в эфире
Вояки держат речь
О «мире».
Но в речи
Явственно слышны
Раскаты
Ядерной войны.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ЕЙСТВОВАТЬ НАСТУПАТЕЛЬНО

Михаил **КОЛОСОВ**

Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС имеет поистине историческое значение. Он обогатил теорию и практику марксизма-ленинизма, теорию и практику строительства коммунизма в нашей стране новыми положениями — конкретными и ясными.

За дни, которые прошли после Пленума, мне приходилось встречаться с людьми разных профессий и возрастов, со многими писателями, и поэтому могу с уверенностью сказать, что решения Пленума, доклад члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС товарища К. У. Черненко и особенно выступления на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова восприняты творческой интеллигенцией, как и всем народом, с исключительным энтузиазмом, радостью. Документы Пленума вызвали у всех необыкновенный творческий подъем.

Приведу только один пример. На днях зашел ко мне старейший и известнейший писатель Г. Н. Троепольский, автор повести о Биме, а еще раньше прославившийся своими сатирическими рассказами и произведениями на деревенскую тему. Вошел, поздоровался и сразу, еще не присев, улыбаясь, спросил: «М. М., ты знаешь, с чем я приехал к тебе?» — «Наверное, мы что-то напутали в газете?» Отмахнулся... «Радостью поделиться! Вот хожу, и все эти дни распирает душу радость! Я ведь уже старик и на своем веку повидал многое. Но то, что произошло на Пленуме, об этом, кажется, всю жизнь мечталось. Какая речь Юрия Владимировича, спокойная по тону, деловая по содержанию,— ясная, конкретная, смелая, умная! Я уже побывал в колхозах и видел, как там восприняли решения Пленума. Особенно председатели колхозов — будто крылья обрели!»

И только после этого присел и продолжил: «У вас тут должна идти моя статья о работе с молодыми писателями, хочу внести в нее некоторые мысли, навеянные Пленумом. Можно это сделать, не поздно?» «Можно!» «Спасибо. Вот за этим я и приехал». И добавил, уходя: «Удивительный Пленум!».

Я был на сессии Верховного Совета СССР и видел, как избирали Юрия Владимировича Андропова Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Чтобы представить себе, что такое единый порыв, что такое единодушие, что такое долго не смолкающие овации, надо было присутствовать в зале Верховного Совета в этот момент. Это был действительно единый порыв, как вздох радости сотен людей.

За короткий срок пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС Юрий Владимирович снискал любовь народа как мудрый, умный, трезвомыслящий руководитель. В его речах и делах проявились качества реалистичного видения и подхода к делам, как внутренним, так и внешним. Об этом говорят его указания на необходимость борьбы за дисциплину в нашем народном хозяйстве, его выступления по международным вопросам, его теоретические положения о развитом социализме, высказанные на Пленуме,— все это импонирует мысли и сердцу.

Июньский Пленум ЦК КПСС — идеологический; на Пленуме большое внимание было уделено вопросам формирования нового человека. Это не только наша важнейшая цель, но и непременное условие коммунистического строительства.

Пленум со всей четкостью определил принципиальный подход к новым задачам в идейно-воспитательной работе. Это — научность, правдивость, реалистичность. Это — тесная связь сегодняшней жизни с нашими основополагающими идеями, четкое видение пути дальнейшего движения вперед.

В этом плане Пленум особое внимание уделил воспитанию нового человека и большой роли в этом деле литературы и искусства. Ю. В. Андропов сказал: «Партия поддерживает все, что обогащает науку, культуру, помогает воспитанию трудящихся в духе норм и принципов развитого социализма. Она бережно, уважительно относится к талантам, к творческому поиску художника, не вмешиваясь в формы и стиль его работы. Но партия не может быть безразличной к идейному содержанию искусства. Она всегда будет направлять развитие искусства так, чтобы оно служило интересам народа...

Все мы видим, как по мере роста культурного уровня народа усиливается воздействие искусства на умы людей. Тем самым растут и возможности его активного вмешательства в общественную жизнь. А значит, в огромной мере увеличивается ответственность деятелей искусства за то, чтобы находящееся в их руках мощное оружие служило делу народа, делу коммунизма».

Сознанием ответственности перед народом, перед партией, перед великими идеалами коммунизма всегда были проникнуты лучшие произведения советской литературы. Место поэта в рабочем строю всегда было местом бойца, «атакующий класс» всегда нуждался в звонкой силе писательского слова как в остром идейном оружии. Так было, есть и будет.

Но, мысленно обозревая наше литературное хозяйство в свете требований июньского Пленума, мы должны признать, что не все ладно на нашей литературной ниве, не все произрастающее на ней годится к употреблению — и как оружие и как лекарство. Об этом прямо говорилось в докладе К. У. Черненко: «Исходной в творчестве художника была и остается его гражданская позиция. Лишь партийный подход помогает постигать ведущие тенденции современности. Истинный талант не отгораживается от жизни, не допускает ни лубочного приукрашивания действительности, ни искусственного выпячивания теневых явлений.

Но, чего греха таить, бывает и по-другому...»

Да, к сожалению, бывает, и не так уж редко. Я не буду вспоминать те серьезные вывихи, о которых уже писалось и говорилось. Хочу остановиться на сегодняшней повседневной нашей литературной жизни. В литературу сейчас пришел и идет большой поток талантливой молодежи. По-настоящему талантливой, владеющей языком, формой, владеющей настолько сильно, что дух захватывает. Но у этой талантливой молодежи не хватает материала для содержания, не хватает жизненных наблюдений, не хватает... собственной биографии. Если год-два тому назад сплошным потоком шли рассказы о детстве, о бабушках, о дедушках, то теперь пошли рассказы и повести о любви, о женитьбе, о встречах и расставаниях, о семейных неурядицах. Притом любовь эта ультрасовременная — раскованная, расхлыстанная, подчас бесстыжая: сходятся быстро, расходятся «красиво». Как видите, авторы подросли, и проблемы их стали занимать другие.

Я вижу в этом ту беду, что сейчас частенько «в писатели» люди приходят не из бучи житейской. Школа — институт — издательство — таков жизненный путь многих современных молодых литераторов. Кратковременные поездки на БАМ, на великие стройки мало что дают, нужно пожить, повариться в гуще жизни — только тогда можно создать полноценное произведение, которое станет событием. На это нацеливает, в частности, и постановление ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства».

Мы у себя в «Литературной России» — газете Союза писателей РСФСР — видим свою задачу прежде всего именно в воспитании молодой литературной поросли. Правда, до сих пор оно носило чисто просветительский характер: статьи мастеров для молодых, критические (притом мягкие) статьи о молодых, классики о литературе, публикации самих молодых и т. д. Теперь мы видим, что этого безумно мало, нам надо искать какие-то новые формы воспитания литературной молодежи, надо найти способ оторвать лучших из них от уютных столичных кафе и окунуть их в самую гущу жизни.

На июньском Пленуме немало говорилось о воспитании молодежи как нашего будущего. И в этом деле также большая роль отводится литературе, учреждениям культуры и искусства. В докладе товарища К. У. Черненко нашей молодежи посвящен целый раздел, где наряду с ее хорошими качествами отмечается и целый ряд негативных сторон у некоторой части молодежи, в частности, политическая наивность, нежелание трудиться, стремление выделиться дорогими вещами и пр.

Мы знаем, что дурное прививается гораздо быстрее, чем доброе, семена сорняков прорастают быстрее, чем семена культурных растений. Этого часто не понимают некоторые наши деятели от искусства, не понимают, что многое доставляется нам с определенной целью — чтобы размыть классовое самосознание советского человека, опорочить наше исконно национальное, уничтожить, заставить забыть, как якобы серое, отсталое, никчемное. Дескать, заграничное — это искусство, это настоящее, свободное от всяких старомодных условностей. А если разобраться, то искусство это буржуазно и «свободно» прежде всего от родного, национального, оно убивает в конечном счете патриотизм — понятие святое и необходимое, как воздух.

Молодежь клюет на это, подражает, перенимает. Борьба же ведется вяло, неохотно, средства этой борьбы и объем ее далеко не адекватны тому, с чем наступает антикультура.

В резолюции собрания актива Московской городской организации КПСС есть такие слова: «Надо... активнее бороться с проникновением в сознание отдельных москвичей аполитичности, с общественной пассивностью, подражанием буржуазным вкусам и стилю поведения, нигилистическим отношением к нормам советского образа жизни».

Очень правильные слова!

Партия и государство уделяют очень много внимания спорту. Но, к сожалению, спорт нередко превращается у нас в спорт для спортсменов. На площадках идут соревнования — переживают сами спортсмены да их тренеры. Трибуны пусты. Спорт должен стать по-настоящему массовым, для всех — и как зрелище, и как способ укрепления здоровья, и как средство и способ занять молодежь. У нас же сейчас большая часть молодежи остается вне спорта. А избыток молодой энергии ищет выхода и находит его в уродливой форме. Вот что, например, превратилась «болезнь» за свои клубы! Тут могли бы хорошую службу сослужить сами кумиры, «звезды» большого спорта — надо им идти в школы, в училища, нести туда настоящий спорт и развенчивать уродливую форму, которая заразила подростков-болельщиков.

Нельзя проходить мимо такого уродливого явления, коснувшегося некоторых молодых людей, как ношение значков, знаков, формы западных армий. Надевая на себя рубашку с непонятным, но зато ярким знаком, юноша порой даже не отдает себе отчет, что этот знак символизирует. Я видел одного юношу в импортном комбинезоне с красными буквами во всю грудь — USA. Два его друга были в майках спортобщества «Динамо». Но как выпендривался среди них этот «американец»! Будто у него на груди не три буквы, обозначающие наименование империалистической державы, а бог знает что. Все они, видимо, спортсмены — сильные, здоровые, подъехали на «Жигулях» на заправочную станцию и, пока ждали разгрузки бен-

зовоза, себя показали во всей красе.

Вообще расползлось какое-то удивительное пристрастие к иностранным надписям. На машинах то и дело мелькают у заднего стекла крупные, яркие английские слова, вырезанные из афиш или зарубежных журналов, слова подчас пустые, глупые, непонятные, но они английские.

Однажды в субботу случилось мне зайти в кафе «Поляна», что на Тимирязевской улице. Есть в этом кафе танцевальный зал. Что же это за зал? В нем царит полный мрак, кое-где по бокам тускло светятся огоньки — чтобы не расшибить лоб о стену — и горят неоновые слова, написанные латинскими буквами: «Musicl», «Musicl», «Diskoteka», в глубине зала — бар, и там аршинными буквами светится слово «MARTINI», на полках бутылки — сплошь иностранные. Ни слова русского, ни буковки! Полное впечатление, будто попал в низкопробное заведение где-то на окраине Марселя (приходилось мне видеть там такие). Спрашивается: почему гнушаются здесь русских слов, русских названий? Спрашивается: что насаждает, что прививает, к чему приучает это «MARTINI»?

Думается, что это недоработка прежде всего нашего комсомола. Царит какое-то благостное настроение, а время сейчас очень суровое, напряженное.

Разумеется, молодежь далеко не вся такая, как эти, но эти бросаются в глаза, эти бравируют и своим положением и своими нравами, эти ведут себя вызывающе. Надо им дать бой!

А бой им должны дать прежде всего сами же комсомольцы, надо только поддержать лучшую часть молодежи.

Воспитание человека новой формации, разумеется, дело не одного комсомола. В этом должны принять активное участие люди, работающие в области литературы и искусства.

На территории многих районов работают учреждения литературы и искусства, редакции газет и журналов, театры, спортивные сооружения. Это значит: в районе трудится большой отряд людей, которые могут и должны, откликаясь на решения июньского Пленума, засучив рукава взяться за работу. Я имею в виду работу не только у себя в редакции, у себя в театре — надо идти в коллективы — заводские, учрежденческие, учебные, идти группами, идти в одиночку и нести туда настоящую культуру, идти и утверждать нашу идеологию, наш образ жизни.

На территории каждого района живет свой отряд писателей. И пусть они не на партийном местном учете, но живут-то они здесь, так пусть будут патриотами своего района — надо и их привлекать к этой работе. И не только писатели — это и популярные артисты, и спортивные комментаторы, и космонавты, и политические обозреватели — пусть идут к людям, не брезгуя малыми аудиториями.

Я представляю себе эту работу не кратковременной, не от случая к случаю, а постоянной, кропотливой, настойчивой, напористой, как работали деятели культуры в войну.

Советские писатели — верные помощники партии. И потому для нас нет более важной задачи, чем работать, отдавать все силы, энергию и талант благородному делу коммунистического воспитания, продолжать славные традиции большевистской пропаганды, способствовать реализации исторических задач, стоящих перед Коммунистической партией и советским народом.

Этот материал прислал в «Огонек» из Улан-Батора кандидат геолого-минералогических наук, заместитель уполномоченного Министерства геологии СССР в МНР.

А. Шабаловский — ветеран Великой Отечественной войны. На фронт ушел добровольцем с первого курса Московского геологоразведочного института. Был тяжело ранен под Ленинградом. Имеет боевые награды. Больше двадцати лет занимается геологией Монголии.

А. ШАБАЛОВСКИЙ

ЛЮБОВЬ МОЯ, МОНГОЛИЯ

Передо мной на стене висит большая геологическая карта Монголии: 15 километров в одном сантиметре. Для непосвященных просто карта, а для меня — годы напряженного труда большого дружного коллектива, десятки тысяч километров на автомашинах и самолетах и тысячи — пешком, пешком, пешком... Отчаянные споры, ссоры, счастливые примирения по каждому контуру или значку, обозначающему месторождение.

Вот здесь, в зыбучих песках Монгол-Элэсу, по самое автомобильное брюхо сидели мы три дня без воды и еды.

А тут, у сомона Цогт-Цэцэй, в кромешной ночной темени чуть не погибли в неожиданном и страшном селевом потоке, если бы не монгольский шофер Доржготов. Сумел он вовремя завести машину, и мы, держась за ее борта, выбрались из жидкой бушующей грязи.

Где-то в Южном Гоби пробирался я однажды по глубоким сухим долинам — сайрам, заблудился немного и вдруг выехал к развалинам глинобитного монастыря, среди мощных гобийских вязов — илимов. И тут же — маленькая старая, одинокая юрта, а в юрте старик древний в такой же древней, когда-то светло-оранжевой ламской дэли. Разговорились по мере возможности, и выходило, что был он когда-то большой лама, проштрафился и стал кем-то вроде нашего попа-расстриги. Но в «мир» не ушел, а уединился здесь и живет себе отшельником. Напоил он меня чаем с нормальным сахаром, а потом достал допотопный медный кувшинище со слабой монгольской самогонкой. И стали мы ее пить из одной деревянной пиалушечки в серебряной оправе тончайшей старой работы. «Расстрига» мой захмелел скоро, взял меня за руку и запел бесконечную, тягучую не то балладу, не то молитву. Пел он глухим, ритмичным, завораживающим речитативом, с особенными горловыми переходами и пришепетыванием. И сколько это продолжалось, сказать невозможно. Пел старик о луне и солнце, о детях, и теплом степном ветре, и о старом печальном верблюде, что часами глядит сквозь слезы на далекий горизонт... Потом затих, достал из черной шкатулочки маленького бронзового льва с разинутой лягушачьей пастью и плоским, голым, как у бобра, хвостом и протянул мне — на память, дескать, русскому. Я уехал и долго потом вспоминал, как приоткрылась мне дверца в древний, непонятный и таинственный мир.

На севере, между рек Орхон и Селенга, на карте издания 1967 года маленький красно-синий кружок — всего лишь медно-молибденовое рудопроявление, каких много. А через пять лет это уже крупнейшее в Азии месторождение Эрдэнэтуин-Обо. Еще через шесть — могучий красавец горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт» и современный город с многотысячным населением — символ дружбы и братского сотрудничества наших стран.

Впервые «увидели» и правильно оценили здесь месторождение советские геологи Вадим Ушаков и Камо Агамалян. Потом работали чехословацкие, потом монгольские геологи под руководством Л. Мягмара и Г. Сандуйжава, удостоенных Государственной премии МНР.

Нелегко начинать «с нуля», разворачивать крупную геологоразведочную экспедицию. Первые юрты, первые передвижные вагончики, первые бараки и обязательно прекрасная баня. «Поселок геологов» — так называется теперь автобусная остановка между городом и комбинатом. Было трудно. Сначала не ладилось бурение в непривычных тяжелых породах. Подбирали конструкцию буровых снарядов, режимы бурения, формировался коллектив.

Много славных имен связано с этим периодом. Первым назову Евгения Ивановича Мартовицкого. За семь лет работы начальником советской геологической экспедиции в МНР на его счету разведка двух крупнейших в Монголии месторождений: медно-молибденового — Эрдэнэтуин-Обо и угольного — Баганур. Да и третий гигант, флюоритовый — Бороундур, тоже он начинал. А сегодня на всех трех уже поднялись и гудят в полный голос города и горнорудные предприятия. Правительство Монгольской Народной Республики удостоило его и главного геолога экспедиции, работавшего в то время, В. С. Калинина высокой награды — ордена Сухэ-Батора.

Помню Эрдэнэт, лето 1973 года. Разведка месторождения закончена, запасы руды посчитаны — их хватит на несколько десятилетий. Уже вовсю суетятся изыскатели, градостроители, энергетики, транспортники, а мы идем дальше, где еще не так шумно. 30, 50 километров на север, на запад — поиск продолжается. И вот вам неумолимая логика развития: совсем еще недавно вступила в строй последняя, четвертая очередь горно-обогатительного комбината, а сегодня время уже спрашивает: нельзя ли еще увеличить его мощность? А для этого нужны новые месторождения, и снова разведка, поиск...

Монголия — искони скотоводческая страна, и рабочий класс ее только формируется в первом или во втором поколении. И пастуху-арату, который родился в юрте и до пятнадцати лет слушал лишь степной ветер да блеяние овец, трудно привыкать к железному грохоту станков или неимоверной дизельной мощи двухэтажного БелАЗа. Но армия промышленных рабочих растет стремительно, и этот естественный процесс необратим.

Есть в этом естественном и трудном процессе явления просто замечательные. Вот, например, Ж. Сурэнхуу — мастер колонкового геологоразведочного бурения, Герой Труда МНР, депутат Великого Народного хурала. С командой совсем молодых ребят, которых он набирает сам, на буровом станке «ЗИФ-650» они добились высочайшей производительности и держат ее постоянно. И на буровой у них образцовая чистота, и технологию бурового процесса соблюдают прекрасно, и дисциплина в бригаде завидная.

Каждый советский специалист, кроме основной своей геологической работы, должен заниматься обучением и повышением квалификации местных кадров, у каждого стажер, а то и не один. И работа эта повседневная, кропотливая, ее не спланируешь ни по каким справочникам. И для многих, кто не один год поработал в Монголии, становится эта страна близкой. Люди уезжают домой, а через год-два тянет их обратно. Причины, конечно, разные, но я говорю о тех, кто умеет слышать зов бесконечной степной дороги и предчувствовать радость нежданной встречи...

Поздней осенью в Южном Гоби поехали мы в один из последних маршрутов, километров за сорок, планируя возвратиться к вечеру в лагерь. Старенькая машина наша — УАЗ-452 — неуклюжий зеленый железный ящик на шасси повышенной проходимости. Я не люблю эти автомобили, в полутемной утробе которого через два часа езды дуреет даже самый выносливый. И вот на обратном пути, уже под вечер, сгорела у нас катушка зажигания. А ветер суровый, и ночью обязательно будет мороз — градусов не меньше пятнадцати. Мы без шапок, в самой

Галина Сергеевна Уланова и Надя Тимофеева в репетиционном зале театра Елисейских полей.

Телефото О. Карасева (ТАСС)

УСПЕХ СОВЕТСКОГО БАЛЕТА В ПАРИЖЕ

В Париже с огромным успехом прошли вечера балета артистов Большого театра Союза ССР. Известный советский танцовщик и балетмейстер В. Васильев специально для этих гастролей поставил на музыку русских и аргентинских композиторов три одноактных балета. В них участвуют и признанные мастера и совсем молодые артисты театра. Первое отделение программы, показанной во Франции, называется «В честь Улановой». Постановщику удалось открыть зрителю удивительное таинство танца; увиденный глазами маленькой девочки процесс танцевального урока. С этой ролью отлично справилась ученица 1-го класса хореографического училища Надя Тимофеева.

В программу входили также «Сентиментальный вальс» Чайковского и хореографическое повествование «Фрагменты одной биографии». Здесь проявилось умение В. Васильева точно воплощать музыку в ярких, зримых образах танца, раскрывая все богатство звуков, интонаций... Чуткость постановщика к индивидуальности исполнителей позволила солистам балета в полной мере продемонстрировать свои возможности перед парижским зрителем. Зал восторженно аплодировал дуэтам Е. Максимовой и В. Васильева, Н. Тимофеевой и В. Анисимова, артистам А. Михальченко, Н. Семизоровой, И. Пяткиной, А. Лиепе, А. Фадеечеву, С. Соловьеву... В успехе вечеров большая заслуга принадлежит замечательному пианисту П. Сальникову и известному художнику В. Левенталю, создавшему костюмы для этой программы.

легкой маршрутной форме. Что такое в открытой степи ветер 20 метров в секунду? Дверцу автомашины изнутри против него не откроешь — нужно упираться двумя ногами, а если упустишь — так ее просто оторвет и унесет. Что делать? До лагеря километров 35. Затащили мы в кузов два ведра песку и разожгли на нем крохотный костерок. А на дрова стали ножами расщеплять деревянную решетку с пола. Да еще оставалась доска от сиденья. Сидим час, другой. В фургоне от дыма дышать почти нечем, а железные стенки от мороза и ветра постепенно леденеют и мы вместе с ними... И вот далеко за полночь блеснули на горизонте фары. Чужая машина здесь — дело почти невероятное. И действительно, подбегает минут через двадцать второй наш УАЗ, и вылезают из него Сономосор, начальник отряда, и Бямба, геолог, протягивают нам два термоса горячего чая — зеленого, с молоком, с солью — чудо как хорошо! А суметь найти следы в каменистой пустыне ночью, да при отчаянном ветре со снежной крупой мало кому дано. Но такие они и есть, монгольские геологи,— славные, веселые, надежные парни!

А незадолго перед тем произошло событие, которого геолог ждет десятилетиями: на одной из наших скважин разведочного бурения пошла руда! Конечно, мы ждали ее, мы подбирались к ней два года терпеливо, настойчиво, а то и мучительно. На нее намекали нам результаты химических анализов и бесчисленные кривые геофизических электроразведочных приборов. И все-таки событие яркое, незабываемое и все равно неожиданное. Случилось это ночью. В юрту ворвался дежурный наш геолог Бямба, выкрикивая что-то: от радости забыл не только русские слова, но и половину монгольских. А нам и не нужно было ничего объяснять — выбрались мы из спальных мешков, загрузились в наш «уазик» и помчались на огни буровой. А до нее всего-то один километр... И тут началось! Кого-то качать пытаются, кто-то кайлом по железной бочке колотит, а Бямба на керновых ящиках распластался, руки раскинул, как будто всю свою землю обнять хочет. Кто такое однажды переживет, тому уж не страшны никакие будущие неудачи, потому, наверно, это и называется нашим геологическим счастьем.

...Над горячей каменистой степью от горизонта до горизонта — ни ветерка, ни облачка. Но небо тяжелое, фисташково-серое, низкое. А солнце, наоборот, бесконечно высоко и светит как сквозь трубу, направленную прямо на нас из опрокинутой раскаленной бездны. Это Монголия, Южный Гоби. Так здесь бывает, когда термометр показывает 43 градуса тепла. Но мы не возим с собой термометра, потому что сколько бы он ни показывал, все равно будем ехать. Мы едем много часов, с рассвета. От тяжкого зноя, от непрерывного, однообразного движения теряется ощущение времени, мысли вянут и растворяются без конца и начала. И «уазик» наш ошалело катится к горизонту, кое-как, машинально выбирая дорогу. Его пыльное нутро — наш дом на много дней. Он давно уже растерял на бесконечных дорогах бравый армейский лоск. На боках там и сям вмятины и откровенные струпья сварки. Он как старый работяга-верблюд. И если бы ему полагалось быть покрытым шерстью, она непременно свисала бы свалявшимися клочьями на дверцах.

Впереди незаметно поднялась гряда красноватых, совершенно выгоревших холмов. Справа и слева стали подбегать другие степные дороги, и за перевалом сразу открылся аймачный центр. В пологой, незамкнутой котловине свободно расположилась сотня белых домов. А дальше ряды таких же белых юрт. Местами они собрались кучками и прячутся за дощатыми заборами, но чаще стоят прямо так, открытые ветрам. Растительности почти никакой, лишь в редких маленьких палисадниках замученные солнцем пыльные цветы.

Мы подъехали к белому зданию гостиницы. У входа на ровной бетонной площадке прямо на солнце играла девочка, крупная и очень складненькая. Ей было пять или шесть лет. Русые волосы лежали аккуратными волнами. Глаза серо-голубые, прохладные.

Я присел на скамейку в тени небольшого навеса. Продолжая играть, девочка взглядывала на меня, чертила мелком узоры на бетоне, и расстояние между нами сокращалось. Потом к моим ногам подкатилась баночка из-под крема. Я покатил ее обратно. Через минуту баночка снова стукнулась о мой ботинок. И началась молчаливая игра: она — мне, я — ей... Глаза девочки потеплели, в движениях появилась кокетливая округлость. Я достал из полевой сумки большую конфету и протянул ей. Она спокойно взяла конфету, осмотрела со всех сторон и, приподняв платьице, спрятала в карманчик, который оказался на трусиках. А потом чуть наклонила голову набок, вытянула руки вдоль туловища, отставила в стороны прямые ладошки в виде крылышек и чуть опустилась в реверансе.

— Послушай, чудо, откуда ты здесь?— обратился я к ней.

Она долго смотрела на меня широко раскрытыми глазами, потом подошла вплотную, наклонилась к самому лицу и сказала громко, нараспев, как глухому:

— Я — булгар!

Через несколько дней, возвращаясь в Улан-Батор той же дорогой, я познакомился с ее отцом. На краю зеленого поля рослый мужчина с иссиня-черной бородой горячо растолковывал что-то на смеси монгольского, болгарского и русского языков женщинам с тяпками в руках. Болгарские садоводы и огородники, всемирно известные мастера этих дел, уже несколько лет помогают монголам выращивать совершенно новые для них сельскохозяйственные культуры. И теперь уже на западе страны и на юге, в сомоне Булган, и в других местах прекрасно вызревают пока еще мелкие, но удивительно вкусные и сахаристые арбузы. А в зимние месяцы на прилавках магазинов лежат длинные огурцы и ядреные помидорчики, потому что в Улан-Баторе и Эрдэнэте с помощью болгарских специалистов построены большие теплицы.

А в пригороде Улан-Батора под названием Толгойт расположилась большая колония геологов — прекрасные служебные здания, склады, гаражи и два жилых девятиэтажных дома. В одном живут специалисты Советской геологической экспедиции в МНР, в другом — многонациональный коллектив Международной геологической экспедиции СЭВ. Жилые дома стоят друг к другу под прямым углом, а между ними детский городок — футбольная и волейбольная площадки, горки, качели и хитроумная мини-карусель, на которой кружится малышня. С подветренной стороны дома на солнышке гуляют с колясочками мамы разных национальностей, обязательно элегантные, обязательно молодые. И вот зимой и летом с утра и до вечера летит до девятых этажей и выше разноязычный ребячий гомон.

Улан-Батор.

В. Гаврилов. 1923—1970. В. И. СУРИКОВ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР».
Программы и дипломные работы выпускников.

М. Авилов. 1882—1954. ЦАРЕВИЧ ИВАН НА ПРОГУЛКЕ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников.

Поэты Палестины

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Перевожу поэтов Палестины
И чувствую бессилие свое,
Чтоб воссоздать
бейрутские картины:
Разруху...
Мор...
На трупах воронье...

Сажусь писать,
но предо мной маячит,
Блокнот вполне реально заслоняя,
Уставший плакать
Обожженный мальчик,
Похожий детством горьким на
меня.

Постой, малыш,
не порывайся к маме!
Ей приказала голубая смерть
Бессмертными и чистыми глазами
В родное небо без конца смотреть.

Постой, малыш!
Не выходи к дороге!
Ты видишь ноги в жестких сапогах.
Они уже перешагнули многих,
И ты для них —
Ничтожество и прах.

Скорей назад!
Скорей, мой черноглазый!
Летит снаряд...
Взрывается...
Ложись!..

Не в жизни —
Так в стихотворении
Обязан
Спасти тебя.
Так мне спасали жизнь.

Перевожу поэтов Палестины,
Ни сердцем, ни умом не устаю,
Как будто детства
горькие картины
Из пепла наяву воссоздаю.

Переводы стихов палестинских поэтов Анатолия ПАРПАРЫ.

Мей САИГ

УММ-АЛИ [1]

Не уходи,
твой уход, как поход в вечность,
не уходи,
ты нас вдохновляешь на подвиг,
ты открываешь в наших сердцах
мечты и восторги,
ты с рождения в нас —
не уходи!

[1] Умм-Али — мать Али, уважительное обращение к женщине.

Двери лавок закрываются
при бомбежке,
тьма идет в наступление;
этот город, который любила,
копит память, металл,
гнев и камень,
сохраняя усталость и слезы:
человеку под ними так больно!
Этот город, где пламя и кровь,
этот город, где горе всесильно,
сеет в небо надежды, как звезды.
Как ты можешь уйти,
не простившись?

Ты уходишь.
Ты чело отираешь устало,
но небеса опускаются тихо,
чтоб отдохнуть на руках до утра.
Сердце людское — зола
и цветок беззащитный, и молот,
и звезда, и пшеничное поле —
от тебя я узнала.
Ты уходишь.
Но гибель твоя прекрасна:
хлынет кровь, как стихи о победе,
как полет справедливой пули.
Город, мною любимый,
ты вечен.

Рибби МАХМУД

БЕЙРУТ СРАЖАЕТСЯ!

Между Шибли и между Нахром [2]
слезы молча струит Бейрут,
меж землею и меж водою
крылья века любовь несут,
а любовь воспитал Бейрут.

●

Содрогается грудь этих дней
от разрывов и баррикад.
И трава покрывает в Бейруте
все, что тлен погубить был рад.
Эти дети играют с огнем,
застывая на травной груди,
приникая к лафету пушки,
прижимаясь к Тель-Заатару [3],
словно вечность у них впереди.

●

О бег суровых дней, Бейрут!
Твоя земля беременна, Бейрут!
Родятся львята в голодное время,
но вырастают львы, Бейрут.
Мечты родятся в ужасное время,
но вырастают львы, Бейрут!
Ведь каждый год стремителен,
как час.

[2] Шибли, Нахр — окраины Бейрута.
[3] Тель-Заатар — лагерь палестинских беженцев, уничтоженный фалангистами в 1978 году.

●

Остановитесь.
Что для вас Бейрут?
Для нас же все. Да, мы горды.
Не терпим оскорблений. За обиду
сражаемся.
И не прощаем подлость.
Остановитесь. Думаете, что
от ужаса столицы содрогнутся?
Бейрут воспрянет вновь.
Бейрут живет всегда.
Сражается Бейрут, пока есть силы.
Так будьте же виновниками смерти
столиц и городов.
Так знайте все же:
Бейрут сражается!
Бейрут не побежден.

Самих МУХСИН

ТАК ГУЛКИМ УТРОМ...

Бейрут
для меня —
это тетради и учебники,
это чистильщик обуви,
это мальчик Ахмед,
взлетающий на четвертый этаж
с газетой «Ан-Нида» [4] в руках:
в дверь стучится мою,
словно птица морская клювом,
и бросает листки газеты,
будто дарит свою улыбку.

Это женщина, ждущая первенца,
что проходит сквозь
синие сумерки
Новый путь (это новая улица)
и идет
к Муниципальному стадиону [5].
Это беженец с юга Ливана
и бродяга за чашечкой кофе,
что ломает кусочки хлеба.
Это видный поэт Саади бен-Юсеф
и в кафе небольших его строки.
Это студентки
и это женщины,
которые собираются
вокруг каргиле на террасах;
это красавица Ибтисам,
вышедшая из городского шума,
благоухающая морем и розой.

Тоскливое ожидание
убивает Бейрут.
Товарищ мой с гневом
рассказывает о смерти,
о развалинах, о раненых,
обо всем говорит, страдая.
Так гулким утром для нас
начинается жизнь,
и розы, и мечты.
А для войны начинаются взрывы
и развалины,
всюду развалин чащобы,
всюду горькое горе
и всюду смерть.

[4] «Ан-Нида» — орган ЦК Ливанской компартии.
[5] Новый путь, Муниципальный стадион — улицы Бейрута.

ТУПИК

Твои границы — в этом тупике.
Здесь теснота,
развалины и бедность.
Здесь убивают сердце всей Земли
и всей цивилизации.
Там гибель сеют.
Там сеятели, жирные от смерти.
Твой луч рассветный стал
в руках жестоких
тьмою.
И света нет.
Они забрали свет
всех солнц земных себе
и жизнь прекрасную
отняли у тебя.
И вот ты здесь.
И вот твои границы:
бред тупика.
В нем вьют себе гнездо
развалины.
Но мы найдем,
найдем оттуда выход —
к свободе,
к зелени,
к воде.

Махмуд АС-САРБИОНИ

«ГОВОРИТ БЕЙРУТ!»

Говорит Бейрут:
«Когда застрелили на юге розу,
волны морские вмиг посерели.
Я совершил омовение кровью,
и зеркала, что мне присягали
с любовью,
вдруг разбились. Я это постиг...
Море взывало: «Землю покинем!»
Но голос кедра
расчетливым камнем
в сердце проник
и меня удержал...»

Бейрут, ты книга,
нами еще не прочитанная...
Бейрут, ты усталость,
но ты и восстание нашей любви,
мы не постигли беды твои.
Бейрут, ты луна!
Так взойди
над серебряным миром
и тревожно с небес огляди,
как колышутся травы
на земной груди.
Будь птицей, Бейрут.
Ты птица, что зарю воспевает.
Будь рубашкой, Бейрут,
что усеяна звездами густо.
Будь мукою для дома и радуй
свежим хлебом наш глаз.
Над землею простерла ночь
крылья.
День давно отдыхает
в ожиданье грядущих боев.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО

**Федор УГЛОВ,
действительный член Академии медицинских наук СССР**

В прошлый мой приезд в Ленинград — а было это года полтора назад — хорошая знакомая Мария Дмитриевна Шипило лежала в клинике, перенеся серьезнейшую операцию.

И вот теперь мы сидим с улыбающейся, пребывающей в самом добром расположении духа Марией Дмитриевной, и она вспоминает то нелегкое время.

— Оперировать меня никто не брался. Годы немалые — за семьдесят. И очень высокое давление. Хирурги боялись, что умру на операционном столе. И я смирилась: все, думаю, пожила свое. А Федор Григорьевич Углов решился. «Я,— говорит,— вам, Мария Дмитриевна, даю честное слово, что сделаю все возможное, чтобы вас вылечить. Только вы обязательно должны поверить в свое выздоровление и этим помочь мне и себе». И вот, видите, поверила и живу, и не было дня, чтобы не поминала его добрым словом и не желала ему здоровья — ведь сколько людей он спас и еще спасет от смерти.

Приходится слышать, что само слово «честь» вроде бы устарело. Но вспомним, как к нему относились в прошлые времена. Даже дрались на дуэлях, чтобы смыть позор бесчестья. А мы что же теперь, будем презирать слесаря, который должен был прийти починить кран, да не явился? Или, может быть, директора завода на дуэль вызвать за то, что пообещал квартиру молодому специалисту, а дал родственнику своей жены?

«Достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы». Так объясняется слово «честь» в словаре С. И. Ожегова. А мы стали стесняться, избегать этого слова в преломлении к конкретным поступкам и чертам характера как понятия скорее литературно-архаического, чем применимого в наш бурный, рациональный век. Как будто он, этот век, в состоянии отменить истинное значение этого слова.

В первом классе я прочла рассказ про мальчика, который поздно вечером в пустынном парке, плача от страха, стоял на часах возле какой-то будки, но не уходил, потому что дал слово. А ведь это была всего-навсего игра. Но мальчик, боявшийся темноты, несомненно, уже тогда был человеком чести. Больше тридцати лет прошло с того времени, как я прочла этот маленький рассказ, но помню этого мальчика, и бывают в жизни нелегкие, непростые ситуации, когда очень хочется быть похожей на него и на ту себя, которая тогда безоглядно признала его правоту. А иной раз взрослая рассудочность нашептывает: да брось ты! Кому это нужно! Смотри, как легко и удачливо живут люди, не отягчающие себя долгами чести.

В этом плане мне показались интересными раздумья Федора Григорьевича Углова — хирурга, лауреата Ленинской премии. И не только потому, что он дал слово и сдержал его по отношению к моей давней знакомой. Хотя такое поведение во многом характеризует человека. И, может быть, именно это как-то подсознательно толкнуло меня заговорить с ним о столь высоких предметах, как честь, достоинство, нравственность. Когда я спросила его об этом, Федор Григорьевич охотно поддержал беседу:

— Проблема, которую вы затронули, волнует меня всю жизнь.

Глубоко ошибочно мнение, что понятие чести было в обиходе исключительно дворянском, аристократическом. И в простом народе нашем во все века считалось, что нарушивший слово покрывает себя и свою семью позором. Поэтому среди порядочных людей считалось неприличным брать расписки или письменные обязательства. Чем воспитаннее человек, чем выше ставит он свое человеческое достоинство, тем строже относится к своему слову независимо от того, кому оно дано. Вы правы, к сожалению, на каком-то этапе, думается, ослаблено внимание к изначальному формированию в человеке достоинства. И отрицательные результаты не замедлили сказаться во многих сферах нашей жизни. Многовато развелось тех, кто не ценит, не уважает собственное слово. Нередко такие люди руководят государственными учреждениями, и тогда они дают слово не только от себя лично, ручаются не одной своей честью, но и честью своего учреждения, коллектива. Вот почему слово руководителя должно быть не менее важно, чем подписанный им документ.

А на деле нередко бывает иначе. Помню, как мы строили клинику. Четыре года весь коллектив, кроме своей непосредственной работы, помогал строить на субботниках и воскресниках. И все-таки сдать объект в срок не удалось. Оставались некоторые недоделки, при которых клиника просто не смогла бы нормально работать. А строители уже перешли на другой объект.

Однако начальник стройки попросил меня подписать акт о приемке здания.

— Но я не могу подписать, когда столько недоделок,—ответил я.

— Федор Григорьевич, обещаю, что через месяц все недоделки устраним. Войдите в наше положение: если не подпишете, у нас план полетит, премии лишимся. Ребята обидятся. А подпишете — все сделаем в лучшем виде.

Я сдался и подписал. Месяц прошел, а на объекте ни одного рабочего. Здание стоит, мы работаем в старом. Звоню начальнику.

— Вы уж извините, Федор Григорьевич, дайте еще месяц.

Минуло еще три месяца. Положение не изменилось. Пошел я к этому руководителю ругаться.

— Что ж, Федор Григорьевич, придется вам въезжать в клинику так, как есть. Вот начнете работать, мы увидим недостатки и ликвидируем. Сами же подписали акт о приемке.

— Но ведь вы же просили войти в положение, заверяли, слово давали...

— Слово к делу не пришьешь. Раз приняли, значит, работайте,— назидательно сказал мне руководитель.

Получилось, что он же меня еще и учил жить. Судя по признакам нетерпения, которые он проявлял, претензию мою он считал обычной, надоедливой и, быть может, в душе посмеивался над моей доверчивостью.

Таким образом, за чужое невыполненное слово поплатились коллектив клиники, я и те больные, которые из-за всего этого лишились возможности получить у нас помощь. А ведь для многих из них это был вопрос жизни или смерти.

Как подчеркнул в своей речи на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов, «Исключительно важно добиться, чтобы слова никогда не расходились с делом, а суть дела не подменялась формой. Это, если хотите, один из важнейших резервов совершенствования нашей социалистической демократии во всех звеньях государственной и общественной жизни».

А разве таких фактов, когда слово с делом расходится, мало? Мне кажется, их надо беспощадно обнародовать, и не только в газетных статьях — печать наша в последнее время стала заметно острее ставить наболевшие вопросы. Тут и писатели обязаны сказать свое веское слово — ведь народ к их слову очень внимателен. А в этом творческом цехе, по-моему, полного единодушия не наблюдается. Документалист честно описывает примеры того, как люди нарушают требования государства и какой моральный и материальный ущерб терпит дело. А иной драматург пишет пьесу о том, что, оказывается, бывают случаи, когда из соображений «высшего» порядка просто необходимо подписать акт о приемке завода с недоделками, можно даже вообще поставить подписи на чистых листах. Человек, который стремится организовать эту процедуру, подается нам как очень симпатичный современный борец за правду. И люди смотрят эту пьесу, далеко не бесталанную, и сочувствуют герою, которого играет любимый артист, и где-то подспудно рождается, крепнет мысль: значит, и так можно. Значит, и к большой цели можно идти окольными путями.

Авторы книг, пьес и фильмов в погоне за ложной остротой порой смещают акценты, а люди ведь очень верят тому, что читают в книгах, видят на сцене или экране. Я говорю о произведениях, по-своему интересных, отмеченных одаренностью их создателей. Бездарные, ремесленные поделки даже с очень правильной идеей только дискредитируют ее и порождают недоверие и скепсис.

— Кстати, Федор Григорьевич, уж коли речь зашла о писательском слове, сильно влияющем на души людей... Вы автор трех книг: «Сердце хирурга», «Человек среди людей» и «Живем ли мы свой век» (вместе с И. Дроздовым). Скоро выйдет в свет четвертая — «Под белой мантией». Я видела у вас в кабинете тысячи писем, присланных читателями. О чем вам пишут? Что больше всего волнует нашего современника?

— В основном это письма-исповеди, порой горькие, самокритичные, беспощадные. Примечательно, что, кроме медиков, пишут люди самых разных профессий, и больше всего их трогают, задевают за живое нравственные проблемы, которые так или иначе мне хотелось поднять в моих книжках. Письма подтверждают необыкновенную чуткость и тягу наших людей к нравственным ценностям, к отношениям, построенным на основе честности и благородства.

— Федор Григорьевич, в жизни нередко приходится сталкиваться с явлениями, чуждыми нравственным основам нашего общества... Не потому ли это происходит, что по целому ряду причин уровень нравственного воспитания пока недостаточен, людям в конкретных житейских ситуациях, как мы говорим, в мелочах, недостает еще зачастую точных и незыблемых этических убеждений, а природа, как известно, не терпит пустоты... Зло не из добра родится.

— Да, все начинается с малого. Ехал я в троллейбусе к Московскому вокзалу. Против меня сидела молодая пара и о чем-то оживленно беседовала. Возле них остановилась старушка. Молодые люди ее отлично видели, но не только не уступили места, а, напротив, девушка еще теснее прильнула к парню, взяла его за руку, как бы подчеркивая, что с места они не

стронутся. Старушке уступил сиденье пожилой мужчина, а на веселом лице девушки и тени стыда не мелькнуло. Я тогда подумал: вот с чего в человеке начинаются грубость, равнодушие, нежелание считаться с правилами приличия. А потом пришла и другая мысль: сегодня девушка приняла бездушие своего друга чуть ли не за подвиг любви, а завтра он так же поступит с ней самой.

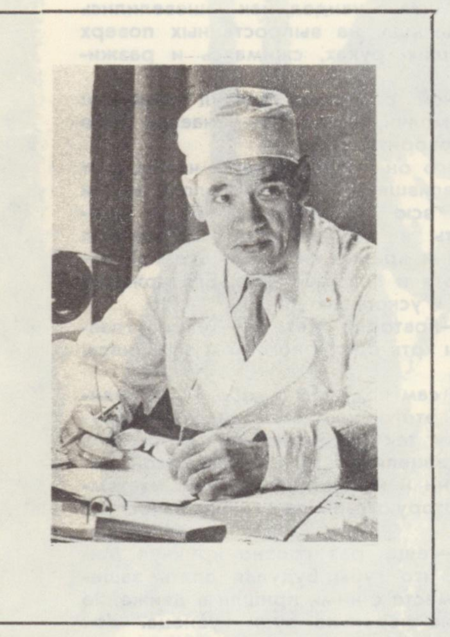
Мелкие обиды и бестактности ранят сердце не меньше, чем большие неприятности. Я зашел как-то в магазин и спрашиваю продавщицу, сколько стоит колбаса.

— А сами не видите, что ли? — ответила продавщица.

— Я дома очки забыл.

— Ну так сбегайте,— бросила она равнодушно.

Сколько времени прошло, а я, как видите, помню этот, казалось бы, ничтожный инцидент. А ведь последствия грубости бывают непредсказуемыми. В одном университете на заседании ученого совета сотрудник в своей речи позволил себе бестактное высказывание в адрес профессора, с которым у него и прежде были столкновения. Профессор, выйдя на кафедру для ответного выступления, упал и умер. Как часто мне

приходится иметь дело с больными, на которых трагически отразилась нездоровая, неискренняя обстановка в коллективе, чья-то нечестность, грубость. Ведь взаимоотношения между людьми — один из важнейших резервов их жизнестойкости.

Некоторые хирурги во время операции кричат на своих помощников, в том числе и на женщин. Они оскорбляют, унижают своих ассистентов, медсестер. Потом оправдываются: «Работа нервная». Или: «Надо же как-то снять напряжение».

В одном из зарубежных клиник в предоперационной я увидел плакат: «Ваш характер никого не интересует. Оставьте его при себе». По-моему, такие лозунги нехудо бы вывесить не только в медицинских учреждениях. В самом деле, почему это товарищи по работе и подчиненные должны терпеть грубость, хамство, самодурство того или иного работника? А сколько склок может породить в коллективе только один завистник и интриган, считающий, что заслуживает большего, чем имеет! Смотрит такой человек вам в глаза, призывает вас к искренности, готов, кажется, слезу пролить от любви к вам, а за вашей спиной клевещет, делает пакости, мешает не только работать, но и жить, сокращая вашу жизнь. Считаю, что у настоящих хирургов правдивость и честность — основа поведения и с больными и с товарищами. Нельзя быть правдивым с одним и лжецом с другими. Как нельзя быть проходимцем и патриотом. Ни одновременно, ни по очереди: сегодня проходимцем, а завтра — патриотом. Уж больно закономерна и логична цепь: сегодня ты обманул ближнего, завтра — товарищей по работе, послезавтра — государство.

Мы часто и много говорим об идеалах, о необходимости коммунистического воспитания, формирования нового человека. Но все это останется словами, если человек с детства не будет приучен неукоснительно исполнять нравственные правила нашего общества, кодекс чести советского человека, не обретет потребность беспокоить себя ради других.

Я знаю немало замечательных людей с очень развитым чувством общественного сознания. Совсем недавно в нашей клинике много сил и напряжения было отдано созданию нового искусственного клапана. Нынешняя конструкция не устраивает нас, потому что занимает в камерах сердца много места и обладает повышенным сопротивлением кровотоку. Мы решили сделать клапан более удобный, прочный, меньших размеров. Изобретение наше получило право гражданства. Процесс эксперимента подходит к концу, впереди — апробация на больных. Я очень надеюсь на то, что новый клапан спасет жизнь многим и многим людям. И с благодарностью думаю о тех, кто бескорыстно и беззаветно помогал нам создавать эту конструкцию. Ведь приходилось преодолевать задачи далеко не только медицинские. Надо было решить чисто гидродинамические проблемы, связанные со структурой потока крови в камерах сердца. И тут на помощь нам пришли доцент кафедры гидроаэродинамики Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина Олег Николаевич Бушмарин и инженер Евгений Федорович Белов. Их никто не обязывал безвозмездно работать ночами, отдавать нашей идее свои силы и вдохновение. С них никто не брал честного слова закончить расчеты к тому или иному сроку. Слово сделать все необходимое в возможно короткий срок и с предельной точностью они дали себе сами. Потому что за этим — здоровье, спасение людей.

На мой взгляд, это и есть настоящее проявление благородства, чести, гуманизма. Наверное, от каждого человека такого нравственного взлета требовать трудно, но стремиться к этому необходимо.

Очень хотелось бы, чтобы высокое понятие о чести стало нравственным кредо как можно большего числа людей.

Беседу вела Ирина ПИРОГОВА.

МЫСЛИ ОБ АКТЕРСКОЙ ПРОФЕССИИ

Рядом с двумя высокими профессиями: врач и учитель — Игорь Олегович Горбачев, народный артист СССР, художественный руководитель театра имени Пушкина, ставит третью. Актерскую.

Об этом на всю жизнь призвании и рассказывает его книга, вышедшая в издательстве «Молодая гвардия». Она так откровенно и называется: «Я — счастливый человек»... И, пожалуй, как раз прямота, убежденность и доверительность более всего привлекают в книге, небольшой, но значительной по содержанию, особенно современно звучащей в наши дни.

Действительно, профессию актера, проблемы мастерства автор связывает — и очень убедительно — с нынешней жизнью советских людей, с их созидательной творческой деятельностью. Размышления артиста — искренние, человечные — наполнены тем чувством ответственности, которое непременно испытывает — должен испытывать! — человек, выходящий на сцену или появляясь на экране кино.

Автор убежден, что настоящий артист призван «не просто играть, а что-то совершить». Ведь если нет на сцене значительного поступка, нет подлинного свершения, то нет и образа. И нельзя не согласиться с И. О. Горбачевым, критически оценивающим некую пресловутую «современную» манеру действия, манеру игры.

«Наше искусство,— пишет он,— к сожалению, часто страдает от камерности. Некоторые молодые по возрасту театры считают ее чуть ли не своим девизом. Торшер, коньяк на сцене, небрежная поза, разговор вполголоса — вот основной набор средств художественной выразительности. Думаю, что такая «красивая» жизнь рассчитана на мещанина, обывателя. Если раньше его можно было узнать по безвкусным коврикам, аляповатым безделушкам, то сегодня все изменилось. Обыватель «обынтеллигентился». Он может громко рассуждать об авангардизме, иметь много книг, выписывать множество журналов и оставаться при этом бездуховным, пустым человеком. Меняется форма, внешняя оболочка, а суть все та же. Узнаю обывателя по громким, «левым» фразам, желанию увидеть в первую очередь недостатки, изъяны нашей жизни, которые, безусловно, есть, но в то же время не определяют главного. Камерное, замкнутое в себе искусство щекочет нервы обывателя, и не более того».

В докладе К. У. Черненко на Пленуме ЦК КПСС сказано, что талант истинный «не отгораживается от жизни, не допускает ни лубочного прикрашивания действительности, ни искусственного выпячивания теневых явлений»... С этими словами перекликаются мысли автора книги, обращенные к тем актерам, к режиссуре, которые будто забыли, что «сами создали революционное искусство,— политическое, с острейшими конфликтами, четкой гражданской позицией, тенденциозное в лучшем понимании этого слова» (разрядка моя.— Н. Т.).

Искусство советской сцены, кино, телевидения, эстрады не может оставлять людей равнодушными, спокойными. И не должно их только развлекать, заполняя досуг «абы чем».

«Помню, как зрительный зал вставал в едином порыве на спектакле нашего театра «Ярость», захваченный возвышенной и трагической судьбой коммуниста, павшего от руки классового врага»,— пишет И. О. Горбачев. Сегодняшний день требует точно такого же, граждански направленного, яркого мастерства. Такой же самозабвенной жизни в искусстве. Это — дело чести каждого художника в наши дни. Сегодня, как никогда, от искусства требуется умение обращаться к сильным характерам, масштабным явлениям современности, которые несут в себе черты Будущего.

Долг культуры — активно служить народу, а не капризам преходящей «моды».

«Случается,— замечает автор книги,— что молодой актер становится вдруг модным, а это нередко кружит голову. Как это происходит? По-моему, сначала возникает общественный интерес к определенной проблеме и в этой связи — к определенной категории людей. Скажем, НТР вызвала появление определенного типа человека — волевого, чуть суховатого, более рационального, нежели эмоционального, знающего, но не всегда умеющего тонко чувствовать. Это нашло свое отражение в драматургии, такой герой стал модным. И на актера, чьи внешние и внутренние данные совпали с новым образом, появляется спрос. Его начинают занимать в ролях именно такого плана, приглашают в кино, на телевидение. Собственно, ничего плохого в этом нет, так как режиссер и актер попали в точку. Только не нужно забывать и о том, что времена меняются и мы меняемся вместе с ними».

Да, времена изменились!.. И они, наши времена, настоятельно требуют иных ролей, иного их звучания. Точнее говоря, увлеченного, запоминающегося изображения нового, сегодняшнего Героя, Человека с большой буквы. Строителя и созидателя общества зрелого социализма.

Это и есть главная задача священной актерской профессии. Главный, действительно святой долг артиста. Если артист настоящий.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Анатолий КАЛИНИН

РОМАН

ЦЫГАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Когда Настя, проводив Михаила, вернулась к себе в палату, ее соседка лежала на койке, отвернувшись лицом к стене. То ли спала то ли хотела дать понять, что ей не до разговоров.

Настя не стала ее беспокоить. Она уже привыкла к таким приливам и отливам в настроении новенькой. Или неудержимо рассказывает что-нибудь о своей жизни в хуторе на правом берегу Дона и смеется так, что, кажется, вот-вот заплачет, или же молчит, как камень,— слова не выдавить за целый день.

Насте и самой хотелось помолчать. Недовольна она была собой сегодня. Нехорошо все получилось с Михаилом да и со старшей медсестрой, на которую она обрушилась ни за что ни про что. Она вспомнила, какие у Михаила были растерянно-пристыженные глаза, когда отчитывала его старшая медсестра, и какие испуганно-обиженные были у старшей медсестры, когда неожиданно набросилась на нее Настя. Чего доброго, и в самом деле решила, что самое лучшее — немедленно спасаться бегством от этой больной с черными сверкающими глазами.

Настя невесело усмехнулась: не могла совладать со своей природой и напугала хорошего человека.

Скрипнула дверь, в палату робко заглянула молоденькая нянечка с завернутым в простынку младенцем на руках. Подошел час кормления новорожденных, и, как обычно, нянечки разносили их по палатам. Каждый раз в такие часы упорно заглядывала нянечка и в палату к Настиной соседке, и всякий раз та встречала ее приход все в одной и той же позе — отвернувшись лицом к стене. Никак не хотела подпускать ребенка к своей груди, хотя Настя и видела потом, как она украдкой пальцами отдаивает молоко в тазик и при этом глухо, сдавленно стонет. Молока у нее было много, и, приливая, оно беспокоило ее.

Не шелохнувшись, она лежала с закрытыми глазами спиной к двери. Как всегда, постояв у ее койки и ни слова не сказав, а только покачав головой, нянечка уже совсем собралась удалиться со своей ношей на руках, как вдруг новенькая резко повернулась и, протягивая к ней руки, хриплым голосом потребовала:

— Давай! Ну давай же скорей!

И когда растерянно-обрадованная нянечка суетливо, дрожащими руками поспешила положить ей под бок девочку, она быстрым движением выпростала из ворота больничной рубашки большую белую грудь, надавливая на нее пальцем и нащупывая тугим коричневым соском губы ребенка.

— Бери! — приказала она все тем же грубым голосом.— Ну, я кому сказала: бери! Ты что же это, свою мать не хочешь слушать?! Ага! — И она торжествующе рассмеялась, глаза у нее засветились так, будто зимнее солнце, заглядывающее в окно палаты, зажгло их изнутри. Сперва прерывистое, жадное, а потом равномерное и все более уверенное чмоканье разнеслось по палате.— Вот то-то и оно. Не спеши, молока у твоей матери на двоих хватит. Это тебе не из бутылочки по выдаче получать. Ты только посмотри, чего эти две здоровые дуры, как беспривязные коровы, ревут. Или они совсем уже разучились шутки понимать? Как будто и в самом деле найдется такая мать, которая согласится свое дите на чужое воспитание бросить. Скажи им, дочка, пусть они, проклятые, меня не расстраивают своим ревом, не сушат у меня молоко.— Она подняла от ребенка мокрые, счастливые глаза: — Марш, марш из палаты, чтобы вашего духу здесь не было! Немедленно марш! У матери с родным дитем свои дела. И ты, цыганочка, пока что уходи. Ты, должно быть, из всех ваших цыганок самая добрая и красивая девочка, но я же тебе все равно мою маленькую никогда не отдам. Откуда ты это взяла? И не думай, ты себе еще не одного родишь, вон у тебя мужик какой. Я его приметила, когда он еще в наш хутор за вином приезжал. Пожалуйста, уходи, Настя!

Настя, не двигаясь, сидела на своей кровати, закрыв лицо руками. Жгучая скорбь и жгучая радость переполняли ее. По всем общепринятым между людьми неписаным правилам и законам ей теперь следовало бы раз и навсегда обидеться на эту женщину. Мало того, что она почти целых два дня на глазах у Насти так неслыханно обходилась со своим только что родившимся ребенком, не признавая его и отказывая ему, еще совсем беспомощному, в том, в чем не позволила бы отказать своему дитю ни одна мать на земле. Она теперь едва ли не хочет свалить свою вину за это жестокосердие на чужую голову, откровенно издеваясь над лучшими чувствами и побуждениями Насти. И, конечно, ничего иного, кроме глубочайшего презрения к себе, не заслуживала она.

Но в залитой ярким солнечным светом палате слышно было, как ребенок все громче и громче почмокивал у груди своей матери, занимаясь самым первым и наиглавнейшим делом в своей жизни. А мать, ревниво скосив глаза, как завороженная, смотрела на него. И Настя, в свою очередь, глядя на них сквозь влажный и горячий туман, испытывала к этой странной и недоступной ее пониманию женщине совсем другие чувства, чем те, которые по всем правилам и законам, общепринятым у людей, она должна была бы испытывать к ней в своем оскорбленном и негодующем сердце.

Еще никогда она не была так же счастлива, как и несчастна.

Вконец измученный не столько тяжелым рейсом, сколько последним разговором с Настей в роддоме, Михаил вернулся домой совсем поздно. Заждавшаяся его Макарьевна уже была в стеганке и в теплом платке и, едва Михаил переступил порог, побежала к себе в корчму, где ее, как всегда в это время, должна была ожидать клиентура. Оглянувшись с порога, она только и успела сообщить ему:

— Какой-то он сегодня совсем другой. Стонет и беспокоится. Все время кулаки сжимает, как будто грозит, хотя я сегодня ему ничего такого не говорила. Я уже хотела соседского мальчишку Касаткина за фельдшером посылать, чтобы он ему укол сделал...

Не заглядывая в кухню, где стоял на столе накрытый полотенцем обед, Михаил прошел прямо в зал. Будулай лихорадочно мерцал на подушке глазами. Кажется, и в самом деле что-то новое появилось в его лице, во взгляде. Впервые за все время, пока он лежал здесь, он вдруг как-то осмысленно скрестился со взглядом Михаила. Но, возможно, всему причиной была и луна, набрасывающая на его лицо из окна сетку неверного света.

Михаил подошел к нему ближе.

— Говорят, ты совсем пошел на поправку, цыган, уже кулаками начал грозить. Давай, давай для комплекта, от вашей породы все можно ожидать. Я с твоей родичкой Настей уже почти два года как на вулкане живу и никогда с вечера не знаю, что она мне утром преподнесет. Вот привезу ее на днях домой, и тогда уже вы вдвоем возьмете меня в оборот.— Михаил вдруг осекся: — Что?

Ему показалось... Нет, он не ошибся. Будулай, который все эти дни неподвижно лежал на диване навзничь, приподнял голову на подушке. Михаил скорее догадался, чем услышал, как слетело с его губ:

— Где я?

— Что, что? — переспросил Михаил, быстро наклоняясь над ним и впиваясь в его лицо своими глазами.

На этот раз он совсем отчетливо услышал, как Будулай отчужденно спросил у него:

— Кто ты такой?

И тут же закрыл глаза, откидываясь назад, на подушку. Но губы у него продолжали шевелиться. Михаил увидел, как зашевелились у него и пальцы на выпростанных поверх одеяла больших руках, сжимаясь и разжимаясь.

С испуганной радостью Михаил закричал:

— Молчи, молчи, скоро все узнаешь! Тебе еще нельзя говорить.

Больше всего он боялся теперь, чтобы этот внезапно свалившийся на его голову и так осложнивший всю его жизнь цыган не провалился опять в беспамятство. Он схватил руку Будулая и крепко сжал ее. Будулай ответил ему, хотя и совсем слабо. Его пожатие было зыбким и ускользающим.

— Молчи!—повторил Михаил.—Теперь главное, чтобы ты хоть одним коготком зацепился, а там пойдет.

И вдруг он сам подумал о себе, что, странное дело, до этого никогда и никакому другому человеку так не желал он, чтобы тот еще крепче зацепился за краешек этой несчастной жизни и наконец-то выплыл из темной ямы, в которую свалила его безжалостная судьба.

— Молчи! — еще раз грозно крикнул Михаил, увидев, что губы Будулая опять зашевелились, а вместе с ними пришли в движение и его могучие черствые руки кузнеца. Как будто он и в самом деле хотел за что-то схватиться.

— Молчу,— покорно и внятно сказал Будулай.

Михаил мог бы поклясться, что при этом понимающая усмешка пробежала по его губам. Будулай закрыл глаза, глубоко вздохнул, надолго задержав в груди воздух, и потом уже задышал ровно и спокойно.

Ему снился сон: две красные рубашки плывут на двух паромах через Дон навстречу друг другу. Но, оказывается, это он мимо самого себя плывет. Только на одном пароме он совсем еще молодой Будулай, а на другом — уже с фронтовыми наградами. На том пароме, на котором молодой Будулай, сплошь плывут цыгане и только он — единственный среди них — русский, а на другом он среди русских один цыган. И в то самое время, когда молодая цыганка пристает к русскому Будулаю: «Дай, красавчик, руку»,— у Будулая, который цыган, строго требует милиционер: «Предъяви документы на свои ордена». Между тем паромы уже вот-вот встретятся и разойдутся в разные стороны. Молодая цыганка уговаривает русского Будулая: «Пойдем вместе с нами, ты вполне за цыгана сойдешь»,— но он отвечает: «Мне еще кузнечному делу научиться надо». «Ну хорошо,— говорит она,— давай

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—27.

вместе подумаем. Ты свою свадьбу на год отложи, а я свою с рыжим цыганом тоже отложу». А тот Будулай, который с орденами, отвечает милиционеру: «Отстань! Если тебе нужны мои документы, то ищи их в блиндаже на острове».

Две красные рубашки уже проплывают мимо друг друга так близко, что до последнего слова слышно, как люди говорят на обоих паромах по-цыгански и по-русски:

— Теперь надо в Казахстан подаваться. Там еще есть кони.

— Думали, после войны спокойно заживем, а она как сдвинула людей с места, так и кружатся по земле. Кто ищет мать, кто мужа, а кто и самого себя никак не может найти.

Два красных пятна, наплывая одно на другое посредине Дона, превращаются в одно сплошное и опять расходятся каждый к своему берегу. «Подожди! — кричит Будулай одному и другому.— Подожди!»

— За кем это ты гоняешься? — насмешливо спрашивает над ним голос Михаила Солдатова.

Открыв глаза, Будулай вдруг садится на диване, приближая лицо к Михаилу, и совсем отчетливо спрашивает у него:

— А на Дону много островов?

Зрачки у него блестят. Михаилу не нравится этот тревожный, тяжелый блеск.

— Почти у каждой станицы,— с удивлением отвечает он.— А какой тебе нужен?

— В сорок втором году,— медленно говорит Будулай,— когда мы отходили за Дон, наш взвод с острова у станицы...

— Раздорской? — подсказывает Михаил.

Будулай проводит ладонью по лбу, как будто смахивая паутинку.

— Я тогда не успел узнать.

— Там недалеко цыганку танк раздавил,— осторожно напоминает Михаил.

Но Будулай отчужденно взглядывает на него.

— Ты меня перебил.— Он снова проводит ладонью по лбу.

— Ты говорил, что ваш взвод...

— Да,— обрадованно подхватывает Будулай,— переправу племенных табунов через Дон прикрывал. Три дня мы под минометным и пулеметным огнем все склоны держали.— Голос у него становится виноватым.— Но из всего взвода только мне одному удалось выплыть. Какая-то умная лошадь, когда меня ранило, ко мне подвернула.

Михаил решается повторить:

— После войны у станицы Раздорской цыганская могила была.

— Я там никогда не был,— спокойно отвечает Будулай.

При этом ничто не вздрагивает у него в изможденном болезнью лице. Глаза смотрят на Михаила, как сквозь стеклянную пленку.

Михаил сам ужасается своей догадке: он, кажется, помнит только то, что было с ним на войне.

— Что-то твоего Егора давно не видать? — осведомлялась Макарьевна у Шелоро.— Опять где-нибудь рыщет?

— Нет, он теперь на отделении. При табуне,— отвечала Шелоро.

— И не проведывает тебя. Вот уже третья неделя проходит. Смотри, как бы он там себе тоже какую-нибудь казачку не завел.

Шелоро уверенно улыбалась:

— Пускай, бабушка, заводит. Надо с голодными делиться.

— Зря ты так надеешься на него. Как будто он хуже других мужчин.

Шелоро продолжала улыбаться. Сама мысль, что с ее Егором может случиться что-нибудь подобное, тешила ее.

— Заведет по этому холодному времени, так, значит, меньше в своем вагончике на отделении кизяков сожжет.

Макарьевна обижалась:

— Ты что же, в нашей местности считаешь себя красавицей из всех?

Шелоро поводила плечами:

— Напрасно вы, бабушка, беспокоитесь. Как будто у нас с вами никаких других дел нет.

— Странные вы, цыгане, люди. Ему можно тебя к каждому паньку ревновать, а ты не имеешь права.

И на это у Шелоро был ответ:

— Ревнует, значит, любит.

Но не такая была Макарьевна, чтобы ее могли удовлетворить такие ответы. Сдав дежурство Шелоро, она по пути домой наведалась к своей племяннице, которая работала кухаркой на том же самом отделении, где и Егор помощником табунщика, и на другой день, едва появившись на пороге, сообщила Шелоро:

— Вот и нет твоего Егора на отделении. Все это прошлогодняя брехня.

— А где же он? — спокойно спросила Шелоро.

Ее тон окончательно вывел Макарьевну из себя.

— Это тебе лучше знать. Я ему не жена. На три дня, говорят, договорился со своим подменщиком. И цыганских коней своих с собой из табуна забрал.

Только на короткое мгновение смутилась при этих словах Шелоро.

— Значит, так нужно было.

— Дикий вы, цыгане, народ. И живете както промеж себя не по-людски. Вместе и врозь. Ни он у тебя не интересуется, куда ты можешь из дому на целые недели пропадать, ни ты не беспокоишься, куда твой Егор бесплатную командировку взял.

— Не дикие, бабушка, а вольные,— поправила ее Шелоро.— Это я по картам могу какому-нибудь глупому и слабому человеку набрехать, а между собой мы не брешем. Какая же после этого будет семейная жизнь, если мы друг дружке не будем верить?

— Тогда и ему не след тебя ревновать.

— Это совсем другое дело. На то он и мужчина.

Макарьевна не успокаивалась:

— А что, если твой Егор за это время уже успел в тюрьму попасть?

У Шелоро только чуть дрогнули брови.

— Не стращайте меня, бабушка. Над тюрьмой тоже крыша есть. Пусть ее кто-нибудь другой боится.

Но если бы Макарьевна была понаблюдательней, она заметила бы, что все-таки этот разговор не прошел бесследно для Шелоро. Вплоть до своего ухода с дежурства она не проронила больше ни слова. Быстро сложила в свою большую клеенчатую сумку пирожки, напеченные и отложенные Макарьевной для ее детей, и, уже уходя, вдруг заявила как о чем-то безоговорочно решенном:

— Прошлый раз, бабушка, тебя не было целый день, а завтра тебе придется до вечера с ним одной побыть. Мне так нужно. Все равно твоя шоферня по выходным дням дома телевизоры смотрит.

Макарьевна было протестующе ринулась за ней, но цветастый платок Шелоро уже мелькнул за окном.

Она спешила на последний рейсовый «Икарус», чтобы с утра в Ростове к открытию воскресного базара успеть. Там она надеялась потолкаться среди приезжих со всей области цыган и от них что-нибудь о Егоре узнать. Как бы ни отговаривалась она от назойливых вопросов Макарьевны, а внезапное его исчезновение с отделения конезавода и столь длительное отсутствие начинали беспокоить ее. И подменщик его, к которому Шелоро еще до разговоров с Макарьевной ездила на отделение на ветеринарной летучке, сказал ей, что договаривался с Егором подежурить за него при табуне не на всю неделю, а только на три дня.

Мало ли что за эту неделю могло случиться. Тем более что отсутствовал он все это время вместе с лошадьми. Милиции, которая последнее время на каждом перекрестке стала требовать конские паспорта, так и чудятся всюду конокрады.

Из цыган же, которые по воскресеньям съезжались на ростовский базар со всей степи, хоть кто-нибудь, а должен был видеть Егора. Человек не иголка. Не провалился же он сквозь землю вместе с лошадьми.

Однако, к великому разочарованию Шелоро, ей пришлось убедиться, что никто из них так и не видел его. Ни один цыган не видел. Почти до самого закрытия базара она по одному выуживала их в толпе и выспрашивала, особенно цыганок, которые скорее всего могли навести ее на след,— и все напрасно. Даже Тамила, с которой Шелоро столкнулась лицом к лицу, когда та только что подкатила к мясному павильону на своей серебристой «Волге», ничего не могла ей сказать. Ничего не знали и ее разодетые в новенькие кожаные пальто адъютанты. У кого же тогда еще было спрашивать?

Но и ни разу еще не было такого случая, чтобы Шелоро вернулась домой из поездки в город с пустыми руками. Какая бы после этого она цыганка была! Она решила хотя бы частично вознаградить себя за безрезультатно пропавший день покупкой нового платка в универмаге. Платки всегда были ее страстью, и, куда бы ни забрасывало ее цыганское ремесло, она обязательно возвращалась домой в новом, неизмеримо более ярком, чем предыдущий. А последнее время ее мечтами целиком завладел темно-синий с золотыми листочками платок, который она летом видела на одной проезжей курортнице на ростовском вокзале.

И когда теперь, дотолкавшись сквозь женскую толпу до прилавка в универмаге, Шелоро увидела, что именно такой платок рассматривают двое военных, она сразу поняла, что мечте ее суждено наконец осуществиться. Тончайшего, но густого и по виду тяжелого шелка платок так и проливался сквозь пальцы молоденького, с новыми погонами, лейтенанта, как морская вода, блистая золотистой рябью под лампой дневного света.

— Нет, это уже не для нее,— с сомнением говорил лейтенант другому, пожилому, военному в серой высокой папахе.

Тот с осуждением отвечал ему:

— Разве, Ваня, твоя мать уже старая?

— Я боюсь, она не станет его носить.

Заглядывая через плечо молоденького лейтенанта на прилавок, Шелоро дружески подмигнула продавщице:

— Вынь-ка, чернявая, и мне такой же платок.

Не удостоив ее ответом, продавщица предупреждала военных:

— Учтите, что это уже последний и вряд ли у нас скоро еще будут такие.

Услышав ее слова, Шелоро испугалась. Еще минута, и от платка, за которым она гонялась чуть ли не полгода, останется один золотисто-синий блеск. Она протянула руку через плечо лейтенанта.

— Раз он им не понравился, я его беру.

— Эй, тетя, так нельзя! — отстраняя ее руку движением плеча, решительно заметил лейтенант, а его спутник бросил продавщице:

— Выписывайте чек!

Но не могла же Шелоро так просто расстаться со своей мечтой. Она еще дальше протянула руку через плечо лейтенанта, чтобы успеть схватить платок.

— А тебе, племянничек, значит, можно с бабами в очереди воевать, да?

— Так это же цыганка! — оглядываясь на нее, разочарованно сказал лейтенант.

И ее рука вдруг сама собой разжалась, выпуская конец платка, который продавщица тут же и спрятала куда-то под прилавок. То, что молоденький, с новыми погонами лейтенанта, тоже был цыганом, Шелоро поняла сразу, но не это вдруг смутило ее, а его взгляд. Не далее как сегодня утром, в крайнем случае вчера вечером ее уже окутывало вот таким же темным тревожным облаком, но в это же время это взглядывал на нее не он, а кто-то другой. И все-таки это были те же глаза.

Пока она, забыв про желанный платок, мучительно вспоминала, где и когда это могло быть, военные уже и взяли покупку и, оживленно разговаривая друг с другом, спустились по лестнице со второго этажа универмага. Она догнала их уже на улице и шла за ними вплоть до переулка, где стояла за углом зеленая, с тупым носом, машина.

— Еще минута, товарищ полковник, и платок тю-тю! — весело говорил своему спутнику лейтенант.

— Теперь, Ваня, тебе уже не обязательно меня так называть,— отвечал ему пожилой военный.

— Виноват, Андрей Николаевич, это по привычке.

Но в машину стал садиться один только лейтенант.

— А на обратном пути, Ваня, прямо к Дому офицеров подъезжай. Завтра к пяти у нас уже кончится.— Пожилой военный сердито оглянулся на Шелоро.— И не забудь, пожалуйста, передать своей матери...

Дальше Шелоро не расслышала, потому что лейтенант, устраиваясь за рулем машины, включил мотор. Но, выворачивая машину из переулка на улицу и проезжая мимо Шелоро, он все-таки заметил ее и весело помахал ей свертком с платком. Блеснул у него на плече новенький погон.

Всю дорогу до дома глаза Шелоро рассеянно блуждали за окнами автобуса по заснеженной табунной степи, а из головы не шел этот молоденький лейтенант. О платке она совсем забыла. Лишь однажды и промелькнуло перед ее мысленным взором синее, с золотыми листочками пятно, и тут же сквозь него опять проступил его разочарованный взгляд, она явственно услышала: «Так это же цыганка!» А ведь он и сам был из цыган, в этом Шелоро никто бы не смог переубедить, напрасно он отказывался от своей природы. Ни у кого, кроме цыган, больше не может быть таких глаз. Но и не только этим были так знакомы его глаза Шелоро, а еще чем-то другим, пугающим и тревожным.

Всю дорогу до самого конезавода эта тревога не покидала ее. Не доехав до своего дома, она попросила шофера автобуса ссадить ее против дома Солдатовых, надеясь еще застать там Макарьевну, чтобы поделиться с ней этой непонятной тревогой.

Но Макарьевны уже не было. Должно быть, нетерпеливые гудки автомашин у ворот ее придорожной корчмы донеслись до нее сюда, и она поспешила к своим клиентам. Не вернулся еще и Михаил со свидания с Настей.

Будулай был в доме один. Теперь, когда он уже начал вставать с постели, его больше не боялись бросать одного в доме.

Он сидел на корточках, спиной к двери, у своего раскрытого дорожного сундучка и что-то перекладывал в нем. На звук шагов Шелоро он, не вставая, повернул голову, из-за плеча взглянул на нее.

У Шелоро вдруг обрушилось и покатилось куда-то вниз сердце. Теперь она уже точно знала.

— Будулай,— сказала она,— я видела в городе Ваню.

Брови у него над удивленными и такими же, как у этого молоденького лейтенанта, как будто чем-то затуманенными, глазами сошлись вместе. Он переспросил:

— Какого Ваню?

— Твоего сына! — торжествующе сказала Шелоро.

Будулай встал и провел ладонью по лбу, как паутинку смахнул.

— О чем ты говоришь? У меня нет сына.

— Будулай, Будулай,— протестующе закричала Шелоро,— ты же сам рассказал нам о нем в овраге?

— В овраге? — Он нахмурился, опять провел ладонью по лбу.— Ты что-то перепутала, цыганка.

Она встретилась с его недоуменным взглядом и отчетливо поняла, что в эту минуту он полностью верил в то, что ей говорил. Слезы душили ее. Он отказывался от своего родного сына.

Уже на полдороге от дома Солдатовых к своему дому ее обогнал на своем стареньком «виллисе» генерал Стрепетов. Шелоро даже шарахнулась на обочину — так быстро промчался он по самой кромке дороги совсем близко от нее, опахнув ее горячим ветром, бензиновой гарью.

Когда генералу Стрепетову хотелось по фронтовой привычке самому побыть за рулем, он садился не в свою персональную «Волгу», а в «виллис» и ездил на нем так, что гуси с кагаканьем разлетались из-под его колес. Шелоро не успела даже рассмотреть, что это еще за человек сидел рядом с ним в машине. Должно быть, начальник конезавода генерал Стрепетов дальние отделения объезжал и на обратном пути захватил кого-нибудь из табунщиков повидаться с семьей, погреться и сходить в баню. Одиноко и холодно в это время в степи. Может быть, и Егору от этой тоски захотелось хоть на неделю вырваться на лошадях к людям и огням.

Начальникам, которые могут в любое время дня и ночи разъезжать на своих машинах из края в край степи, конечно, незнакома эта тоска, а цыган сиди на месте. Где тебя мама произвела на белый свет, там и будь. Ни тебе ветра, ни костра.

Между этими размышлениями Шелоро зашла взять на ночь домой из воскресной группы детского садика своего последыша Данилку, который теперь понуро семенил рядом с матерью на толстых кривых ножках, размазывая кулаком по лицу слезы вместе с грязью. Никак не хотел, стервец, уходить из садика домой на одну только ночь, и пришлось Шелоро отбузовать его прямо на глазах у воспитательницы, чтобы не спешил из пеленок прямо в начальники вылезать. С таких пор хотят устанавливать над родителями свою власть.

— Смотри, как бы довесок не получить! — пригрозила она Данилке, который, оттягивая ей руку, едва тащился за ней.

Упрямый, как отец. Хоть Егор и сомневается еще. Не нравится, видите ли, ему масть. Но если бы это и в самом деле была правда насчет ветеринара, то тогда бы и Данилке надо быть лысым. А он весь курчавый, как белый барашек, и такой же по всей ухватке сволочной, как отец. Только еще за голенищем вишневого кнута с махром не хватает.

Ох, и досталось же ей от этого кнута за свою супружескую жизнь! Шелоро передернула лопатками, даже кожа у нее заныла на спине. Это теперь Егор только больше намеряется кнутом, а смолоду он не любил тратить лишних слов.

— Я кому сказала!

И, коротко нагнувшись, Шелоро влепила Данилке так, что он, взревев и подпрыгнув, затанцевал у нее в руке. Ну, подвернулся бы ей теперь и Егор, она бы показала ему, как по целым неделям, не сказавшись, пропадать и кому на ком нужно свою ревность срывать. Показала бы, как перед чужими людьми ее срамить.

Но когда через минуту Егор вдруг действительно вывернулся ей навстречу прямо в калитке их двора, весь ее гнев сразу же испарился, едва она взглянула на него. Волной мгновенного испуга смыло с сердца Шелоро всю злобу. Таким она за всю совместную жизнь с Егором еще никогда не видела его. Изжелта-бледный и весь какой-то сморщенный, как свалявшийся старый валенок, он был сам на себя не похож. Картуза на нем не было, и знакомое кнутовище не торчало из-за голенища сапога. Еще большим страхом опахнуло Шелоро, когда она, привычно взглянув через плечо Егора, не увидела в раскрытых дверях сарая на своем месте лошадей. Что-то совсем из ряда вон выходящее должно было случиться с Егором, если он первый раз за всю их жизнь возвращался домой со своего цыганского промысла без них.

— Всё! — опережая ее вопрос, крикнул Егор незнакомым ей голосом.— Теперь уже совсем всё. Шелоро! Нет у нас больше коней.— Его, должно быть, испугали глаза Шелоро, которая, не отрываясь, смотрела на него, и он опять поспешил опередить ее: — Нет, милиция здесь ни при чем. Я их сам вернул. Не серчай на меня, Шелоро, что я столько пропадал. Мне под Придонским совхозом пришлось две ночи в балке дежурить, чтобы их обратно в табун запустить. И за то, что я тебе ничего не сказал, тоже не серчай. Я боялся разжалобиться от твоих слез, а мне этих лошадей обязательно надо было вернуть. Я уже перед людьми не мог терпеть.

В этом месте Шелоро насмешливо перебила его:

— Ты еще долго будешь нам с Данилкой загораживать калитку в дом? На кого ты похож? Сына напугаешь. И чего же теперь о них слезы лить, все равно они были краденые.— Взяв его за плечо рукой, она, как маленькому, поочередно вытерла ему своим рукавом глаза.— Пойдем скорей в дом, я тебя хоть накормлю чем-нибудь. Скулы у тебя торчат, хоть ножи точи. Снявши голову, по волосам не плачут.

Окончание см. в № 30.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. А. ВОРОНИНА

ПОСТИЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Более десяти лет я дружу с замечательным русским советским писателем и одним из лучших мастеров современного рассказа Сергеем Алексеевичем Ворониным. Неизменно с наслаждением читаю каждую новую его книгу, каждый новый рассказ и все эти годы не перестаю удивляться простоте, непосредственности и чистоте характера старшего товарища. А еще принципиальности и бескомпромиссности его миропонимания. Патриотизм его нешумный, зато чистый и прочный. Любовь к людям и к природе России сдержанная, но красивая и глубокая.

Пишет Воронин о том, что окружает его в повседневной жизни, с особой воронинской тональностью и принимает любое явление, любое событие по-юношески горячо, безоглядно. В результате получаются новеллы, рассказы, повести из таких фактов действительности, мимо которых мы проходим, не замечая их в быстротекущих наших днях, и только потом, прочитав у Сергея Воронина, удивляемся: как это точно увидено, как верно подмечено и насколько поучительно! Но еще вот на что хочется обратить внимание. В современной русской литературе много отличных рассказчиков — Сергей Никитин, Юрий Казаков, Василий Шукшин, Евгений Носов, Борис Можаев... Это только из старшего поколения прозаиков. Но и среди них прозу Сергея Воронина всегда узнаешь в ее музыкальности, внутренней авторской приподнятости, завидной краткости и чистоте. Словом, характер Воронина-человека полностью передают свойства творческой манеры Воронина-писателя.

Все, о чем говорилось выше, особенно хорошо чувствуешь, читая недавно вышедшие тома его собрания сочинений. Свою автобиографическую повесть Сергей Воронин назвал «Время итогов». Начинается она такими словами: «У каждого писателя свой мир. Чем этот мир значительнее, чем глубже писатель показывает отношения между людьми, тем больше воздействие его произведений на разум и сердце читателя». А что может быть значительнее нашей жизни?! Увидеть в простом, в самом будничном явлении то, что волнует сегодня большинство людей, и передать это в коротком сильно действующем на чувства рассказе может только мастер, которому состояние человека в обществе небезразлично, который болеет за общество и человека каждой частицей своей души. Для Сергея Воронина и важно вскрыть те глубинные процессы, которые происходят в недрах народной жизни.

Вот роман «Две жизни». По сути дела, это не только изображение романтики работы изыскателей, но прежде всего рассказ о мужании души человека в схватке двух отношений к жизни — схватке людей изворотливых во имя личного благополучия с людьми бескорыстными, преданными делу, труду, обществу.

«Правда жизни всегда объемна, и неверно показывать только ее положительные стороны, как неверно показывать и только отрицательные,— говорит Воронин.— Настоящий писатель, видя недостатки, ошибки, которые достаются немалой ценой народу, не злорадствует, а страдает...» Это страдание писателя мы чувствуем не только в романе «Две жизни», но и в повестях «Деревянные пятачки», «Ненужная слава» (одно из лучших его произведений), «Заброшенная вышка», «Семейный кухон» и других, а также во множестве рассказов, написанных за более чем четыре десятилетия творчества.

Мир героев рассказов Сергея Воронина многообразен, многоцветен, пропитан гаммой самых разнообразных оттенков, настроений. В них соседствуют рядом высокая любовь, граничащая с самопожертвованием, и людское равнодушие («Ключ в дверях», «На трассе бросового хода»), прекрасное человеческое бескорыстие («Белевич», «Второй цвет») и циничный эгоизм («Женщина с переговорного»), гражданское мужество («Мать», «Солнечная долина») и душевная пустота («Засвеченная пленка»). Вместе с автором мы не только сопереживаем героям рассказов, но и входим незаметно в мир поисков нравственных ценностей жизни. Особенно ощутимо это в рассказе «История одной поездки», где герой беспощадно судит себя за привычно формальное понимание патриотизма, за забвение традиций своих отцов и дедов, народных традиций.

Во множестве рассказов Сергея Воронина находим замечательные, с любовью написанные картины родной русской природы. Но часто добрая, мягкая, лирическая манера рассказов вдруг сменяется жесткой, даже публицистической страстностью, если речь идет о равнодушии к родной земле, о корыстном, хищническом к ней отношении.

Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, один из крупных мастеров современной русской прозы, рассказы и повести которого переведены на тридцать языков, Сергей Алексеевич Воронин пришел к своему семидесятилетию молодым, уверенным, полным сил и энергии. Все любящие творчество С. Воронина и не могут представить его иным.

Владимир ДРОБЫШЕВ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Отец заводов

15 июля 1933 года, в день пуска «Уралмаша», Максим Горький очень точно предсказал его судьбу. Создана еще одна могучая крепость, писал он в приветствии строителям, которая «явится отцом многих заводов и фабрик». И далее: «Прекрасную жизнь строите вы, счастлив сказать вам это от всей души!»

Прошло полвека. Каким он стал, наш славный «Уралмаш»? Что дал стране и народу? «Огонек» обратился с этими вопросами к партийным работникам и ученым, рабочим и хозяйственникам...

Слово — Борису Николаевичу ЕЛЬЦИНУ, первому секретарю Свердловского обкома КПСС.

БОРЦОВСКИЙ ХАРАКТЕР

— Свердловская область — одна из самых индустриальных в стране.— Б. Н. Ельцин подошел к карте, «выложенной» из уральских камней.— Как видите, у нас очень мало пригодных для сельского хозяйства земель, на селе всего три процента трудоспособного населения. Что же касается «Уралмаша», то даже на таком концентрированно индустриальном фоне он занимает особое положение, полностью оправдал самые смелые прогнозы, действительно стал отцом, но не только заводов и фабрик — одной из главных опор тяжелого машиностроения. Теперь это крупнейшее объединение, представляющее собой многоотраслевой производственно - хозяйственный комплекс. Он включает головное предприятие — Уралмашзавод имени С. Орджоникидзе, ряд заводов, изготовляющих для него узлы и детали машин, а также Научно-исследовательский конструкторско-технологический институт тяжелого машиностроения. Посудите сами: более десяти тысяч предприятий оснащены оборудованием, созданным на «Уралмаше», оно трудится в тридцати шести странах мира. На всем пути — от добычи полезных ископаемых до получения готовых изделий — двести пятьдесят типов самых разнообразных машин и агрегатов с товарным знаком УЗТМ. Его техника сегодня способна решать широкомасштабные программы освоения топливных и энергетических богатств Сибири и Казахстана.

— Иными словами, «Уралмаш» предопределяет развитие целых отраслей промышленности, и его коллектив должен располагать высоким творческим потенциалом. В чем истоки его успеха? Что характерно для него?

— Высокое чувство ответственности, осознанности поставленных перед ним задач, боевитость и инициатива и, конечно, талантливость. Так было с самого начала, с первых шагов даже еще не рожденного «дитяти», когда он еще не был официально пущен. Любопытен такой факт. В 1929 году, 15 июля, на три месяца раньше срока, заработал первый производственный цех, цех металлоконструкций, нужный как воздух самой стройке. Чуть южнее рядом сооружалась Магнитка и испытывала затруднения с поставкой металлоконструкций. Что же предпринял Уралмашстрой? Через два дня после пуска своего цеха обратился через «Правду» к Магнитострою с предложением изготовить для доменного и мартеновского цехов металлоконструкции. Поистине братская самоотверженность и солидарность! А через четыре года коллектив «Уралмаша» обращается в Центральный Комитет партии с предложением поднять заводскую программу на сорок процентов. Сегодня это кажется невероятным, но так было!

Борис Николаевич раскрыл книгу, лежащую у него на столе.

— В телеграмме, отправленной в Москву, были такие строки: «...Кроме того, мы просим прекратить выдачу заказов капиталистическим фирмам на агломерационное оборудование, доменное, мартеновское, все существующие виды мощного дробильно-размольного оборудования, специальные металлургические краны, прокатное, кузнечно-прессовое оборудование. Также и любые другие тяжелые машины, которые могут потребоваться народному хозяйству нашей Родины... мы обязуемся производить на «Уралмаше»...»

Что же стояло за этим высоким патриотизмом и проявлением борцовского характера коллектива? Шел тридцать пятый год — год рождения и невиданного размаха стахановского движения, вызвавшего небывалый рост производительности труда. Партийная организация горячо поддерживала передовиков и рационализаторов, помогала распространять их опыт, преодолевать непонимание, а порой и сопротивление отдельных руководителей. Это уже была большая, сильная парторганизация. Сравните: 1927 год. На первом собрании партячейки всего восемь человек. Секретарь — Федор Игнатьевич Стриганов, испытанный большевик, участник штурма Зимнего, комиссар полка Красных Орлов, прославленного на Урале в боях с Колчаком. 1933 год — 1146 коммунистов. 1945 год — 2997. Сегодня на «Уралмаше» 7500 коммунистов и кандидатов в члены партии. История создания, роста и укрепления партийной организации, если к ней обратиться, и есть в конечном счете история самого «Уралмаша». Это крупнейшая партийная организация Свердловска, партком наделен правами райкома.

В годы Великой Отечественной войны, когда Урал и Сибирь приняли на себя главную роль в обеспечении страны металлом и снабжении фронта военной техникой, на «Уралмаше» началось производство тяжелых танков и самоходных артиллерийских установок,— последняя из них взошла на пьедестал и стала памятником беззаветному труду уралмашевцев. Решение этой задачи заводом, предназначенным для индивидуального машиностроения, было невиданным по напряжению испытанием, надо было в считанные дни перестроить производство, пойти на риск. Коллектив выдержал это испытание с честью. Именно в те грозные дни в цехах родились первые в стране фронтовые бригады, а коммунист токарь Спехов стал инициатором метода скоростного обучения молодых рабочих, он работал с ними по одному наряду.

Есть чем гордиться уралмашевцам послевоенных поколений. Их отличают творческий поиск, смелость в решении сложнейших технических задач, что приводит к созданию машин высокого класса, конкурентоспособных на международном рынке. В самом начале нашей беседы я называл главные направления. К ним за последнее десятилетие прибавилось еще одно: обеспечение атомных электростанций необходимыми машинами и механизмами. Однако не только на тяжелую промышленность и атомную энергетику работает «Уралмаш». Вот уже пятнадцать лет здесь выпускают товары народного потребления. Особенно высоким спросом у покупателей пользуются стиральные машины «Малютка» и кухонные гарнитуры «Кристалл». В ближайшие два года выпуск их почти удвоится.

Помню, с каким подъемом и радостью уралмашевцы рапортовали XXVI съезду КПСС о выполнении предсъездовских социалистических обязательств. В феврале 1981 года коллектив был награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ и Памятным знаком с занесением на Всесоюзную доску почета на ВДНХ. И вот новая патриотическая инициатива: бригада токарей А. М. Королева, избранного на съезде членом ЦК КПСС, предлагает выполнить одиннадцатую пятилетку досрочно, на основе перевыполнения каждого сменно-суточного задания. То есть работать ритмично. Бригада решила взять на обслуживание еще один токарный станок. Трудно переоценить при усложняющейся демографической обстановке значимость такого начинания. Правильно поступил партком объединения, одобрив его. На «Уралмаше» тысячи последователей бригады Королева. Они-то и являются действительно социалистическими людьми, которым, как пишет в своей статье, опубликованной в «Коммунисте», товарищ Ю. В. Андропов, «небезразличны не только собственные трудовые успехи, благополучие, авторитет, но и дела товарищей по работе, трудового коллектива, интересы всей страны...».

Партийная организация Свердловской области и «Уралмаш» особенно большое значение придают устранению потерь на производстве. Обком КПСС одобрил и рекомендовал к распространению на других предприятиях инициативу отдела главного технолога «Уралмаша», направленную на снижение трудоемкости и сокращение численности промышленного персонала, рациональное использование трудовых ресурсов и одновременно рост производительности труда. Вот что стало главным в личных творческих планах-обязательствах инженеров и техников. В то же время конструкторы поставили своей задачей создавать машины повышенной единичной мощности при одновременном снижении металло- и энергоемкости.

«Нас ждет огромная работа по созданию машин, механизмов и технологий как сегодняшнего, так и завтрашнего дня»,— говорил в своей программной речи на июньском Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов. Эти слова будто специально обращены к «Уралмашу». Его творческий коллектив в поиске. На рабочих столах и кульманах проекты машин 2000 года. В его делах, его замыслах по-прежнему живет закаленный десятилетиями характер борцов и новаторов.

ВЗАИМНОСТЬ

Около четырехсот запатентованных в зарубежных странах, в том числе в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Японии, изобретений, шестьдесят лицензионных соглашений. Премия «Золотой Меркурий» — знак международного признания больших производственных достижений и успехов в развитии деловых и дружеских отношений между странами... Около ста лауреатов Ленинской и Государственной премий... Как удалось достичь такого?

Несколько десятилетий назад на страницах «Огонька» был опубли-

Ими гордится «Уралмаш» * Токарь А. Королев * Член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда Г. Химич не гость — свой человек на «Уралмаше». Вот и сейчас с главным конструктором, лауреатом Государственной премии СССР В. Нисковских (крайний справа) и конструктором В. Аземша обсуждает он очередную проблему * У главной проходной.

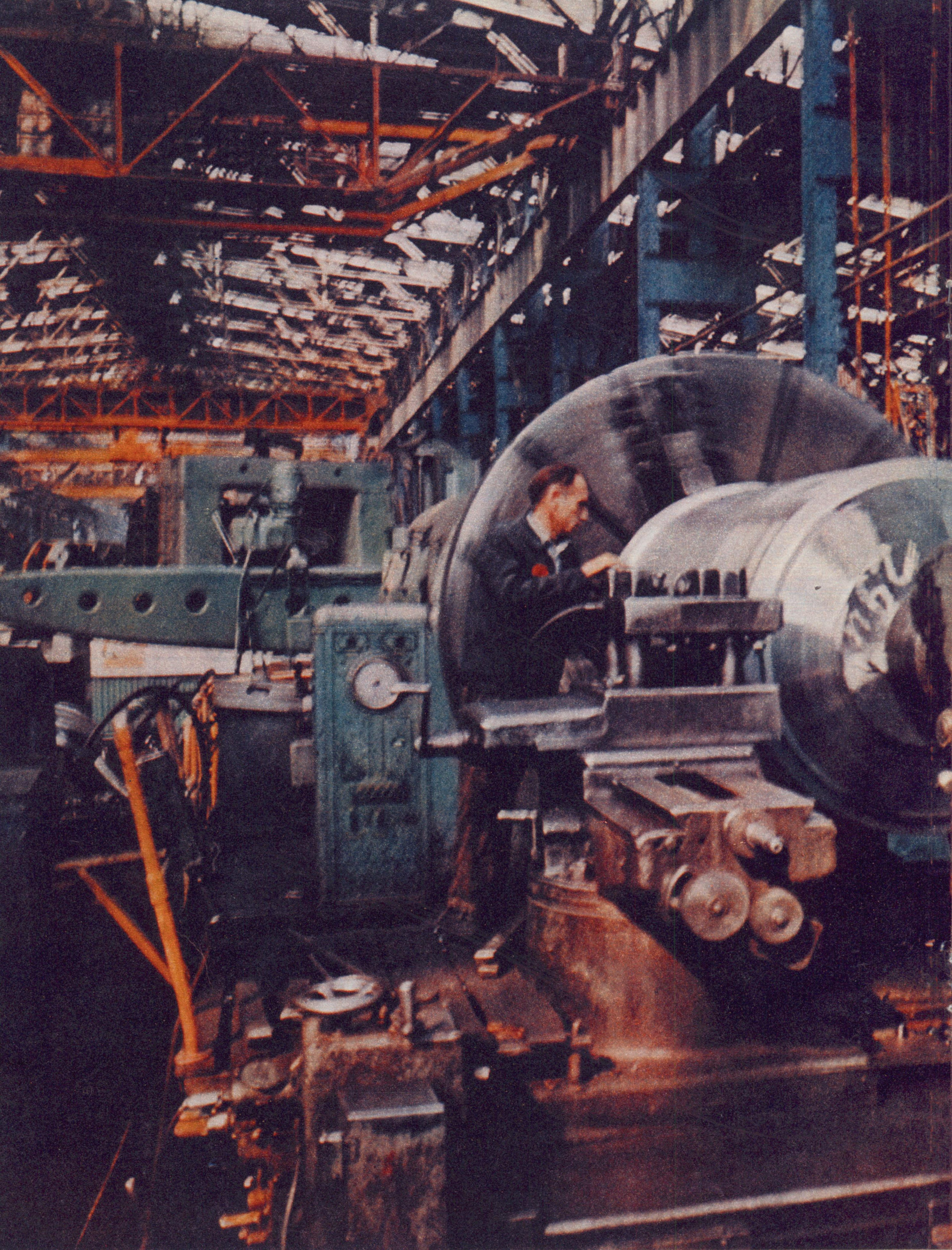
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Токарь А. Баранов тридцать три года проработал на родном заводе * Ордена «Уралмаша».

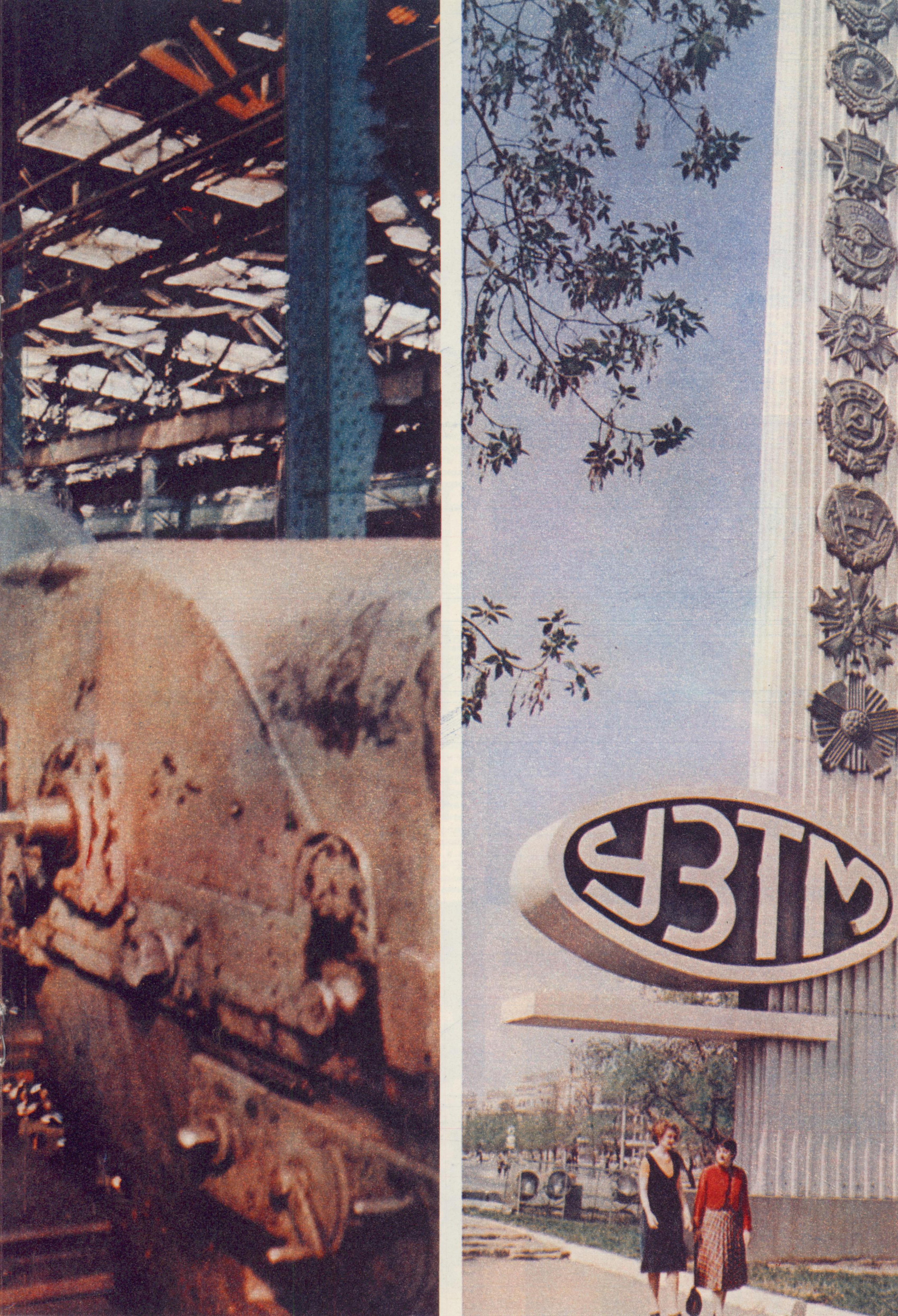
ЗАВОД —
МОЯ
ГОРДОСТЬ!

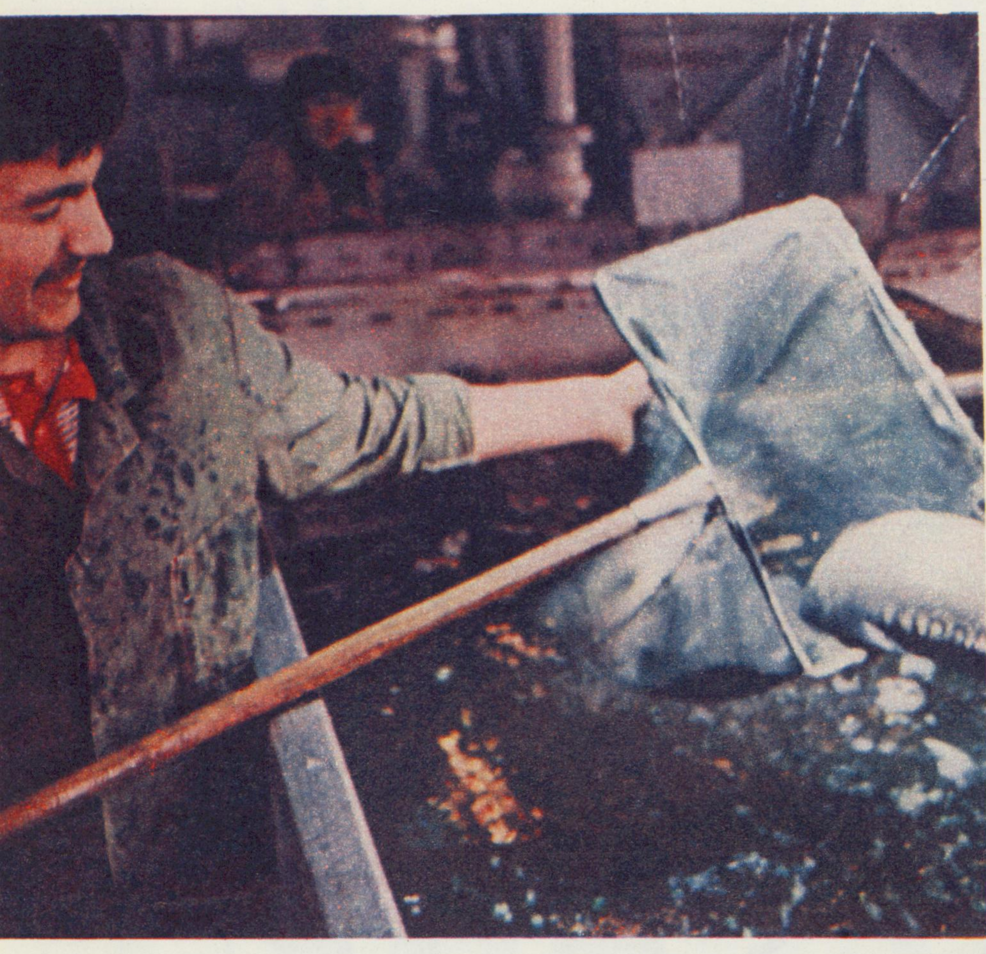

УЗТМ

И СОТРУДНИЧЕСТВО!
AŤ ŽIJE

кован репортаж «Уралмаш» учится». Новичок учился у фрезеровщика; фрезеровщик — в стахановской школе у мастера; мастер — в школе мастеров, где преподавал инженер; инженер, в свою очередь, на курсах повышения квалификации, где слушал лекции начальника прокатного бюро Анфимова, который стал позднее лауреатом Ленинской премии... Цепочка замыкалась на академике Артоболевском. Шел тогда 1950 год... А раньше, вначале как было? Учиться обязывали, заставляли. «Учись, иначе найду замену!» — приказывал управляющий стройкой А. П. Банников. Он выдвигал на руководящие должности толковых рабочих — дипломированных специалистов не хватало. В 1933 году все, кто учился, получали к своей зарплате специальную надбавку на учебники. Уралмашстрой, свидетельствует летопись завода, оплачивал даже частные уроки профессорам, посылал своих стипендиатов в вузы, направлял в кружки общества «За овладение техникой», на курсы, в вечерние техникумы, в университеты выходного дня... Когда «Уралмаш» еще строился, училось свыше пяти тысяч человек.

Сегодня на «Уралмаше» свыше пяти тысяч одних только конструкторов и технологов, из них около ста кандидатов наук. Это и есть тот мощный мозговой центр, который обеспечивает создание наисовременнейшей техники, возглавляет его плеяда блестящих главных конструкторов.

Однако и это еще не все. Полный ответ на вопрос «Как удается достичь такого?» складывается после беседы с **АКАДЕМИКОМ С. В. ВОНСОВСКИМ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПРЕЗИДИУМА УРАЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА АКАДЕМИИ НАУК СССР**. Дело в том, что у ученых давнишние связи с «Уралмашем». Они установились в далекие, еще довоенные времена. Академики М. А. Павлов и А. А. Байков обстоятельно знакомились с цехами «Уралмаша», где проходила сессия по черной металлургии тогда еще Уральского филиала академии. Был заключен договор о научно-исследовательской работе.

— Традиции сохранились. В Уральском научном центре десять институтов, и я хотел бы обратить на это особое внимание,— в работе каждого из них есть общие с «Уралмашем» темы, которые решаются совместно. Даже у такого далекого, казалось бы, института, как Институт экологии растений и животных,— сказал академик.— Казалось бы, что у него общего с машиностроением? А вы видели сазанов в корпусе возле механосборочного цеха? Этот рыбий цех под крышей — результат взаимодействия человека с окружающей средой. Экологи дали много ценных рекомендаций по облагораживанию территории завода. Экономисты занимаются вопросами интенсификации производства и создания на нем наиболее благоприятной инфраструктуры. У математиков прямые связи с НИИтяжмашем, его вычислительным центром. На «Уралмаше» широко используются труды академика В. Д. Садовского и его школы металловедов. Совместно разработана, например, технология изготовления бандажных колец немагнитного свойства для мощнейших электрогенераторов. Очень важна для производства организация и внедрение метода неразрушающего контроля. Этими работами руководит член-корреспондент Академии наук СССР М. Н. Михеев. В этом же институте многое делается для прокатного производства.

Впрочем, и сам «Уралмаш» необходим для науки. Иногда эта отдача носит несколько своеобразный характер. Именно в его лабораториях, цехах и отделах выросло немало ученых, ставших докторами наук, профессорами свердловских и других вузов. А выдающийся конструктор — он был главным по прокатному делу и машинам непрерывной разливки металла — Георгий Лукич Химич был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, работает сейчас у нас, возглавляет отдел комплексных проблем машиностроения.

Объективности ради должен в заключение сказать, что не только наш УНЦ сотрудничает с «Уралмашем». Большую работу там ведет Институт электросварки имени Е. О. Патона Академии наук УССР. Академик Борис Евгеньевич Патон несколько раз был на «Уралмаше» и лично принимал участие в создании нового производства в ходе реконструкции «Уралмаша» — блока цехов сварных машиностроительных конструкций. С «Уралмашем» сотрудничают десятки академических, научно-исследовательских и учебных институтов России и других союзных республик. У нашего гиганта тяжелого машиностроения союз с наукой плодотворный и бессрочный. Мы нужны друг другу, тут полная, если так можно выразиться, взаимность.

ОДНА СУДЬБА

Наш собеседник **инструктор-наставник ГПТУ № 1, Герой Социалистического Труда Алексей Алексеевич ДУРНЫШЕВ.**

Познакомились мы с ним на торжественном сборе дедов, отцов и внуков, пришедших фотографироваться на свою парадную заводскую площадь. Алексей Алексеевич — представитель старшего поколения, поколения основателей родов, и я прошу его рассказать о себе.

— Долго придется рассказывать,— предупреждает он.— Я на «Уралмаше» с 1935 года, выходит, что по трудовому стажу почти что ему ровня. Отца схоронили в двадцать девятом, мало мне было тогда лет, но дядя — он работал тогда старшим мастером в цехе — устроил меня в ученики к питерскому фрезеровщику Карпову. Так и я стал фрезеровщиком. Подрос — призвали служить в армию. Подходил срок домой, как началась война... Офицерское училище в Хабаровске кончал. Там, на Дальнем Востоке, и воевал. Вернулся только в сорок седьмом с Курил. В новый цех буровых машин. Его пустили в сорок шестом. Нефтебуровые установки делали. Спрос на них поднялся, везде нужны были: в Грозном, в Башкирии, Татарии, потом в Средней Азии. Ленинградцы в тот год объявили: пятилетку в четыре года! И мы, уралмашевцы, тоже так решили. Тогда у нас лекальщик Анатолий Чугунов и зуборез Виктор Пономарев гремели. На шестьсот — семьсот процентов нормы выполняли. И я задумался. У меня был сначала один станок, вертикально-фрезерный Горьковского завода, а я освоил и другой — горизонтально-фрезерный. Как раз начинался выпуск нового бурового оборудования.

В семьдесят четвертом году я досрочно закончил девятую пятилетку. Мне присвоили звание Героя Социалистического Труда.

— В вашем богатом заводском музее я видела фотографию буровой установки под номером десять тысяч, которой присвоено ваше имя. Когда это было?

— В семьдесят седьмом. Я как раз на пенсию собрался, время подходило, но совсем еще не ушел, годик поработал в цехе, в замену себе подготовил Володю Шепилина, а на следующий год стал наставником-инструктором нашего ГПТУ. Вы знаете, какое это знаменитое училище? В нем учился наш Герой Советского Союза, летчик Владимир Курочкин. Погиб в воздушном бою. Его имя теперь носит ГПТУ. Тут учился знатный наш зуборезчик Александр Иванович Храмцов, Герой Социалистического Труда. Он дважды на двух съездах партии, двадцать четвертом и двадцать пятом, избирался членом ЦК КПСС. Мы с ним теперь в комиссии по молодежи встречаемся.

— А про свою номерную установку вы так ничего и не сказали, какая она, где?

— В Западной Сибири, в Тюмени трудится, у нефтяников и газовиков, скважины глубиной до трех тысяч двухсот метров делает. Не поодиночке, а кустом, до шестнадцати скважин с одного острова.

— Кто-нибудь из ваших родных работает сейчас на «Уралмаше»?

— Все как есть тут: брат, две сестры, их мужья, племянники, жена тридцать лет проработала в чугунолитейном. Да, чуть собственного сына не забыл. Я учил его фрезерному делу на своем станке. После армии он вечерний техникум окончил, сейчас старший мастер в цехе корпусных деталей экскаваторов. Да что я о своих да о своих толкую! А семья Константина Яковлевича Маслия, нашего знатного зубореза? У него жена, два сына, дочь, зять — все уралмашевские. Между прочим, и генеральный директор всего нашего объединения Евгений Андреевич Варначев тоже потомственный уралмашевец. Его отец, Андрей Николаевич, работал до ухода на пенсию начальником планово-производственного отдела.

Дурнышев помолчал, вспоминая.

— Вы знаете, сколько у нас прекрасных рабочих династий? Шестьсот пятьдесят. Да не таких, как у меня,— всего пока два колена,— на «Уралмаше» не меньше ста родословных с тремя поколениями. Про Лукиных не слыхали? Их фамилией назван бывший Калужский переулок. Семь детей было у мастера — орденоносца Андрея Ивановича, все работали на «Уралмаше». На днях его младшего сына, Валерия Андреевича, шлифовщика, провожали на пенсию. У Лукина-первого не то что внуки, правнуки в наших цехах.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

На знамени «Уралмаша» шесть орденов: два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, ордена Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени. На знамени «Уралмаша» три ордена социалистических стран: болгарский «Красное Знамя Труда» и польский «Высший орден заслуги со Звездой», врученные за поставки металлургического оборудования, и чехословацкий орден «Дружба» в ознаменование 20-летия подписания договора о дружбе и сотрудничестве между производственным объединением «Шкода» имени В. И. Ленина и «Уралмашем».

Однако история дружбы двух гигантов тяжелого машиностроения — побратимов началась задолго до подписания договора, вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Прокатчикам «Шкоды» понадобилось обработать сложные крупногабаритные детали, на помощь пришли уралмашевцы и выполнили эту трудную работу. С того времени все и началось. Обмен делегациями и стажерами, ознакомление с опытом производственной, партийной, профсоюзной и комсомольской работы. Следующей ступенью стало взаимовыгодное кооперирование при выполнении крупных заказов.

Национальные праздники Чехословакии сделались праздниками в соцгороде,— так по-старому называется поселок «Уралмаша». Советские праздники радостно отмечаются пльзенцами.

— Вот сейчас такое торжество, причем двойное — золотой юбилей «Уралмаша» счастливо совпал с двадцатипятилетием договора о нашей дружбе и сотрудничестве,— рассказывал нам **Карел НОЗАР, руководитель делегации, прибывшей из Пльзеня, заместитель директора головного предприятия объединения «Шкода».**— В составе нашей делегации пятьдесят участников художественной самодеятельности. В течение этой недели, недели дружбы, у нас много дел. Уже состоялась первая встреча в цехе «Уралмаша»...

Мы были на этой встрече в механосборочном цехе, где обрабатывают громоздкие, неуклюжие части будущих станов и машин. Даже импровизированная эстрада, на которой отплясывали гости, по сравнению с великанами станками показалась небольшой. «Партер» и «ложи», которыми послужили заготовки, были до отказа заполнены радушными зрителями. Потом гостям преподносили розы и гвоздики из собственного сада под стеклом, который тут же, на территории завода...

— Конечно, можно было бы очень многое рассказать о разных аспектах нашей дружбы,— продолжал Карел Нозар,— но я хотел бы остановиться особенно на одном, он официально называется у нас «от станка к станку». Что это значит? Группа рабочих приезжает к нам на «Шкоду» и работает неделю-другую рядом с нашими рабочими, за теми же станками. Также и мы посылаем своих людей на «Уралмаш». Происходит непосредственная, прямая передача опыта и знаний из рук в руки. Тут, конечно, и совместный отдых и знакомство с семьями. Обсуждение, обмен мнениями. Люди лучше узнают друг друга и очень дорожат такими поездками. Мы называем их «От сердца к сердцу».

СПАСИБО!

Не раз уралмашевская техника выходила победителем в международных состязаниях: достаточно вспомнить драматическую ситуацию, которая возникала при строительстве кислородно-конвертерного цеха на Новолипецком металлургическом заводе. Министерство черной металлургии, не веря в силы и возможности уралмашевцев, настаивало на том, чтобы закупить в ФРГ машины непрерывной разливки стали, изготовленные фирмой «Демаг». К тому времени уралмашевцами уже была создана машина криволинейного типа, причем высокопроизводительная, она работала в Нижнем Тагиле. В Липецк были поставлены четыре машины «Уралмаша» и пятая — де-

И. Лысанова — старший математик отдела АСУ * Пришло лето * Сазаны растут в... цехе * На одной из баз отдыха * Встреча с побратимами. Выступает фольклорно-самодеятельная группа из Пльзеня.

магсовская. Соперничество кончилось тем, что машину фирмы «Демаг» пришлось... модернизировать.

Созданные «Уралмашем» машины непрерывного литья заготовок криволинейного типа в два раза увеличили скорости разлива. Спрос на них сразу подскочил. Позже они установлены были в Череповце и на «Азовстали», в Югославии, Финляндии, Японии и других странах. Вот как отозвался о них О. Саеки, руководитель департамента чугуна и стали японского завода фирмы «Кобе стил» в городе Какогава: «Первую разливку металла на двухручьевой криволинейной УНРС, построенной по советской лицензии, мы произвели в январе 1973 года. Результаты нас вполне удовлетворили. Сразу же были получены очень хорошие по форме и структуре слитки... Это оборудование достойно самого широкого распространения в Японии».

«Уралмаш» занял лидерские в стране позиции и в производстве буровой техники. Общеизвестен и адрес мировой рекордсменки — скважины на Кольском полуострове, где геологи штурмуют мантию Земли. Вторая такая установка «УМ15000» ищет черное золото на больших глубинах в азербайджанском Саатлы.

Солидным потребителем уральской техники стала Костомукша. Там работают обжиговые машины для получения окатышей. Поставщики намерены изготовить оборудование для третьей фабрики досрочно.

Еще одна ветвистая отрасль «Уралмаша» — экскаваторостроение. Он создал разноликое семейство могучих землекопов, от сравнительно небольших, трех-пятикубовых карьерных, прозванных в народе «уральцами» и распространенных повсеместно на стройках, до шагающих великанов. Первый шагающий рождения 1949 года был сразу отправлен на строящийся Волго-Донской канал. Почти все машины действуют до сих пор.

Мы связались по телефону с Назаровским угольным разрезом Красноярского края. Здесь с 1977 года эксплуатируется экскаватор «ЭШ.100.100» под номером первым. Чемпион среди шагающих. В его ковш может свободно въехать автобус. Экскаватор способен поднять одновременно триста легковых автомобилей. В машинном зале целый цех. Ну чем не передвижной завод этот исполин, сдвигающий горы!

В Назарове к аппарату подошел **главный инженер угольного разреза В. А. РУССКИХ:**

— В экипаже стокубового сорок пять человек, возглавляет его коммунист Владимир Тарасович Васильев. Работа ведется круглосуточно. Пока лучший результат — 13,5 миллиона кубометров вскрыши в год. Недавно у нас были конструкторы, выбирали трассу для перегона. Дело это далеко не простое. Для работы нужны определенные горногеологические условия. В дальнейшем придется прошагать десять километров на другой, Чулымский, участок. Кроме этого, у нас работают другие шагающие экскаваторы «Уралмаша». Один из них с 1966 года исправно несет службу, полностью оправдывает себя. Имеем ли какие претензии к «Уралмашу»? Никогда не было. Передайте ему наше СПАСИБО.

Сейчас у нас проходит всесоюзная ударная эстафета в честь юбиляра, пришедшая к нам из Якутии, из города Нерюнгри. Комсомольско-молодежная смена стокубового, руководимая Анатолием Шкарубой, за время вахты вскрыла 2,5 тысячи кубометров породы дополнительно. Члены экипажа работали за себя и за легендарного уралмашевца, героя-разведчика Николая Кузнецова. Его имя носит эта бригада. Зарплату Кузнецова она перечисляет в Фонд мира.

Вот такие дела вершат люди, овладевшие техникой марки УЗТМ. Дела, достойные самих уралмашевцев!

ОТКРЫВАЯ СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

1945 год. Мы с сестрой и советским другом.

1960 год. Отец и мой брат Олег.

Автор этих строк Ангелика Бертрам-Штралер.

1982 год. Слева направо: Олег, Сильвия, моя невестка, Катрин, моя дочь, Тамара, Владимир Николаевич Караваев, мой сын Клаус.

Начну с того, как мы впервые познакомились с вашей страной. Мой отец был инженером и работал в Харькове на одном крупном предприятии. В 1930 году он привез туда и свою семью — маму, мою сестру и меня. Мы быстро освоились, а вскоре и овладели русским языком даже лучше, чем немецким. Там мы пошли в школу, были октябрятами и играли вместе с нашими советскими друзьями.

Потом мои родители разошлись, и мама с нами уехала в 1938 году обратно в Германию. Жить в те годы на родине нам было трудно, потому что на людей, вернувшихся из Советской страны, смотрели косо. Мы это сразу почувствовали, люди относились к нам недружелюбно, маму и сестру часто вызывали в гестапо на допрос.

Начались страшные годы войны. В Германию на принудительные работы были согнаны люди из многих стран. Несколько лагерей восточных рабочих находилось недалеко от нашей квартиры.

В 1942 году мне было 14 лет, а сестре 19. Сестра подружилась с тремя советскими девушками из лагеря, они вместе работали на заводе в Лейпциге, где делали самолеты. Девушки Ольга, Инна и Наталья тайно приходили к нам. Мы делили с ними свою еду. В нашем доме жили фашисты, они донесли в полицию, что к нам ходят иностранные рабочие. Маму вызвали на допрос в полицию, взяли с нее подписку, что этого больше не будет.

В 1945 году, когда Красная Армия освободила нас, мы были счастливы. Русские девушки теперь часто бывали у нас, приносили хлеб и шпиг. Перед отъездом на родину мы тепло попрощались с ними.

Моя сестра прекрасно владела русским языком и умела печатать на машинке. Она сразу же стала работать переводчицей в городской комендатуре в маленьком городе под Дёбельном.

В 1957 году мы впервые услышали о своем отце, который нашел свою вторую родину в Коми АССР, где у него появилась новая семья. Так у нас стало три сводных брата — Михаил, Олег, Рудольф и сестра Тамара. Отец дважды побывал в ГДР. Теперь нас снова соединяют сердечные узы, мы постоянно поддерживаем контакт с нашими родными.

В 1981 году к нам приехали брат Олег и сестра Тамара. Мы увиделись впервые, а было такое чувство, что всегда знали друг друга. В 1982 году мы отправились в Москву и в Коми АССР, чтобы познакомиться со страной и родственниками. Это была прекрасная поездка. На память о ней остались фотографии.

В Москве мы познакомились с В. Н. Караваевым. Гостеприимство, с которым он и его жена Зина принимали нас, было необыкновенным. Мы почувствовали искреннюю привязанность к ним. Наши хозяева за пять дней показали нам Москву, конечно, все увидеть было невозможно, но атмосфера города с его достопримечательностями неповторима. На шестой день мы отправились в Сыктывкар, к нашим родственникам.

Я с детства очень сердечно отношусь к вашей стране, к советским людям. Для меня было важно, чтобы и мои дети узнали это чувство и углубили его. Они были в восторге от поездки и от необыкновенного гостеприимства. Много разговоров и дискуссий было по разным темам, но мы все едины в одном: мир должен быть сохранен, и мы должны приложить все усилия, чтобы никогда не было войны.

Ангелика БЕРТРАМ-ШТРАЛЕР

Потсдам.

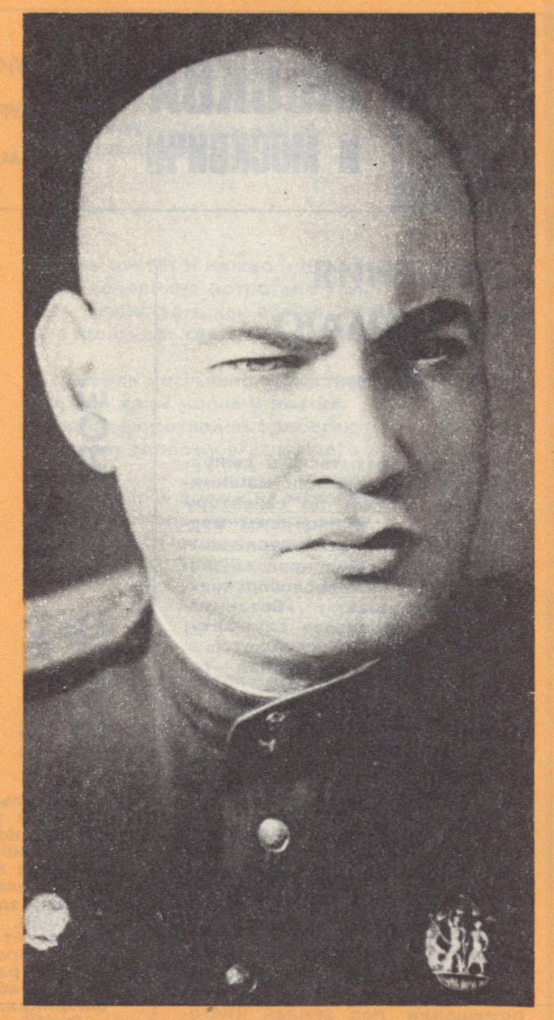
К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ГОРБАТОВА

Известный советский писатель Борис Горбатов прожил короткую, но яркую жизнь. Специальный корреспондент «Правды», он побывал в самых отдаленных уголках нашей страны. Книги, созданные Горбатовым, не оставляли равнодушными читателей, так как были написаны человеком талантливым, много видевшим и серьезно размышлявшим над жизнью.

Горбатову принадлежит интереснейшая книга о тружениках Заполярья «Обыкновенная Арктика», он автор книг «Горный поход», «Мастера», «Коминтерн», романа «Донбасс», повести «Мое поколение»; его знаменитые «Письма товарищу», изданные в годы войны миллионными тиражами, звали на подвиг во имя Победы. Одним из лучших произведений Б. Горбатова остается книга «Непокоренные» («Семья Тараса»). О том, как она создавалась, писатель рассказал в ноябре 1943 года на страницах многотиражной газеты «Правдист». Публикация эта осталась неизвестной для широкого читателя.

Борис ГОРБАТОВ

О «СЕМЬЕ ТАРАСА»

Борис Горбатов. 1943 год.

Фото публикуется впервые. Публикация Н. Архиповой.

Повесть «Непокоренные» («Семья Тараса»), печатавшаяся в «Правде», вышла в свет отдельной книгой.

Как зародилась эта повесть?

По заданию редакции я поехал в очередную командировку в Донбасс. Красная Армия наступала, освобождала города, и естественно, что всех нас и меня в том числе интересовал вопрос: как жили люди в городах под властью гитлеровцев?

Приехав в свой родной город Ворошиловград, в районе которого я прожил и свою молодость и большую часть войны, где у меня было много знакомых, друзей, я на время забыл о том, что я журналист. Я не строил себе никаких предварительных тематических планов, а горел только единственным желанием самому узнать и понять, как люди жили под властью оккупантов. У меня был не только профессиональный интерес журналиста, который ищет фактов, а личный, кровный интерес человека здешнего.

За время войны у каждого из нас, военных журналистов, появилось много близких знакомых не только среди военных, но и среди населения. Я думаю, что журналист, не связанный тесно с людьми, которые его знают, и которые ему верят, и которых знает он, и которым он верит,— такой журналист не может глубоко проникать в человеческую душу и, следовательно, не может быть настоящим журналистом.

В Ворошиловграде я пошел искать знакомых, судьба которых меня интересовала. Я обошел все квартиры, в которых мы, военные журналисты, жили в то время, когда Красная Армия обороняла Ворошиловград, квартиры своих товарищей. Я вел простые беседы с квартирными хозяйками, рабочими ворошиловградских предприятий, их семьями.

Они со слезами на глазах рассказывали факты из своей жизни.

Вся история Антонины была рассказана мне квартирной хозяйкой. История Андрея и Лукерьи Павловны была рассказана другой квартирной хозяйкой, причем в повести сохранено даже имя: Лукерья Павловна. Степан Яценко — это Степан Стеценко, секретарь Ворошиловградского горкома партии. При мне принесли ему бутылку из-под шампанского, в которой находилась его тетрадка. Мы ее вместе вскрыли. Я прочитал ее, и мне многое стало ясно, даже то, чего сам Стеценко не рассказывал. Об этой бутылке говорится в повести.

История расстрела евреев, описание базара, положение детей, девочка из сундука — все это было мне рассказано ворошиловградцами. У меня оказался в руках огромный человеческий материал, страшный в своей обыденности.

Первое, что видел всякий человек, который приезжал в освобожденный район,— это тысячи людей с тачками, движущиеся по дорогам Украины. Я думал написать на эту тему очерк, я торопился это сделать, опасаясь, что другие военкоры могут опередить меня, но никто не написал на эту тему.

Я стал работать над очерками. Чем больше я думал над ними, тем материал казался мне все более значительным.

Творческий замысел должен рождаться из живой жизни. Я собирал материал как журналист. На первом этапе моей работы я должен был осмыслить этот материал и выступить с ним, не откладывая. Мне думается, что для журналиста, желающего выйти за пределы рядовой корреспонденции в Отечественной войне, которая всколыхнула людские массы, мало созерцать, надо быть публицистом. Нельзя откладывать собранный материал, надо использовать его сегодня.

Постепенно у меня возникали смутные очертания будущей повести. Фигуры Андрея, Лукерьи взяты из самой жизни. Но конкретной фигуры Тараса нет. Таких Тарасов я знал давно. Когда мне еще в довоенное время приходилось бывать на заводах, шахтах Донбасса, у меня сложилось определенное представление об этой фигуре. Тут сыграла роль та связь с Донбассом, которая у меня была, когда я ездил туда как специальный корреспондент «Правды».

Об этом я говорю потому, что близкое знакомство с Донбассом, с его рабочим людом помогло мне придумать ряд ситуаций, которые мне не пришлось наблюдать в жизни, но которые тем не менее оказались правдоподобными.

Надо было показать, что советские люди, живя в гитлеровской неволе, не теряли веры в силу Красной Армии. Как это показать? В повести есть эпизод, когда Тарас и его друзья видят поврежденные танки, которые фашисты притащили на завод для ремонта. И тут наши рабочие убеждаются в том, что Красная Армия живет и бьет врага.

Эта ситуация была мною придумана. Каково же было мое удивление, когда я вместе с правдистом Петром Яхлаковым из уст рабочих одного завода услышал историю, тождественную с той, которая описана в моей повести! Именно по разбитым танкам рабочие, оторванные от жизни и лишенные правдивой информации о положении на фронте, судили о боеспособности Красной Армии, об ударах, какие она наносит врагу.

В повести имеются такие персонажи, как староста Игнат Несогласный. Я представил себе его в этой роли, примерил, и оказалось, что попадает в самый раз.

Я знаю, что написанная в необычайно короткие сроки повесть носит на себе печать торопливости. После освобождения всего Донбасса и моей последней поездки туда я бы многое мог сказать и полнее и глубже. Но я считаю, что в дни войны важнее всего слово, сказанное вовремя. В этой повести я задавался основной целью — со всей страстностью и честностью сказать все, что наполняло мою душу, когда я увидел разоренные гитлеровцами родные места моей молодости, дорогие моему сердцу города и заводы Донбасса.

Публикация А. САФОНОВА.

МНЕ БЛИЗОК ЭТОТ ПИСАТЕЛЬ...

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР в фонде Бориса Горбатова хранится следующая запись Горбатова о В. Г. Короленко, сделанная в 1952 году, за два года до кончины известного советского писателя, и публикуемая впервые:

«Когда я писал «Обыкновенную Арктику» — передо мной стояли сибирские рассказы Вл. Г. Короленко: его ямщики, его странники, весь северный колорит, прелестный и акварельно-тонко написанный,— все было необыкновенно мило мне. В рассказе моей книги (особенно в «Большой воде» и в «Даше») — я сам знаю, есть сильное влияние Короленко.

Мне вообще близок этот писатель — он лиричен и публицистичен одновременно. «История моего современника» — одна из самых любимых мною книг («Мое поколение» — перекликается с ней).

Люблю В. Короленко и как блестящего, непримиримого журналиста, демократического в самой глубокой сущности своей — то есть всегда готового на защиту меньшого брата, обиженных и угнетенных.

5.VII.52

Бор. ГОРБАТОВ».

Публикация
А. В. ХРАБРОВИЦКОГО.

МОСКВА И МОСКВИЧИ

«РЕШЕНИЯ ПРИНИМАЮ САМА...»

Можно обратиться к дежурному по станции или машинисту, они тотчас по селектору свяжутся с ближайшим медпунктом и в ответ услышат: «Кузьминки», Буланова слушает»; либо «Новослободская», Годчева слушает»; «Ботанический сад», Морозова слушает»; «Динамо», Бурлай слушает»...

Подземная неотложная готова оказать помощь.

— И роды принимать приходилось. Среди миллионного потока пассажиров случаются и такие неожиданности. Но у нас все предусмотрено и на этот случай. У меня за всех людей, которым я оказала помощь, душа болит. Бывают ведь и сложные случаи. До приезда «Скорой помощи» часто от меня зависит очень многое.

Рассказывает это Тамара Павловна Буланова — фельдшер здравпункта станции метро «Кузьминки». В небольшом помещении под землей чистота; все пригнано по местам, как на корабле. Худенькая женщина в белоснежном халате. На столе — розы... Исполнилось сорок лет работы Тамары Павловны фельдшером в метро. Прикиньте, был 1943 год, а ей — семнадцать...

Что же держит людей на этой работе?

— Льготы? Есть у нас и льготы. Надбавка к зарплате... Путевками нас не обижают, детские сады прекрасные. Мои двое там выросли; пионерский лагерь на все лето. Хорошо все это, заботливо, но не только в этом дело. Ответственность за жизнь и здоровье людей, возможность самому принимать решения. И, конечно, отличный коллектив.

Так говорила Буланова. Вот Наталья Годчева, красавица румяная, десять лет служит в метро. И тоже: «Да, родные они мне все». Татьяна Морозова только начала работать, но уже чувствует необходимость свою именно на этом участке.

В Московском метрополитене 54 здравпункта. В обязанность фельдшера входит и непременный предрейсовый осмотр локомотивных бригад, профилактика заболеваний у обслуживающего персонала и, само собой, оказание первой помощи пассажирам.

Н. БУМАГИНА

ДЕРЕВО КРАСНОЕ, ДЕРЕВО БЕЛОЕ...

...Веселый гном с плутоватой рожицей встречает нас в приемной комиссии московского профессионально - технического училища № 64. Гнома придумали и сделали девушки, которые учатся здесь на разрисовщиц игрушек. Двадцать пять лет преподает здесь мастер Л. К. Порфирьева. Ее воспитанницы — разрисовщицы игрушек — работают на московских фабриках.

Особенно же популярна специальность столяра-краснодеревщика. Но все здесь начинается с табуретки. Ее и учатся делать в мастерской будущие краснодеревщики. Ведь поначалу они становятся белодеревщиками — делают простые вещи из белого дерева, из ели, сосны. И лишь со второго курса, когда почувствуют дерево, приступают к обработке ценных пород — красного, черного дерева, палисандра.

Вот он, тяжелый, словно литой, брусочек черного дерева. А тонкие пластинки всех оттенков — фанеровка. Вот столик с изящно изогнутыми ножками — будто он пришагал сюда из гостиной прошлого века. Но преподаватель В. В. Москалев рассматривает столик критически — пропорции небезупречны. Кроме материалов, инструментов, ребята изучают основы рисунка и композиции, мозаику, черчение, изучают эстетику.

Рассказывая об училище, директор А. С. Рубцов провел нас по классам, показал выставки работ. Училище готовится к обновлению.

К. ФЕДОРОВА

На снимке: В. Москалев ведет урок.

ПОКОРИВШИЙ ВЫСОТУ

Николай Васильевич Никитин, конечно же, догадывался, не мог не догадываться, какая жизнь предстоит его башне. Он понимал и то, что особое назначение телевизионной «иглы» возлагает и на него, ее конструктора, задачи такие, которые прежде никому и нигде решать не доводилось. Но Никитин тянулся к сверхсложным задачам, любил проблемы, на которых можно было поломать голову; показать и удаль и расчет. И найти то, чего еще вчера не было.

...Читаю вышедшую в «Московском рабочем» хорошую, добрую книгу Игоря Сорокина «Покорение высоты», рассказывающую о Н. В. Никитине. И радуюсь тому, что страницы сохранили образ выдающегося советского конструктора и инженера.

Мне доводилось встречаться с лауреатом Ленинской премии Н. В. Никитиным, и беседовать с ним. Ловил себя на том, что говорю с выдающимся конструктором, а он такой простой, приветливый, с добрым юмором. Как-то на строительной площадке на вопрос одного из собеседников Никитин ответил не обидной, но назидательной шуткой.

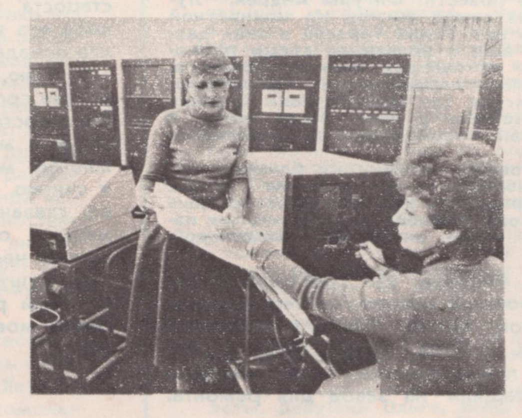
— Вы как-то производственно шутите,— посетовали ему.

— У конструктора и юмор должен быть конструктивным,— ответил Николай Васильевич.

Память о людях сохраняют их дела. И книги. Такие, как «Покорение высоты».

К. БАРЫКИН

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЗАКРОЙЩИК

Ломая голову над раскроем модного платья, вряд ли кто подозревает, что встречается с одной из задач линейного программирования. В швейном объединении «Москва» она будет решаться вычислительной системой. Назвали ее САПР — система автоматизированного проектирования раскладок швейных изделий.

Конечно, фасон — забота художника. Но машина запоминает все данные и при необходимости разработает модель во всевозможных размерах и ростах, подскажет самый экономный раскрой. Исследуя различные варианты раскладок, оператор поведет диалог с вычислительной машиной, манипулируя клавиатурой дисплея, работая «световым пером».

На экране дисплея возникает контур деталей выкройки. С помощью «светового пера» они переносятся на условный отрез ткани, и компьютер тут же определяет процент отходов. Лучший вариант раскладки и пойдет на производство. Фабрики объединения за год используют около 25 миллионов метров ткани, и правильный раскрой, экономия не в ущерб привлекательности и качеству изделий — дело важное.

Компьютер охотно берет на себя нетворческие, однообразные технологические операции, что позволяет сберечь не только метры, но и рабочее время. Генеральный директор объединения И. Я. Кременецкий называет такую цифру: система после ее пуска позволит сэкономить до полутора процентов ткани.

— Что это даст в масштабе объединения?

— Около шестисот тысяч рублей ежегодно.

Сейчас у нового «сотрудника» — период наладки.

М. КУДРЯВЦЕВА

На снимке: оператор Л. Малюкова и инженер М. Устинова за наладкой оборудования.

СЛУЖБА ЧИСТОГО ВОЗДУХА

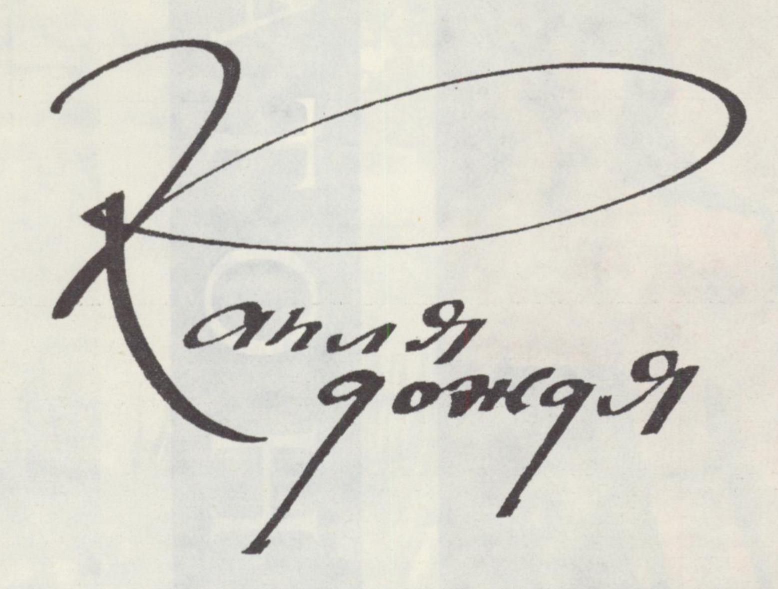
Без еды человек проживет около месяца, без воды — трое суток. А без воздуха?.. Что мы знаем о воздухе, которым дышим? За «воздушным меню» столицы пристально и пристрастно следят сотрудники Центральной высотной гидрометеорологической обсерватории.

На Малой Колхозной площади стоит небольшой, размером с газетный киоск, серебристый павильон. На крыше — флюгер. Это станция «Пост-1». В семь утра, в час дня и в семь вечера наблюдатель берет здесь пробы воздуха. В столице около пятидесяти подобных постов; создается и сеть автоматических станций. По улицам города курсируют передвижные автолаборатории.

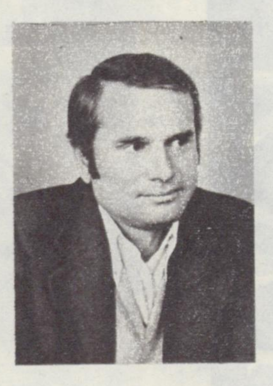
— Наш город неплохо продувается ветрами,— рассказывает директор обсерватории кандидат физико-математических наук Ю. С. Осипов.— В атмосфере происходит постоянное перемешивание воздушных масс, в город поступает свежий воздух. Но при определенных погодных условиях эти процессы замедляются. Одной из наших задач является предсказание таких ситуаций. И тогда мы извещаем промышленные предприятия. Для контроля за соблюдением Закона по охране атмосферного воздуха и для борьбы с нарушителями положений этого закона создана специальная инспекция. Она наделена широкими полномочиями, вплоть до права закрытия предприятия.

У чистого воздуха — надежная служба.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ

Владимир АНДРЕЕВ

СЕЛО БУТОВО

За лесом погромыхивает гром.
Луга, луга и поле за бугром.
И рытвины... А там село в долине
С высокой колокольней посредине.
Не белые хатенки под солому,
А все теперь под шифер в основном.
Спускаюсь я по шелковому склону.
Дымком запахло, речкой, молоком.
Ведет меня тропинка огородом,
И это ей, конечно же, с руки,—
Я свой как есть, я бутовского рода,
И мы с тропинкой, значит, земляки.
Вот земляника, яблоня, крапива,
Густая тети Даши конопля.
Все хорошо. И нет на свете дива
Священнее, чем эта вот земля.
Чем это вот село с ракитами крутыми,
Садами духовитыми, прудом,
Где так легко быть долго молодыми
И медленно состариться потом.
Чего мне в душу только не нахлынет!
И доспевает время до слезы.
А время грузно катится в долину,
Медлительно, как под гору возы.
Но вот порог, и тетушка навстречу,
Запричитав, на грудь мне упадет.
Здесь лишними любые станут речи,
Пустым любое слово пропадет.
Ну, а потом сажусь за стол в светлице.
Мы говорим до темноты ночной.
И, освещая дедовские лица,
Лик тетушки сияет предо мной...

ЗЕЛЕНАЯ НЕДЕЛЯ

Стройна трава — и спелая, густая,
И дождь шумит, как травы, строен, густ.
Ромашек тонконогих стая
Лукаво прячется под куст.

Кукушки голос сиротливый,
И бойкий посвист соловья,
Где, без Аленушки, крапивой
Заросший камень у ручья.

Давно не слышится над лесом
Девичьих песен молодых.
В каких мгновениях прогресса
Искать, как ветра в поле, их?..

И только старая вдовица
Придет в заветные края
Тоски кукушкиной напиться
Да злого зелья соловья...

ТОПОЛИНАЯ АЛЛЕЯ

Пускай сгорает заживо бензин
И дым лохматый роется в кювете,—
Высокий тополь над шуршаньем шин
Лелеет лист в коричневом конверте.

Ох этот липкий запах тополей,
И клейкое молчание свободы,
Да жидкое кипение теней,
Глубокий вздох очнувшейся природы!

Чего ж тебе, душа, недостает?!
Как дышит грудь доверчиво и длинно!..
Как сладко влипла память в горький мед,
Высокий мед аллеи тополиной!..

●

Я мешковину утром выну,
И распростаю, и встряхну,
И саженцам я мешковиной
Надежно корни оберну.
И заспешу на электричку,
В метро прохладное нырну.
Смущаясь (груз-то непривычный),
Поставлю саженцы в углу.
С тревожной нежностью какой-то
Свою поклажу берегу.
Здесь мешковина инородна,
Не в масть, я знаю, не в дугу.
Но вспомнил я: «Смотри ты в корень!» —
Отец говаривал порой.
И мчался груз мой, непокорен,
В метро со мною, под землей.
...Я рассажу поочередно
Все вишни, яблони... Земля,
Прими гостей своих почетно,
Как ветвь приемлет соловья.
Когда обратно электричка
Меня везет сама собой,
Простите, чувствую я лично
Кусок земли — не шар земной.
Я сапоги, довольный, скину.
Потом невольно за столом
Я ложку с блеском важно вскину
Над разморившимся борщом.
Затем прилягу,— сыт по горло.
И мысли тают в легкой мгле.
А руки ноют, словно корни,
Что обрели себя в земле...

●

Фасоль цветет и нежно и кудряво,
Зарю вечернюю потрогали усы.
Всем существом, как все на свете травы,
Она приемлет свято плоть росы.

А сумерки неслышно вырастают.
Садятся дали молча у плетня.
Перепела прохладно пробегают
По пеплу теплому угаснувшего дня.

Остановилось время на мгновенье.
Уравновесились незримые весы.
Земля моя! Поспи в отдохновенье
Под светлым бременем вздыхающей росы.

●

О чем шепнула капля дождевая,
Светясь в ладошке вздрогнувшей листка?
О чем вздохнул он, взглядом провожая
Ее назад — на волю, в облака?..

●

Гром прокатился небесный —
Резвое мая дитя,
Птичья вселяется песня
В каждую каплю дождя...

Я этим миром привечен,
Вскормлен и вспоен, умыт.
Взор мой обычен и вечен,
Птицею вольной парит...

●

Весна пришла и набирает силу.
Ко мне отец являться стал во сне.
Проведать надо бы забытую могилу
В родной моей неблизкой стороне.

Там все в цвету, и птицы там, и пчелы.
Дома негромкие под красной краской крыш.
И пахнет яблоком антоновским моченым
У майской речки молодой камыш.

Я знаю все, я помню все до капли
В тебе, мой край, мой город, боль моя!
Пока душа и руки не ослабли,
Спешу к отцу в родимые края!

Потом пойму, что ничего не значу
Среди оград в беззвучном серебре,
Потом навзрыд, наверное, заплачу,
И даты поплывут с ложбинкою тире.

О жизни я твоей почти не знаю.
А ведь она была в своей поре!
Теперь лишь раной ржавою зияет
Беспомощное краткое тире.

Но нет! Я знаю — мыслями иными
Ты светишь мне в непостижимой мгле.
Ты жив, отец, пока твой сын Владимир
И внуки твои ходят по земле!..

●

Прихлынет, опустится взгляд.
Качнется, как птица на ветке.
Секунды бесшумно летят.
И вздрогнули острые стрелки.

А ветер напористо в дверь
Стучится, холодный и грубый.
И грустно под взглядом теперь
Ответно вдруг вздрогнули губы.

ВОСЬМАЯ НОТА

Трудный урок Вовы Мельника.

Фольклорный

За околицей.

ансамбль села Ермоличи.

Водевиль «Микитов лапоть» — любимый спектакль самодеятельных артистов.

Духовой оркестр.

А. ЩЕРБАКОВ,
фото Г. РОЗОВА

Нарядный стол. На нем скатерть и свежие цветы. За столом празднично одетые педагоги. Слушают музыку и — видно по лицам — так переживают, будто присутствуют на крупном международном конкурсе, где юные дарования, надежда стран и континентов, делят мировую славу.

А на самом деле идет академический концерт в сельской музыкальной школе. Звучит менуэт Баха в исполнении Ани Якуты, «Сонатина» Клементи — ее подготовила Маша Глебович; выходит с баяном Ваня Сенкевич; опять пианисты; за ними скрипачи... Зачетный концерт. Без публики. Рабочая обстановка. Только волнение на сцене и в зале, за столом комиссии, совсем не учебное. И оттого в зале, без зрителей, торжественно и светло.

А накануне шел интересный разговор по соседству, в средней общеобразовательной школе. Разговор о проблемах сегодняшней

деревни, о ее молодой поросли. О судьбах таких, как Аня Якута, Ваня Сенкевич...

Директор школы Иван Степанович Мельник делится мыслями.

— Колхоз у нас богатый. Один из лучших во всей Белоруссии. Заработок в сто восемьдесят—двести рублей доступен большинству колхозников. Хорошие дома строятся. Быт по городскому образцу налаживается... И в то же время все меньше и меньше выпускников остаются здесь работать... Причины разные. Одна из главных: считают, что труд деревенский слишком тяжел и неблагодарен, что жизнь в деревне по сравнению с городской, как сейчас принято выражаться, непрестижна, неинтересна и трудна! И, как ни досадно, часто настраивают ребят родители. Не переживают они, а радуются, когда их чадо перебирается в город и наведывается домой лишь когда скудеют запасы сала или домашней колбасы.

Наболевшее. И действительно досадное! Ведь любому крестьянину известно, что легким трудом ничего истинного, ценного никогда не создавалось. Труд и называется так потому, что он труден. Люди, прожившие век в деревне, испытали это на себе. И по себе знают, что если человек не лодырь, не забулдыга какой-нибудь, он никогда не тяготится трудом. Труд для него — жизнь, а не способ заработать на автомобиль, или на мебельный гарнитур, или на ковер... Если к труду, к жизни, в которой труд станет основа, лежит душа, то неоткуда взяться потребности гоняться за призрачным счастьем... Уехать за мечтой — понятно. Однако в томто и дело — лежит ли душа. Помогают ли люди. Поддерживают ли те, кому и положено поддерживать все доброе, талантливое...

Все зависит от самих людей! Обязанность партийных, хозяйственных руководителей — помнить об этом... Как сказал на июньском Пленуме ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов: «Вовремя замечать, поддерживать и распространять все полезные, животворные начинания».

...Колхоз имени Воронецкого действительно богат. Андрей Максимович Воронецкий, председательствовавший тут больше десятка лет в пору сложную и трудную, сделал все, чтоб колхозники ни в чем не нуждались. Превосходный Дом культуры, отличный спортивный зал, комбинат бытовых услуг, несколько магазинов... Но мудрый председатель в то же время понимал, что богатство обернется бедностью, если не будет рядом людей, которые будут возделывать ниву человеческую. И все, что успел, все осуществил,— для того, чтоб такие люди в колхозе жили.

Они живут. Это педагоги Эйсмонтовской музыкальной школы; работники здешнего Дома культуры; учителя средней школы... Живут здесь, чтобы формировать души, растить людей, которые глубоко и преданно любили бы эту землю, верили бы в святое назначение крестьянской доли и считали большим счастьем продолжать дело и традиции отцов.

...Владимир Никифорович Котелев — директор музыкальной школы, учитель музыки, энтузиаст народного творчества, покровитель эйсмонтовских талантов. Я спросил у него:

— Как вы убеждаетесь, что школа нужна сельскому человеку?.. Ведь далеко не все, ее оканчивающие, выбирают профессию музыканта.

Вместо ответа он предложил:

— Давайте заглянем к Рите Стецкевич. Она торгует в промтоварном магазине. Недалеко... Училась у нас, недавно выпущена. На ваш вопрос она ответит лучше.

Рита, подвижная, общительная, как только услышала, что речь о музыке, улыбнулась.

— Ой, о музыке можно без конца! Жаль, что я на работе... Вот пошла в продавцы, а музыкальная школа при мне! Аккордеон купила. Редкий день когда не играю. Для себя. А потом я теперь музыкальные передачи по радио, по телевидению совсем иначе воспринимаю. Они для меня как продолжение школы, как открытие чего-то нового. Интересно! А когда жить интересно, работается лучше...

Я тут же вспомнил рассказ преподавательницы Людмилы Дмитриевны Трякшевой.

— Приехала я сюда. Собрала группу школьников. «Пойдете на народные инструменты?» Мнутся. Взяла домру, сыграла «Светит месяц», а потом Сен-Санса... Пластинку с записью оркестра народных инструментов имени Андреева послушали. Янина Лисовская говорит: «Я останусь». Через некоторое время еще несколько человек привела и объясняет: «Они записывались в школу, а ходить перестали. Запишите их еще раз!..» Позанимались. Потом концерт. Мы на них всегда родителей приглашаем. После концерта подошел ко мне отец одной девочки и говорит: «Люблю слушать, когда дочь играет. И по телевизору всегда теперь смотрю концерты, где на народных инструментах музыку исполняют».

...Вот так — со ступеньки на ступеньку... У Владимира Никифоровича своя система отбора в школу. Музыкальные занятия обязательны уже в детском саду. Учащиеся музыкальной школы непременно дают концерты для малышей. Те, кто на сцене, изо всех сил стараются покорить аудиторию. А она, аудитория, завидует: хочет тоже выступать и слышать похвалу!.. Принято пускать любопытных в школу: пускай посмотрят, постучат в барабан,— иногда и с этого начинается путь к духовным высотам.

Педагоги тем временем присматриваются. Тех, кто обнаруживает задатки и желание, зовут учиться. Почти девяносто человек занимаются в школе; для всех остальных — посильное приобщение к музыке.

Зовут, например, гостей в музыкальную гостиную. Здесь периодически собирают детвору. Слушают пластинки, рассказывают о композиторах, читают стихи. И предлагают: «Послушайте музыку. И скажите, какая, по-вашему, лучше всего прозвучит с этими стихами...» Ребята увлекаются, втягиваются в заманчивый мир и хотят сделать его доступным для себя.

Так Чеслава Станиславовна Котелева, Татьяна Васильевна Кравчук, Нина Алексеевна Богдашиц, Людмила Дмитриевна Трякшева, Владимир Никифорович Котелев, другие педагоги воспитывают музыкой крестьянских детей, следуя словам Луначарского (их можно увидеть в школе): «Основная задача человека — сделать себя и все вокруг себя красивым».

...В Эйсмонтах помнят много всяких праздников. Но этот Первомай, со своим, доморощенным, духовым оркестром запомнился особо. Ребята дули в трубы — вот-вот лопнут щеки. Взрослые ловили каждый звук, улыбались, качали головами. «Чтоб наши, да так ладно, так звонко — кто б подумал, что одолеют этакую музыку!»

Музыкальная школа щедро и плодотворно участвует в колхозной жизни. И доказывает своим участием, что колхоз силен и знатен не только одним хлебом. Не только молоком, мясом, картофелем, но и культурой — и в широком ее понимании и в земном значении.

Директор Дома культуры Марина Игнатович создала агитбригаду «Колосок». Начали с программы «Слово о хлебе». Ездят по бригадам, по фермам. Бригаду знают и ждут. Клубный актив — участники хореографического коллектива, два хора, инструментальный ансамбль — помогают нести культуру в бригадные клубы. Готовить «Праздники деревень»,— а деревень в колхозе шестнадцать,— где царит настоящее раздолье для самодеятельности, выдумки, доброе соперничество семей, фамилий, улиц...

В Дом культуры тянется молодежь. Его хозяева заботятся, чтоб он не превратился в пристанище жаждущих «тряхнуть» современностью: скоротать вечер, соперничая в демонстрации ультрамодных танцев.

Марина рассудила: «Пусть будут современные танцы. Но пусть живут и вечные, украшающие любое время». И предложила она провести вечер «Рассказ о вальсе». На вечере говорили о Штраусе, показывали, как танцевать вальс; кто-то совсем не умеет, а кто-то, увы, разучился... И, конечно, все танцевали.

...Литературные вечера. Встречи с артистами из Гродно (из Минска, к сожалению, очень редко). Клуб «Василиса», где учат девушек быть примерной хозяйкой, искусной и хлебосольной, общительной... В Доме культуры и вокруг него — народ, народ... Заведующий производственным участком Станислав Иосифович Бергель — ведущий актер драматического кружка, как будто на спор доказывает, что любой должности хозяйственник, если только он загорится, то и найдет возможность осчастливить себя прикосновением к прекрасному. Братья Глебовичи, Иосиф и Иван,— школьники, известные на всю округу баянисты. Преподавательница музыки Чеслава Станиславовна Котелева — руководительница двух хоровых коллективов сразу. Володя Мельник и Виталий Зданчук — питомцы музыкальной школы, украшающие деревню звуками скрипки...

И приходят в этот Дом культуры, в бригадные клубы люди. Механизаторы, животноводы, строители... Слушают своих сыновей, дочерей, внуков. Размышляют. Постигают, что в жизни, кроме семи «узаконенных» нот, есть еще нота восьмая. На нее настраиваются те, кто хочет, чтоб все вокруг красиво и вдохновенно пело. И чтобы звуки эти находили радостный, окрыляющий отклик в душе...

Гродненская область.

Павлины — увлечение шофера Станислава Едковского.

В. Жемерикин. Род. 1942. ЛЕЙТЕНАНТ ШМИДТ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников.

В. Кузнецов. Род. 1958. СОН.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников.

Юрий ЖУКОВ

Хамелеон

ПОРТРЕТ ОДНОЙ НЕОКОЛОНИАЛИСТСКОЙ КОРПОРАЦИИ

Хамелеон (род ящерицы) по всему телу делается то черным, как крокодил, то бледным, как ящерица, то черным с пятнами, как пантера.
Аристотель. «История животных».

С тех пор, как Аристотель описал еще в четвертом веке до нашей эры удивительное свойство хамелеона легко менять окраску своей шкуры, люди миллионы раз приравнивали к нему тех, кто в политике, экономике да и в повседневной жизни способен столь же ловко, а главное, абсолютно беспринципно и нисколько не задумываясь приспосабливаться к любой обстановке ради своей выгоды.

Я невольно вспомнил о характеристике хамелеона, данной Аристотелем, когда прочел недавно на страницах парижской газеты «Фигаро» огромный панегирик подлинному хамелеону конца XX века — лидеру богатейшей корпорации английских колонизаторов под названием «Лонро» — некоему Роулэнду, по кличке «Tiny», которого эта газета с нескрываемым восхищением назвала «величайшим авантюристом делового мира». Сей весьма своеобразный панегирик озаглавлен красноречиво: «Фантастическая скачка Тини Роулэнда».

Кстати, почему Тини? Слово «Tiny» по-английски означает «миниатюрный», а этот уже шестидесятилетний детина вымахал почти на два метра. Впрочем, Роулэнд принял от журналистов свою кличку благосклонно, тем более, что он вовсе не Роулэнд (эту фамилию он позаимствовал перед мировой войной у своего дяди по матери — англичанина), а Фюроп — сын немецкого негоцианта из Гамбурга, родившийся в Индии.

Фюроп — он же Роулэнд, он же Тини — успел побыть членом гитлерюгенда до того, как вместе с отцом перебрался в тридцатые годы в Англию. Когда война началась, его отца упрятали в английский концлагерь на острове Мэн, а Тини, заблаговременно сменивший фамилию и получивший британский паспорт, определился в британскую военную санитарную службу и избежал неприятностей.

«Его история похожа на сценарий фильма о графе Монте-Кристо,— пишет экономический обозреватель «Фигаро» Ален Верней,— сыгранного в атмосфере таинственности, но без маски, атлетически сложенным актером, похожим на Курта Юргенса,— только у него глаза еще более голубые да и рост повыше».

«ЧЕРНЫЙ С ПЯТНАМИ, КАК ПАНТЕРА»

С Тини Роулэндом и его корпорацией советских читателей познакомила еще в сентябре 1974 года газета «Правда», когда он с трудом выпутывался из очередной авантюры: его таскали по английским судам за то, что он уж слишком рискованно, мягко говоря, обращался с британским законодательством. Кое-кто из конкурентов Тини тогда злорадно предсказывал, что он сломит себе голову. Но вот поди ж ты, этот хамелеон, сделавшийся было «по всему телу бледным, как ящерица», стал вскоре снова «черным с пятнами, как пантера», и, добавлю к этому, очень злая, жадная и ненасытная пантера.

«Лонро»! Это странно звучащее слово, похожее не то на щелканье затвора винчестера, не то на хриплый рык неведомого зверя из джунглей, многие наши читатели наверняка успели позабыть, а иные, более молодые, и вовсе его не слыхали. Между тем история и деятельность корпорации, носящей это сокращенное имя (оно составлено из слов **Лон**дон и **Ро**дезия!), необычайно интересны и важны для понимания опасных маневров неоколониализма.

Скажем для начала, что оборот «Лонро» в 1961 году составлял всего 4 миллиона фунтов стерлингов, в 1973-м — 1080 миллионов, а в 1981-м—более двух миллиардов. В 1974 году у нее в найме было 18 тысяч человек в Англии и около 100 тысяч в Африке, а сейчас у «Лонро» уже 140 тысяч служащих в 64 странах.

Но дело тут не только в бизнесе. Дело и в большой политике, которую пытается делать «Лонро» под руководством Роулэнда, человека, имеющего что-то общее с небезызвестным «сыном турецко-подданного» Остапом Бендером. Этот сын германского подданного, акклиматизировавшийся в Англии, после войны поднакопил деньжат на скупке и продаже так называемых «военных излишков» снаряжения, принадлежавшего английским и американским службам снабжения фронта — теперь они сбывали его за гроши, а обносившиеся европейцы были готовы платить за солдатскую одежду и обувь большие деньги,— и в конце сороковых годов махнул в Южную Африку.

Там, как он смекнул, еще сохранились заповедные углы, где можно грести золото лопатой.

С ЧЕГО ОНИ НАЧИНАЮТ

Тини обосновался в Родезии, остававшейся в ту пору английской колонией, купил там для начала большое имение, где бесправные негры за гроши выращивали для него кукурузу, которую он с прибылью для себя продавал, потом стал торговать западногерманскими автомобилями «мерседес» и «фольксваген», вошел в доверие к крупной фирме «Рио Тинто» и начал сотрудничать с нею, делая все более доходные дела.

Так прошло около десяти лет. Пока Роулэнд, действуя методами XIX века, занимался, выражаясь по-научному, первичным накоплением капитала, история не стояла на месте. Африка кипела, бурлила, сбрасывая колониальное иго. Одно за другим на карте появлялись новые и новые независимые государства. К югу от экватора пока было сравнительно тихо. Но вскоре и созданная колонизаторами липовая «Федерация Родезии и Ньясаленда», где по-прежнему правили англичане и где безнаказанно хозяйничали Роулэнд и ему подобные искатели легких доходов, затрещала по всем швам.

В штабы колониалистских монополий, размещенные в Лондоне, Париже, Брюсселе, Лиссабоне, из Южной Африки полетели тревожные «молнии» от управляющих их компаниями: начались забастовки, рядом — в Анголе и Мозамбике — стреляли. Начиналась и здесь вооруженная борьба за освобождение от колониального рабства.

Многие колонизаторы спешили продать свои предприятия и уехать на родину. Но Роулэнд был спокоен. Он сообразил, что и в этой сумятице можно будет сделать большие дела, если действовать расчетливо. Главное — скупить побольше самых разнообразных предприятий — любых, которые будут продаваться за бесценок! — а дальше видно будет.

Этот делец заранее прикинул все возможные варианты и пришел к выводу: почему бы ему и не признать приближавшуюся с роковой неизбежностью смену властей? Не все же вожди африканских племен выступают за некапиталистический путь развития; кое с кем наверняка удастся найти общий язык, особенно если им посулить участие в прибылях!

ВОСКРЕШЕНИЕ ПОЛУМЕРТВОЙ «ЛОНРО»

В то неспокойное время Роулэнда разыскал джентльмен из Лондона Ангус Огилви, отпрыск весьма аристократической семьи, муж принцессы Александры, делавший дела в Сити. Дело в том, что одна из руководимых им фирм — старейшее колониальное предприятие «Лондон энд Родизиа майнинш энд лэнд компани», основанное еще в 1909 году,— начала агонизировать. Дела этой компании шли очень плохо еще и оттого, что более сильная соперница — компания «Рио Тинто» при услужливом посредничестве того же Роулэнда оттяпала у нее несколько доходных золотых шахт.

Огилви, знавший Роулэнда с 1957 года, решил, что он именно тот человек, который нужен для спасения этой малоизвестной фирмы, сокращенно именовавшейся «Лонро». Тини сразу согласился, но... при одном условии: он станет не только ее генеральным директором, но и главным ее хозяином. Прикидываясь великодушным человеком, он сказал, что передаст «Лонро» собственную шахту, где добывалось золото, заверив, что разведанные запасы его обеспечивают эксплуатацию золотосодержащих пластов породы на двадцать лет вперед. (Как выяснилось вскоре, Тини безбожно надул партнеров: шахту пришлось закрыть уже через год, так как золота в ней уже не было.)

В Лондоне решили не спорить с этим амбициозным человеком: время трудное, надо соглашаться, того и гляди, компания вовсе пропадет. И вот была заключена сделка: «Лонро» сливалась с компанией Роулэнда «Шептон эстейтс». Объединенной корпорации ради сохранения традиции оставили старое название, существовавшее с 1909 года, но она начинала новую жизнь. Это произошло 16 августа 1961 года.

Огилви и его лондонские друзья радовались: Тини с энергией молодого волка действовал в присущей ему агрессивной манере, торопясь делать большие деньги.

Уже год спустя он подписал с фашистским португальским правительством грандиозный контракт на прокладку по территории принадлежавшей Португалии колонии Мозамбик нефтепровода, по которому нефть из порта Пейра должна была перекачиваться в Южную Родезию. Был подписан контракт «Лонро» с нефтяными монополиями «Бритиш петролеум» и «Шелл», которым предстояло пользоваться этим нефтепроводом. Была гарантирована прибыль для «Лонро» в размере миллиона фунтов стерлингов в год.

СТАВКА НА «ТУЗЕМНУЮ ЭЛИТУ»

Одновременно Роулэнд искал сотрудничества с правительствами стран Африки, освободившимися от колониального ига. Руководимая им корпорация охотно соглашалась на далеко идущее участие этих правительств в делах принадлежащих ей многочисленных компаний — порою даже вплоть до их национализации, частичной или полной, разумеется, с выкупом.

Деятелям государств, которые шли на сотрудничество с «Лонро», предоставлялись высокооплачиваемые посты директоров компаний. При этом, однако, большинство в совете директоров неизменно составляли предприниматели «европейского происхождения», а капиталами по-прежнему распоряжалась корпорация — они вращались в ее системе, и прибыли утекали в Лондон. Такое положение, разумеется, вполне устраивало акционеров «Лонро», которые предпочитали не думать о стремительном развитии коренных полити-

ческих перемен, происходивших в одной стране Африки за другой.

А между тем кругом все рушилось: народ Северной Родезии уже завоевал независимость и создал свое государство, названное Замбией. Освободился и народ Ньясаленда — там возникло государство Малави. До поры до времени уцелело лишь одно прибежище колонизаторов — Южная Родезия. В этой стране господствовал жестокий расистский режим белого меньшинства во главе со Смитом, против которого боролось коренное население страны, именовавшее ее по-своему — Зимбабве.

Тини ошибочно рассчитывал, что этот режим просуществует еще очень долго. Поэтому он неутомимо продолжал строить свою становившуюся все более мощной экономическую империю, стоя, что называется, на двух китах: на колониальном режиме в Родезии, где ему принадлежали уже сорок компаний, которые тогда, по данным родезийского журнала «Проперти энд файнэнс», давали «Лонро» 75 процентов ее прибылей, и на тех молодых африканских государствах, народы которых, получив политическую независимость, еще не добились независимости экономической.

Таким образом руководимая Роулэндом корпорация быстро превращалась в огромный конгломерат. Она бралась за все: скупала пивные заводы и железные дороги, строила текстильные фабрики, брала под контроль автомобильный транспорт и складское хозяйство, занималась оптовой и розничной торговлей.

Все, казалось бы, двигалось как по маслу. Неоколониалистская корпорация нового типа процветала. К ее опыту присматривались за океаном: новые времена — новые песни, надо приспосабливаться к обстановке. Конечно, раньше, когда существовали колонии, наживать капиталы там было легче. Но Роулэнду как будто бы удалось доказать, что и теперь, если действовать похитрее, можно орудовать неплохо.

СКАЧКА С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

И вдруг начались неприятности. ООН ввела экономические санкции против расистского режима Родезии. Конечно, Роулэнд и его лондонские союзники быстро сообразили, как обойти запрет на торговлю с этим режимом, но кое-какой ущерб корпорация понесла: пришлось остановить (и притом надолго!) действие только что сооруженного грандиозного нефтепровода, питавшего Родезию жидким топливом. А ведь эксплуатация этого нефтепровода, как я уже сказал, должна была давать «Лонро» чистоганом миллион фунтов стерлингов в год!

Ну что ж, Роулэнд утешился, захватив контроль над шахтами добычи золота Ашанти,— он буквально вырвал их у менее удачливого конкурента генерала Спирса, в прошлом друга Черчилля. Тини пригрозил ему, что если он не согласится передать «Лонро» акции этих шахт, то тогдашнее правительство Ганы, с которым он установил было дружеские отношения, экспроприирует их. Спирс склонился перед этим шантажом. В награду Тини предоставил ему кресло в совете своей корпорации.

Вскоре, однако, случилась новая неприятность — у Роулэнда возник конфликт с правителем Заира Мобуту. Тини явно зарвался: он думал, что сможет без большого труда вытеснить из Заира могущественную бельгийскую корпорацию «Юнион Миньер», давно уже эксплуатировавшую сказочные природные богатства этой огромной страны, равной по площади всей Западной Европе.

И вот Мобуту было сделано от имени «Лонро» такое предложение: Роулэнд построит новую железную дорогу, которая пройдет по территории Заира вплоть до Атлантического океана, и будет вывозить по ней медную руду и другие богатства. Тогда отпадет необходимость в перевозках этих грузов через Замбию и Анголу по железной дороге Бенгела, которую эксплуатировала компания «Танганьика концешн» миллиардера Честера Битти.

Роулэнду казалось, что Мобуту клюнет на этот грандиозный план и в знак благодарности передаст ему контроль над природными богатствами Заира, изгнав бельгийскую корпорацию. Но он явно недооценивал силу «Юнион Миньер» и зависимость Мобуту от его бельгийских покровителей, восходящую еще к тем временам, когда он служил писарем в батальоне колониальных войск Бельгии — уже тогда его заприметили в Брюсселе и сделали на него ставку.

Явно по подсказке своих покровителей Мобуту резко отклонил предложение «Лонро» и демонстративно подписал с «Юнион Миньер» новый контракт, предоставляющий этой корпорации право хозяйничать в Заире и далее — до 1994 года. Одновременно Мобуту запретил заирским дельцам любые контакты с «Лонро».

В апреле 1973 года вспыхнул новый громкий скандал, связанный с именем Тини,— на сей раз в Кении, где к тому времени уже 50 компаний перешло под контроль его «империи». В осуществленных им сомнительных сделках были замешаны довольно видные деятели страны, получившие щедрую компенсацию за то, что они закрывали глаза на хищнические действия «Лонро». И вот деятельность этой корпорации стала предметом обсуждения в парламенте.

— Я считаю, что они захватили слишком много предприятий,— сказал, выступая с парламентской трибуны, министр Кариуки.—Очень скоро, если мы не проявим должной осторожности, получится так, что вы, придя домой, обнаружите, что даже кухонная утварь, которой пользуются ваши жены, куплена у «Лонро»...

Обсуждение в парламенте Кении длилось десять дней, но скандал был погашен. Признательный Роулэнд передвинул молодого кенийского директора своей компании в Найроби Гесаго в главное правление «Лонро» в Лондоне. Это был не кто-нибудь, а родственник президента Кении.

СКАНДАЛ В БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Но вскоре началось другое расследование, на сей раз в Лондоне. Партнеры Роулэнда, недовольные тем, что он «не по чину берет», слишком глубоко залезая в карман корпорации, ворчали давно. Уже в 1972 году он стал владельцем четверти капиталов корпорации и рассматривал себя чуть ли не в качестве единоличного хозяина «Лонро».

Видный английский банкир, являвшийся одним из его сообщников, по-дружески предупреждал Тини: «Не зарывайся!» Но тот уже закусил удила — порвал отношения с этим банкиром, заменив его более покладистым коллегой, ввел в совет корпорации для солидности послушного ему депутата английского парламента Эдварда дю Кэн, сунул своему старому и надежному партнеру лорду Дункану Сэндису еще 130 тысяч фунтов стерлингов, чтобы он согласился занять пост президента совета «Лонро», дабы оградить Роулэнда от неприятностей, и успокоился.

Но восемь других обиженных Роулэндом членов совета затаили на него злобу и предали гласности многие его темные делишки. А тут еще в международных кругах поднялся шум по поводу того, что Англия систематически нарушает решения ООН об экономических санкциях против расистского режима Родезии — в этих нарушениях, конечно же, была замешана и «Лонро». И вот тогдашнее консервативное правительство, возглавлявшееся Эдвардом Хитом, решило избрать Роулэнда в качестве козла отпущения. Расследование допускавшихся «Лонро» правонарушений велось в супердраматических тонах, и Хит даже позволил себе заявить в парламенте, что деятельность «Лонро» представляет собой «неприглядное лицо капитализма», и пообещал строго наказать виновных.

Но, как и следовало ожидать, эта мощная неоколониалистская корпорация отделалась легкими ушибами. Правда, лорду Дункану Сэндису пришлось уйти в отставку. Но Тини, на время опять «побледневший», удержался на своих позициях. Доклад следователей из министерства торговли был опубликован лишь в июле 1976 года. Его авторы слегка журили Роулэнда, но в то же время подчеркивали, что это «выдающийся деятель». Они писали, в частности: «Он дальновидный человек, обладающий искусством вести переговоры и решительностью. Это сильная личность, обладающая большой энергией, позволяющей ему применять на практике свои таланты».

Газеты пошумели, потом все успокоилось, и «Лонро» продолжала хозяйничать по-прежнему, развивая свою деятельность в двух направлениях: ее филиалы в Родезии и Южно-Африканской Республике укрепляли тамошние расистские режимы, а тем временем Роулэнд морочил головы деятелям независимых африканских государств, неустанно повторяя: «Мы любим Африку» (это его излюбленные слова),— и продолжал выкачивать сверхприбыли, жестоко эксплуатируя коренное население этих государств.

Очень скоро хамелеон снова стал «черным с пятнами, как пантера». Аппетит приходит во время еды. Когда возник энергетический кризис в связи с повышением цен на нефть, Роулэнд решил заинтересовать арабские княжества Персидского залива и Организацию африканского единства новым грандиозным планом: он взялся «помочь» ОАЕ создать монопольную организацию, которая взяла бы на себя доставку нефти в 36 африканских стран, ее переработку и продажу нефтепродуктов по всей Африке. Разумеется, фактическим хозяином этой монополии явилась бы «Лонро», а нефтяные монополии западных держав получили бы поворот от ворот.

Через тогдашнего генерального секретаря ОАЕ Нзо Икангаки (деятеля из Камеруна, где «Лонро» также пустила корни) Роулэнд добился того, что его сделали экономическим консультантом этой африканской международной организации. Уверенный в успехе, он уже основал в Лондоне новую компанию, «Лонро энерджи рисорсес лимитед», которая должна была взяться за осуществление его замысла. Но главы африканских государств, разобравшись, с кем они имеют дело, отвергли услуги Роулэнда, а Икангаки пришлось уйти в отставку.

Не вышло в Африке — Роулэнд ринулся на Ближний Восток. В 1974 году его следы обнаружились в Кувейте: тамошние богачи выручили его, предоставив ему капиталы, необходимые для приведения в порядок дел, пришедших в расстройство за время неприятных расследований и неудач. Их группа "Галф интернэшнл" приобрела 14, а затем 22 процента акций «Лонро». Как обычно, действуя по методу "ты мне, я тебе", Роулэнд с благодарностью за содействие предоставил шейху Нассару Сабаху аль Ахмеду, зятю эмира и сыну министра иностранных дел, место в совете корпорации...

ХАМЕЛЕОН ПОЛЗЕТ СВОИМ ПУТЕМ

Прошло немного времени, и 4 февраля 1977 года лондонская газета «Файненшл таймс» опубликовала следующее сообщение под красноречивым заголовком: «Лонро» процветает»:

«На годовом собрании акционеров г-н Р. Роулэнд, председатель совета директоров «Лонро», заявил, что корпорация процветает из года в год и, как он надеется, будет процветать, поскольку он не видит причины, почему дела должны обстоять иначе. Прибыли группы до уплаты налогов составили рекордную цифру в 93,4 миллиона фунтов стерлингов в финансовом году, закончившемся 13 сентября, обозначив увеличение на 47 процентов. Оборот расширился с 606 до 1080 миллионов фунтов стерлингов».

Неутомимый хамелеон продолжал свой извилистый путь, применяясь к местности. Политические скандалы, вспыхивавшие то и дело, неизбежные провалы наиболее авантюристических сделок, проклятия, которые обманутые акционеры слали в адрес Роулэнда, нисколько его не смущали. Напротив, они лишь приводили его в хорошее настроение: подумать только, газеты то и дело пишут о «Лонро»! Какая отличная реклама и к тому же совершенно бесплатная.

Тини понимает: иногда британскому правительству необходимо сделать вид, что оно

стоит на страже законов. Поэтому он готов время от времени постоять с покаянным видом перед парламентской или королевской комиссией, которая его отечески пожурит в сто первый раз. Но при одном условии: его смирение перед следователями должно быть компенсировано. В противном случае он сам затеет скандал, да еще какой!

Вспомним хотя бы историю его родезийского нефтепровода. Подумать только, он бездействовал шестнадцать лет — на это обстоятельство всегда ссылались английские представители в ООН, доказывая, будто санкции против расистского режима Родезии неуклонно соблюдаются. А тем временем нефтяные монополии самым благополучным образом доставляли нефть расистскому правительству Смита другими путями, зарабатывая на этом большие деньги, и только «Лонро» терпела убытки. Ну, погодите!..

И Роулэнд подал в суд жалобу на действия 29 нефтяных компаний, доказывая, что они «поставляли нефть Родезии вопреки приказам правительства и не пользуясь нефтепроводом «Лонро», хотя это было предусмотрено контрактом». Эту акцию Тини сочли в английском правительстве крайне несвоевременной, поскольку она была предпринята в разгаре переговоров о ликвидации обанкротившегося расистского режима Смита. Английское министерство иностранных дел запретило огласку документов о сделке с «Лонро», ссылаясь на то, что это было бы «нарушением национальных интересов».

Но вот название «Родезия» исчезло с карты Африки, и эта страна стала независимым африканским государством Зимбабве. Премьер-министр Тэтчер объявила, что вопрос о санкциях больше не существует и что корпорация «Лонро» вправе ввести в действие свой нефтепровод. Работы по его восстановлению немедленно начались. Но Роулэнд тут же объявил, что он не намерен прекращать начатое им судебное дело против 29 нефтяных компаний.

Пусть попляшут, голубчики, перед судом, пусть поделятся с «Лонро» своими баснословными прибылями, полученными от продажи Родезии Смита нефти в нарушение санкций ООН! «Он требует,— пишет газета «Фигаро»,— абсолютного подчинения партнеров его воле. И тем, кто недооценивает этого человека,— продолжает она,— придется заплатить очень дорого за то, что они вовремя не угадали в Тини Роулэнде современного Сесиля Родса, адаптировавшегося ко временам деколонизации, и не возвели его в ранг высшей знати, как когда-то это было сделано в отношении торговца ракушками Сэмюэля («Шелл»!) и других основателей крупной британской индустрии, приехавших из Германии,— таких, как Людвиг Монд («Интернэшнл никкель»!) и лорд Вайншток («Дженерал электрик корпорейшн»!)».

Ну, а пока что этот хамелеон живет, здравствует и процветает. Недавно щупальца корпорации «Лонро» протянулись уже через Атлантический океан,— Роулэнд приобрел у престарелого миллиардера Дэниэла К. Людвига незадолго до его смерти акции компании крупнейших отелей, функционирующих на Бермудских и Багамских островах, в Калифорнии и в Мексике.

Иногда он переводит дух в своем замке в Англии или же в своем особняке на мексиканском курорте Акапулько, используя свободное время для обдумывания новых, как всегда авантюристических и неожиданных для окружающих планов. В Лондоне, на Даунинг-стрит, 10, где обитает премьер-министр Тэтчер, за деятельностью этого хамелеона, готового в любую секунду изменить свою окраску применительно к обстоятельствам, следят со смешанным чувством опаски и восхищения.

Таков уж закон жизни в том душном мире: сегодня, как и вчера, подлинную погоду в политике и экономике там делают не те, за кого голосуют избиратели, а люди из породы Сесиля Родса и Роулэнда по кличке Тини.

Именно так выглядит и сейчас то неприглядное лицо капитализма, о котором обмолвился в 1973 году в британском парламенте тогдашний премьер-министр консервативного правительства Эдвард Хит!

МИР НАСТУПАЮЩЕМУ ДНЮ

Чувство, которое испытываешь при просмотре телевизионного фильма «Мир наступающему дню» по сценарию Дмитрия Мамлеева, снятого режиссером Сергеем Вологдиным,— это волнение совершенно особого рода. Потрясают кадры хроники незабываемых военных лет. Вызывает гнев и возмущение вид современных заокеанских агрессоров, нагло демонстрирующих свою убойную силу, разжигающих военные конфликты и пожары в разных уголках земного шара.

Вторая мировая война, унесшая более полуста миллионов человеческих жизней, была страшна и, казалось, должна многому научить оставшихся в живых. Но увы! Этого не произошло, и над миром вновь витает угроза катастрофы — теперь уже ядерной. Сказав об этом в суровой и яркой форме свое пламенное гневное слово, фильм уже сделал свой прицельный выстрел в поджигателей войны.

Но есть в нем лейтмотив еще более глубинный. Это личная причастность к судьбе планеты каждого из нас, личная ответственность за дело мира. Кто бы ты ни был, где бы ни жил, ты должен быть не пассивным созерцателем, а деятелем в борьбе за это благородное дело. Не только из-за страха за свою личную безопасность. А по благородной человеческой обязанности перед Днем наступающим. Перед будущими поколениями. Именно эта идея объединяет в фильме бывшего узника фашистских концлагерей, а ныне отца восьмерых детей шофера Василия Скрыпника; ленинградского рабочего, защитника города на Неве Александра Беспалова; потерявшего на фронте зрение писателя Вали Гафурова, повторившего подвиг Николая Островского; народного поэта Дагестана Расула Гамзатова; чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова — всех их мы видим в кадрах — и еще сотни миллионов честных людей, которые НЕЗРИМО стоят за ними, но мы ВИДИМ и их благодаря прекрасной публицистичности авторского текста. Это фильм о конкретных поступках конкретных людей. И в этом сила документального повествования.

Константин Симонов передал полученную им Ленинскую премию за трилогию «Живые и мертвые» в Фонд мира, Расул Гамзатов — весь сбор от творческого вечера в Лужниках. Всего два примера. А в кадре мы видим выступление председателя правления Советского фонда мира Анатолия Карпова. Он рассказывает, на что обращены добровольные пожертвования: на проведение в Советском Союзе и по всей земле акций, направленных в поддержку мира, на разъяснение позиции нашего государства, его миролюбивой политики.

Всей планете памятна Хатынь. Фашисты заживо сожгли там 149 жителей, в том числе 76 детей. Чудом уцелели только пятеро, в том числе и Александр Желобкович. С экрана прозвучали его слова, обращенные к каждому человеку,— сделать все, чтобы никогда не повторилась трагедия войны.

Кадр из фильма: Е. Халдей — его военные фотоснимки обошли весь мир.

Фильм показывает, как поднимается все человечество, стремясь преградить путь ядерному безумию. Мы увидели марши мира, демонстрации и манифестации, услышали голоса на разных языках, исполненные гнева, надежды и стремления победить.

В годы Великой Отечественной войны я не держал в руках боевого оружия. У меня и моих по фронтовому театру коллег оружием было наше искусство. Мы играли на переднем крае перед пулеметным расчетом, где артистов было больше, чем зрителей, а читать стихи и петь приходилось шепотом. Мы играли в разрушенной церкви, превращенной в полевой медсанбат. Мы играли перед смертельно ранеными, для которых наше слово было последним приветом жизни. Мы теряли фронтовых товарищей — артистов и бойцов. Тогда я понял, что искусство — великая сила и музы тоже многое могут сделать, чтобы замолчали пушки. Чтобы на планете цвела и царствовала жизнь.

Телевизионный фильм «Мир наступающему дню» еще раз подтвердил это.

Георгий МЕНГЛЕТ,
народный артист СССР

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

Редакцию журнала «Огонек» посетил известный пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз. Это не первый его визит в редакцию. Каждый раз встреча с Фаиз Ахмад Фаизом превращается в дружескую задушевную беседу. Выдающийся поэт нашего времени, интернационалист, он долгие годы томился в одиночной камере. Единственная его вина состояла в том, что он хотел счастья для народа своей страны, хотел мира для всех людей нашей планеты. Его стихи — это песня любви к жизни, песня страстной борьбы за свободу.

Много сил и энергии отдал Фаиз Ахмад Фаиз делу сплочения и солидарности писателей развивающихся стран. В настоящее время Фаиз Ахмад Фаиз возглавляет журнал «Лотос», орган Ассоциации писателей Азии и Африки.

В. ПЕЧЕНКИН

Бутылка портвейна

История о том, какой трагедией обернулось «тихое» пьянство

Утром 19 марта слесарь-сантехник Юрий Абрамов явился на работу раньше всех. Стройплощадка, где теперь занята их бригада, находилась внутри квартала. От жилых домов уже доносились голоса, хлопанье дверей. А стройплощадка пока еще не пробудилась. Юрий побрел к обшарпанному голубому вагончику, где по ночам коротали время сторожа, а по утрам и в перерыв или ежели простой случится, собиралась бригада покурить, поговорить, козла забить. Дверь вагончика не на замке, только щеколда накинута — сторож, наверно, по воду ушел. Абрамов откинул щеколду и шагнул через порожек.

В крохотном коридорчике тепло дышала железная печка-времянка. Абрамов ступил в комнатку и остановился в недоумении: стол и скамейки опрокинуты, костяшки домино разбросаны. Глянул влево — мать честная! На полу, уткнувшись лицом в багровую лужу, в неловкой застылой позе лежал сторож Зайцев...

Давно не случалось в Нижнем Тагиле такого «темного» происшествия. Преступник ухитрился не оставить в вагончике никаких следов. Окурки, пустые бутылки, костяшки домино, истрепанная колода карт — все это рассказывало о времяпрепровождении бригады строителей, однако к гибели сторожа отношения как будто не имело. На всех предметах — множество отпечатков пальцев, но стертых, смазанных, малопригодных для расследования. Даже на орудии убийства — обыкновенном горняцком кайле, как ни старались эксперты, обнаружить достаточно четких следов не удалось.

Правда, осмотр квартиры потерпевшего — Зайцев обитал на пятом этаже соседнего дома — давал некоторую пищу для размышлений: в замке входной двери торчал ключ. Похоже, что его здесь оставил не хозяин, а посторонний, так как замок оказался неисправным. В комнате относительный порядок, насколько может быть в порядке жилище одинокого, часто выпивающего, но вконец еще не спившегося человека: явных следов неряшества не видать, а на серванте давняя пыль, у двери приготовилась на сдаточный пункт шеренга пустых бутылок. На столе игральные карты, крышка от ведра, ящик со слесарным инструментом и желтый металлический портсигар с сигаретами «БАМ», начатая пачка «Беломора», окурки, куски хлеба, селедочные объедки, четыре мутных стакана... Над всем этим настольным безобразием, как символ его и исток, красовалась бутылка из-под портвейна. В серванте, среди документов на имя Зайцева Александра Сергеевича, целехоньки лежат деньги, 145 рублей.

Рабочие строительной бригады рассказали, что накануне, то есть 18 марта, часов этак в пять пополудни сторож Зайцев заявился в вагончик и был он «хорош» сверх его обычной нормы. Прораб велел ему домой идти, проспаться до вечера, чтоб на дежурство явиться «как штык». Зайцев радостно заверил, что будет как штык, поулыбался и ушел. Что он делал потом, с кем пил или совсем не пил, а главное, кто мог его ударить кайлом, просто и представить невозможно. Ибо врагов у благодушного Зайцева никто не припоминал.

Опрос соседей особой ясности не добавил. Пенсионер из восьмой квартиры видел вчера, как часов в одиннадцать утра Зайцев с неизвестным парнем, чернявым, похожим на южанина, спускался сверху, с пятого этажа. Александр Сергеевич нес портфель, в котором стеклянно звякало, из чего сосед вывел логическое заключение: вероятно, посуду потащил сдавать.

Наташа из пятой квартиры видела Зайцева много позже, около 21 часа, выходящего из подъезда, и опять же с кем-то вдвоем, вроде бы с чернявым таким.

Показания соседки, Антонины Сергеевны — ее квартира с зайцевской рядом,— оказались много интереснее. Самого потерпевшего она вчера не видела, но поздно вечером, возвращаясь с мужем из гостей, застала на своей лестничной площадке худощавого рыжеватого парня в старой куртке защитного цвета и в кирзовых сапогах. Лицо подозрительно красное, но не пьян. Парень спросил: «Вы не знаете, где Зайцев?» Муж Антонины Сергеевны ответил, что не знает, и ушел домой, а сама она заинтересовалась: «Что вы хотели?» «Да Зайцева на работу требуют, а его нету дома, что ли...» «Так он, наверно, и есть на работе. Вы в дверь стучали?» «Ага. Не отзывается». Паренек держался спокойно, но теперь уж Антонина Сергеевна припомнила, будто в его голосе, выражении лица замечалась какая-то виноватость, смущение.

Во второй половине дня заместитель начальника РОВД подполковник Палинов собрал оперативников подвести скромные итоги начала расследования. Вот тогда кто-то и произнес с досадой: «Давненько не случалось у нас такого "темного" дела».

Старший инспектор областного угрозыска Юрий Александрович Котельников, только что приехавший из Свердловска, возразил:

— Не такое уж оно и темное. Я так полагаю, что преступника вы арестуете довольно быстро...

— Ясно, постараемся. Но пока за малым дело — узнать, кто он.

— Давайте попробуем его «вычислить». Ключ, оставленный в двери, возможно, окажется ключом ко всему делу.

— Попытка ограбления?

— Едва ли. Слишком что-то хладнокровно получается: убил в вагончике и преспокойно отправился грабить квартиру, где у выпивохи ни ценных вещей, ни больших денег. И это в одиннадцатом часу вечера, когда в доме не спят и есть опасность наткнуться на случайного свидетеля. Или, может быть, сведение старых счетов? Тогда зачем вообще вторгаться в квартиру? А ведь дверь-то пытался открыть человек посторонний, потому что так и не сумел — не знал, что замок неисправен. Вопрос: чего ради преступник пошел на дополнительный риск? Ответ: хотел изъять какую-то вещь, оставленную в комнате жертвы.

— Портсигар?

— Вполне вероятно.

И Котельников продолжал «вычислять». Все, кто знал Зайцева, показали, что курил он только папиросы. Значит, портсигар забыт кем-то из последних гостей, предположительно собутыльников — трезвый гость не так забывчив. Отсюда вытекает такая версия: забывчивый дневной гость явился в квартиру вечером или ночью с повторным, так сказать, визитом, не застал хозяина, зашел к нему на работу, в вагончик, началась у них хмельная ссора, а чем закончилась, известно. Увидя, что натворил, гость вытащил из кармана Зайцева ключ, пытался унести из квартиры свой портсигар-улику, но помешали соседи.

— Соседка не видела ключа в двери.

— Должно быть, преступник приходил еще раз, но окончательно засадил ключ в неисправном замке — ни отомкнуть, ни вытащить,— сказал Котельников.— Конечно, нужно отрабатывать и другие версии: корысть, месть, ревность. Но учтите и мое «вычисление».

В тагильском уголовном розыске работают основательно подготовленные, талантливые специалисты, доводилось им распутывать многие криминалистические загадки по еле заметным следам. Но так уж положено: в случаях серьезных и трудных приезжает кто-нибудь из области, чаще всего Котельников, старший инспектор по расследованию особо опасных преступлений. Поэтому в Тагиле его считают как бы своим, тем более что Юрий Александрович не подавляет, не сковывает инициативы, умеет ненавязчиво советовать, вроде: «Давайте попробуем вычислить».

...Подполковник Палинов поднялся, давая понять, что первая «зайцевская» оперативка окончена:

— Версия предложена перспективная. Но при любой версии необходимо в первую очередь выявить связи Зайцева. Особенно последние: с кем встречался восемнадцатого марта, кто приходил к его квартире вечером после убийства и кто хозяин портсигара.

Майор Касаткин и следователь прокуратуры Наиль Ризванов «отрабатывали» связи потерпевшего. А у пьющего мужика связи во все стороны тянутся, возле винных торговых точек узелками вяжутся: «скинулись на троих», и уж друзья до гроба.

Александр Сергеевич Зайцев в молодые годы окончил местный горно-металлургический техникум, пошел работать горным мастером да так и продержался на этой должности до пенсии. На первый взгляд, такой трудовой марафон можно поставить ему в честь, в заслугу. Но печально, что год от года духовно принижался Зайцев, мельчал: любил бедняга выпить и за этакую любовь многие невзгоды претерпел, как говорится, «и в работе, и в личной жизни». «В работе» — замечания, выговоры, наконец, исключение из партии. «В личной жизни» — развод с женой Ниной Степановной. Невзгоды переносил он кротко и смиренно, вины своей ни на кого не сваливал, нрава был мирного, покладистого, за что многое ему прощалось — повинную голову и меч не сечет. После семейного краха родная организация «Востокшахтопроходка» пожалела непутевого ветерана — выделила ему однокомнатную квартиру. Бывшая жена тоже жалела — приходила в одинокое его жилье, чтобы прибрать-ся. Так и дотянул до пенсии на льготных условиях: с пятидесяти лет, как шахтеру положено. Несмотря на грешное житье, чувствовал себя пенсионер еще в силе. А деньжонок, естественно, постоянно не хватало. Ну и устроился на стройку сторожем. Прежние, шахтерские, связи скоро развязались. Новых зато много завелось. Шел к нему всякий, кому охота припала бутылку распить.

Среди более или менее постоянных связей ничего подозрительного не выявилось. Самая прочная, долголетняя связь — жена. Хоть и бывшая. Даже последнее свое утро Александр Сергеевич провел с бывшей женой, о чем сообщила сама Нина Степановна. Работала она тоже сторожихой, сменщицей Зайцева в голубом вагончике, ну и зашла, отдежурив, проведать, как он там. А он с похмелья.

Нина Степановна уверяла, что никаких ревностей между ними отродясь не возникало.

Однако не по дружбе же некто ударил его кайлом. Кто пытался отпереть квартиру? Чей на столе портсигар остался?

Хозяин портсигара нашелся легко и просто. Сам заявился.

Когда участковый Караев делал обход вверенного его заботам микрорайона, подошел к нему грузчик Борис Шитов с вопросом: правду ли болтают, будто на стройке сторожа убили?

— Правда,— кивнул участковый. И лениво, вроде между прочим, спросил: — Ваш приятель, что ли?

— Не-е. Так, знакомый. Я до пенсии тоже на шахте робил, знал его по работе. А на днях в столовке встретил, он говорит, айда, мол, ко мне, в шахматы сыграем. Ну, зашли, сыграли, да и пошел я домой, а портсигар забыл, понимаешь, на столе оставил. На другой день забежал, думал портсигар забрать, гляжу, дверь опечатанная. Что такое? А мужики на стройке толкуют: убили Зайцева. Нашли, кто его так?

— Нет еще. Но найдут.

— А портсигар мне отдадут?

— Это уж вы в милиции спросите.

— Ага, надо будет в милицию зайти.

Караев немедленно рапортом доложил об этой встрече: ведь получается, что грузчик Шитов один из последних, кто видел Зайцева в живых. Пригласили Шитова в милицию, записали свидетельские показания. В то утро 18 марта, часов этак в девять, после завтрака, в столовой встретил его старый знакомый Саша Зайцев. Спрашивает: «Выпить хочешь?» «Оно можно бы, да денег нету». «У меня есть, айда». В винном купили портвейн. До этого Шитов никогда у Зайцева дома не бывал, с ним не выпивал. А тут посидели хорошо. В шахматы поиграли. Когда Зайцев так опьянел, что пешку от ферзя с трудом отличить мог, да и вино кончилось, понял Шитов, что пора ему домой. Было уж около часу дня.

Дома Шитов спать завалился. Разбудила жена часов в девять вечера, потому что ему надо было идти в магазин товар принимать. Оделся, собрался, руку в карман — портсигара нету, у Зайцева днем забыл. Но туда бежать уж поздно, на работу пора. До часу ночи в магазине работал и домой воротился. Утром пошел за портсигаром, а Зайцев-то... Сами знаете, что.

— Видел ли вас кто-нибудь в магазине?

— Сын видел.

Молодой Шитов, Дмитрий,— электрик той же шахты, где и отец до пенсии работал. Дмитрий, когда не в смене, помогает отцу машины в магазине разгружать. И 18-го вечером вместе они из дому вышли, вместе товар принимали, домой вернулись и спать легли.

Выслушав отца и сына, в милиции решили: портсигар — никакая не улика, к случившемуся отношения не имеет, как и сам Шитов. Значит, ошибочно «вычисление» старшего инспектора Котельникова?

— Однако версия дала новую загадку,— сказал на очередной оперативке подполковник Палинов.— Жена потерпевшего и Шитов утверждают, что находились в квартире Зайцева утром восемнадцатого марта, в одни и те же часы, причем друг друга не видели. Который-то из них или врет, или ошибается. И еще: Шитов говорит, что заходил за портсигаром утром девятнадцатого, но, возможно, он пытался заполучить его и вечером, после гибели Зайцева?.. Правда, соседка видела молодого парня, а пенсионер Шитов на молодого не похож. Но вечером были они вдвоем: отец и сын. При всем нашем уважении к рабочим династиям давайте все же познакомимся с семьей Шитовых.

Борис Павлович Шитов на заре туманной юности позарился на чужое личное имущество и был уличен. Крутой режим в колонии отучил на всю жизнь даже и помышлять о воровской, «легкой» наживе. Сколько на шахте работал, не бывало нареканий по этой части. Вот по части выпивки в свободное время замечался не раз, только на шахте разве он один такой? Зато в рабочее время мужик добросовестный, старательный. Так вот, по-хорошему доработал он до льготной пенсии. Однако, в пятьдесят лет оказавшись на заслуженном отдыхе, сидеть дома не захотел, трудился то грузчиком магазинным, то слесарем домоуправления. Сына вот вырастил, себе на шахте замену.

Молодой Дмитрий Шитов мастерством отца пока не очень овладел. Но по части вина... Без бутылки и выходной день не в отдых и беседа не завяжется. Только отец, сколь ни пил, в вытрезвитель ни разу не попадал. А сын послабже вышел — дважды уже побывал.

Нередко такое бывает: слабохарактерный парень, которому лень и хмель мешают жить нормально, трудом себя утвердить, чтоб заглушить чувство неполноценности, вдруг удивляет всех выходкой нелепой и страшной. Так вот Дмитрий Шитов, не он ли в голубом-то вагончике?..

Следователь прокуратуры Ризванов предъявил соседке потерпевшего несколько фотографий.

— Посмотрите внимательно, Антонина Сергеевна, узнаете вы здесь кого-либо?

Она приглядывалась, брала в руки то один снимок, то другой.

— Нет, эти незнакомые.

И прощай, перспективная версия... Надо искать новые факты, строить новые предположения, выявлять не найденные пока связи в прошлом потерпевшего.

Древнеримские юристы, сталкиваясь с каверзным преступлением, задавались классическим вопросом: «Кому выгодно?» Надо искать, кому выгодно, кому это надо было — бить сторожа кайлом, вскрывать его жилище.

Кроме некоторой странности в поведении свидетеля, с каждым следующим допросом Борис Павлович Шитов все больше «пьянел 18 марта», задним числом. В самых первых свидетельских показаниях он давал понять, что на работу тогда вышел в «норме». В следующий раз, что хмель не совсем прошел. В дальнейшем обмолвился, что крепко был выпивши и худо помнит. И от допроса к допросу под внешней невозмутимостью все явственнее угадывалась нервозность.

— Все же ты предъяви-ка зайцевской соседке молодого Шитова для опознания,— посоветовал Палинов.— Фото — хорошо, но, так сказать, в живом виде — лучше.

— Да уж пригласил на завтра,— кивнул Ризванов.

Назавтра Антонина Сергеевна среди троих немного схожих мужчин сразу узнала:

— Вот же он, вечером-то приходил...

Потом долго-долго сидели они в кабинете вдвоем, шахтер и следователь, почти ровесники. Дмитрий маялся, дергался.

— Сразу после убийства тебя видели возле квартиры Зайцева, свидетельница опознала, так чего уж теперь молчать? Рассказывай, как было.

То, что опознали, произвело на парня огромное впечатление. Понимал: теперь не отмолчаться. Но, как все слабохарактерные, пытался молчанием хоть немножко отдалить неизбежное...

— Дмитрий, давай с самого начала. Вот пошли вы с отцом вечером в магазин, так?

— Ну.

— До магазина куда-нибудь заходили?

Молчит.

— Слушай, Дмитрий, читаю выдержку из Уголовного кодекса: статья тридцать восемь, «Обстоятельства, смягчающие ответственность». Пункт девятый: «чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное способствование раскрытию преступления». Понимаешь? Если честно все расскажешь, суд учтет и смягчит наказание. Так куда заходили?

— На стройку...

— Зачем?

— Отец сказал, уточнить чегото надо...

— Пришли на стройку, а дальше?

— Ну, в вагончик зашли...

— И что там делали?

Молчит. Человек рабочий, не уголовник по натуре, не умел Дмитрий нагло, с божбой и клятвами врать, глядя в глаза следователю. Ризванов настойчив. Слово за слово — проявляется картина.

— Из-за чего они поскандалили?

— Не понял я. Перепили... Отец пьяный теряет над собой контроль...

Мучительно тянется допрос, в муках рождается истина. Вопрос — молчание — бормотание — наконец еле слышный ответ.

— Сам ты бил Зайцева?

Мальчишечье лицо Дмитрия бледно, губы синие:

— Один раз... ломиком...

Преступник был «вычислен» точно, и весь «сценарий» преступления, который здесь обрисовал капитан Котельников, оказался верным.

Обо всем, что происходило с утра 18 марта, Борис Шитов рассказал истинную правду, но что стряслось вечером, о том сперва врал, и лишь потом, уличенный фактами и показаниями Дмитрия, неохотно говорил правду, ссылался на пьяное беспамятство.

Тогда, вечером, разбуженный женой, поднялся он в прескверном состоянии. Вышли они с сыном в знобкую тьму мартовского вечера. И тут в тяжелой голове ворохнулась надежда, вспомнил: а ведь Зайцев приглашал еще выпить!

— Э, ты же не в ту сторону...— окликнул Дмитрий.

— В одно место зайдем, уточню кое-что.

Уточнить требовалось: поставит ли Зайцев обещанное вино?

Пришли на стройплощадку, в голубой вагончик. Встретил их сторож, как родных. Борис Шитов и Зайцев выпили. Дмитрия не очень-то приглашали — самим мало. И потому, что выпивки было мало, облегчения не получилось. Наоборот, закопошилась на дне шитовской души давняя беспредметная обида на кого-то и за что-то. Словами ту обиду и не выразить, только разве матерными. Но в общем и целом так: покуда ты в полной силе, здоров и на шахте вкалывал, то и всем был нужен, а теперь организм тоскует, выпивки нет, никто ветерана Бориса Шитова не уважает... Неясная обида быстро разбухала. Заливал обиду водкой, а оттого становилось еще хуже, настолько хуже, что надо было пить и завтра и послезавтра. Раздражение копилось, прорывалось семейными скандалами. И росла злоба. На кого? Может, на судьбу. Но судьбе в морду не дашь. А Зайцев, вот он сидит, щерится, гад такой...

Наверно, и сам не упомнит, чего они с Зайцевым не поделили. Из-за малости, поди, завелся Шитов «с пол-оборота», показался друг недавний злейшим врагом. Дмитрий зевал, ждал, когда их ругань кончится. А ругань перешла в драку. Коренастый Зайцев подмял обидчика, сцепились они на истоптанном полу среди окурков и шматков засохшей глины, орали, бранились, а молодой здоровый парень нерешительно топтался возле этих двух одичалых. Дмитрий знал, как беспричинно звереет отец во хмелю. Подождать бы, пока забияку потреплют слегка, чтоб впредь скандалить опасался, да и разнять оглупевших патриархов... Но Зайцев явно одерживал верх, отец бессильно матерился под ним. И взыграла у парня амбиция: «Наших бьют!» Не размышляя, кто тут виноват, схватил Дмитрий что под руку подвернулось — железный гвоздодер,— и ударил Зайцева по ребрам. Тот застонал, скорчился. Шитов вскочил на ноги, наткнулся на сына, рявкнул: «Пошел отсюда!» Дмитрий вылетел из вагончика легче пуха. Не видел он, как отец занес над головой Зайцева кайло... Короткий вскрик, и все стихло. Вышел отец. Его трясло. Дернул за рукав: «Айда». Вышли к жилому дому. «Стой! Вот этот подъезд, иди на самый верх... Семнадцатая квартира, понял? На́ ключ. Гляди, чтоб все было по-тихому. Зайдешь, в комнате на столе мой портсигар, ну ты знаешь, желтый. Забери и мотай обратно». «Зачем? Я не пойду». «Но-о, поговори мне! Пошел! Чтоб по-быстрому!» «А как увидят?» «Никого же нету. Иди!»

Не могли же они знать, что у беспечного Зайцева квартирный замок давно неисправен, сам-то приноровился, да и то с трудом отпирал. Дмитрий двигал ключом в обе стороны, дергал дверь — ни в какую! Услышав снизу шаги, голоса, выдернул ключ, хотел бежать, а куда бежать-то? О чем-то его спрашивали, что-то отвечал, затая страх...

Отец ждал за углом. Выслушал, выругал, и пошли они в магазин. Пробыли там до полуночи. Почти не разговаривали. Отец сидел, съежившись, в углу. Дмитрий догадывался, что случилось в вагончике: иначе откуда ключ, почему собственный отцов портсигар надо красть?

Отец снова потащил к тому подъезду. Но Дмитрий, натерпевшись страху, уперся: «Не пойду, хоть убей!» Постояли, решились и пошли вдвоем. И опять ничего не получилось, только намертво засадили ключ в скважине. Почудилось, что кто-то идет,— в страхе заторопились прочь.

— Обо всем молчи, понял? — велел отец.— Молчи!

Вспоминать тот вечер жутко и стыдно.

Зайцева похоронили. Борис Шитов отправлен на десять лет в колонию строгого режима. Медэкспертиза признала его хроническим алкоголиком, и в колонии подвергнут его принудительному лечению. Если бы кто-то догадался заняться этим хоть на месяц раньше!

Дмитрию Шитову, учтя его признание, суд определил три года содержания в колонии общего режима.

Прошло немного времени, и уж редко кто из «друзей»-собутыльников вспоминал их. Но по-прежнему около винных магазинов толпятся, сквернословят, выясняют отношения кучки неопрятных, истеричных людей всякого возраста. Трясутся, прозябают. А могли бы жить.

«КРАСИВЫЙ, ДВАДЦАТИДВУХЛЕТНИЙ»

В. Маяковский. Петроград. 1915 год.

А. ПАРНИС,
Р. ТИМЕНЧИК

С литературно-художественным подвалом «Бродячая собака», существовавшим в Петербурге в 1912—1915 годах, связаны значительные эпизоды творческих биографий многих выдающихся деятелей русской и советской культуры — Горького и А. Толстого, Ахматовой и Хлебникова, Мейерхольда и Вахтангова, Сапунова и Судейкина, Прокофьева и Карсавиной, Шапорина и Петрова-Водкина, Добровейна и многих, многих других. По замыслу его создателей, «Бродячая собака» должна была стать приютом для артистов, художников, поэтов, музыкантов. Помещался подвал на углу Итальянской улицы и Михайловской площади (ныне улицы Ракова и площади Искусств), стены его были расписаны Судейкиным, Сапуновым, Кульбиным, а вечера отличались полуэкспромтностью и многообразием жанров.

В историю литературы «Бродячая собака» вошла также благодаря нескольким эпизодам, связанным с выступлениями в ней Маяковского. Здесь состоялось первое публичное чтение поэтом своих стихов (удалось уточнить дату этого вечера — 17 ноября 1912 г.). Появление Маяковского не прошло незамеченным: газета «Обозрение театров» отозвалась сообщением о «московском поэте Маяковском, прочитавшем несколько своих стихотворений, в которых слушатели сразу почувствовали настоящее большое поэтическое дарование». Это был первый приезд Маяковского в Петербург, а уже с осени 1913 года поэт становится постоянным посетителем «Бродячей собаки». По словам художника А. Радакова, в «Собаке» «Маяковский часто бывал, сидел подолгу, там же писал — у камина». Сам Маяковский вспоминал об атмосфере подвала: «Это было общество изысканно-остроумных и талантливых людей».

Колоритная фигура Маяковского сразу же привлекла внимание не только газетчиков. В напечатанном в 1914 году романе Т. Краснопольской «Над любовью», где «Бродячая собака» выведена под названием «Заблудшей овцы», Маяковский — «местный поэт саженного роста в короткой яркополосатой блузе, с безумными глазами» — присутствует в подвале в сцене встречи Маринетти (хотя, как известно, Маяковский в это время в Петербурге не был).

В связи с предстоящей постановкой трагедии «Владимир Маяковский» поэт приехал в Петербург в ноябре 1913 года и был включен, что свидетельствовало о возрастающем признании имени Маяковского, в «юбилейный» комитет по чествованию основателя и бессменного директора «Бродячей собаки» Бориса Пронина.

Начиная с первого появления Маяковского в «Бродячей собаке», бескомпромиссность его антибуржуазных установок усиливалась и разрешилась несколькими выступлениями в последние дни существования подвала (закрытого 3 марта 1915 года). 11 февраля здесь состоялся «Вечер пяти». Выступление Маяковского на этом вечере было экспромтным, он прочитал стихотворение «Вам!», вызвавшее яростное возмущение и скандал в зале среди «фармацевтов», как называли в «Бродячей собаке» далеких от искусства посетителей-буржуа. Впоследствии Маяковский писал, что «Бродячую» <закрыли> тоже чуть не за «Вам проживающим».

Об этом вечере, по свидетельству О. Берггольц, вспоминала Анна Ахматова в разговоре с Б. Прониным в 1941 году: «Они («фармацевты») орали, а Маяковский стоял на эстраде совершенно спокойно не шевелясь, и курил огромную сигару... Да. Вот таким я и запомнила его, очень красивым, очень молодым, большеглазым таким, среди воющих мещан». Другие детали «Вечера пяти» вспоминал художник А. С. Левин: «Какая-то женщина крикнула ему: «Почему же вы не на фронте?» Он ответил: «Потому что перо поэта нужно родине так же, как меч солдата». Тогда эта же женщина воскликнула: «Только не ваше перо».— «Об этом бесполезно с вами разговаривать, сударыня, потому что для вас перья существуют только на шляпах»,— парировал В. В.».

О любопытном примере находчивого остроумия Маяковского на одном из вечеров рассказывал художник А. Радаков: «Помню, как-то раз в «Бродячей собаке» собралось много народу. Говорил П. Е. Щеголев. Что-то «Остановимся на том, остановимся на этом...» А Маяковский вышел и говорит: «Останавливаться строго воспрещается».

В. Маяковский в «Бродячей собаке».

Дружеский шарж Г. Верейского. 1914 год. Атрибуция авторов статьи.

По-видимому, отношение Маяковского к этому литературно-художественному клубу было двойственным: он искал встреч с талантливыми, увлеченными новизной художественных исканий мастерами (многие из которых платили ему сочувствием и вниманием) и с нескрываемой агрессивной неприязнью встречал так называемых «фармацевтов» и некоторых склонных к снобизму петербургских литераторов. Эта напряженная двойственность самоощущения поэта подмечена в воспоминаниях художника В. Козлинского: «В. Маяковский противопоставлял себя публике, бывавшей в «Бродячей собаке». Он держал себя как человек, попавший в аристократический салон высокого вкуса (в эстетическом смысле), где он хотел... утверждать свое мировоззрение, которое он считал единственно правильным, как каждый человек его масштаба...»

Вслед за этим бурным вечером в «Бродячей собаке» 20 февраля был устроен персональный вечер Маяковского, где он прочитал доклад, отрывки из поэмы «Облако в штанах» и стихотворение «Мама и убитый немцами вечер»:

По черным улицам белые
матери
судорожно простерлись,
как по гробу глазет.
Вплакались в орущих
о побитом неприятеле:
«Ах, закройте,
закройте глаза газет!»

В середине февраля 1915 года вышел альманах «Стрелец». 25 февраля в подвале «Бродячей собаки» этому альманаху был посвящен целый вечер, на который был приглашен М. Горький, выступивший с резкой речью, направленной против современной критики в защиту тех, «кто ищет, а следовательно, и творит».

В петербургской газете «Биржевые ведомости» сообщалось об этом вечере: «Встреченный продолжительными аплодисментами собравшейся многочисленной публики, Горький с необычайной теплотой и подъемом произнес коротксую речь о «молодом» в жизни, о ценности этого «молодого» и значении «активности». А через полтора месяца в специальной статье, посвященной этому событию, Горький писал: «Вот возьмите для примера Маяковского — он молод, ему всего 20 лет, он криклив, необуздан, но у него, несомненно, где-то под спудом есть дарование. Ему надо работать, надо учиться, и он будет писать хорошие, настоящие стихи. Я читал его книжку стихов. Какое-то меня остановило. Оно написано настоящими словами...»

По свидетельству художницы С. Н. Дымшиц-Толстой, «большим событием в «Бродячей собаке» был приезд Максима Горького. Особое участие в этом событии принимал Владимир Владимирович... Помню, как в подвальной двери появилась высоченная фигура Горького, с веселыми светящимися глазами. В овации, ему устроенной, немаловажную роль сыграл мощный голос Вл. Вл.

Горький и Маяковский любовно и долго друг с другом беседовали, и Вл. Вл. поехал провожать Горького».

Волшебное стекло

Всегда свежо, солнечно, празднично воспринимается раздел художественного стекла на любой крупной выставке. И привычно видеть здесь волшебные фантазии, нежные и благородные, созданные заслуженным художником РСФСР Антониной Яковлевной Степановой. Мы наслаждаемся красотой, грацией, живописной тонкостью сосудов, комплектов, композиций, хранящих тепло, искусность рук опытного мастера. Она любит стекло, хорошо чувствует этот материал и с неистощимой выдумкой и безупречным вкусом создает формы, словно пронизанные воздухом, светом, ощущением глубины пространства. Но главное в ее работах последних лет — щедрая полихромная цветовая гамма.

— Цвет традиционно присущ русскому народному творчеству,— говорит Антонина Яковлевна,— вышивке, игрушке, лакам. И окружающая нас прекрасная природа воспринимается прежде всего красочной.

Именно в русской природе находит она мотивы и краски для своих композиций. Так или иначе все ее работы связаны с небом, лугами, озерами, травами России. Они подспудно, часто неожиданно, навевают художнику тему, образ, настроение. Подсказывают характер формы, динамику рисунка, цветовое решение.

Выразительная пластика, живопись и графика органически соединяются в ее лучших работах, может быть, потому, что Степанова много внимания уделяет пейзажу с натуры, натюрмортам. Акварель — ее заветное увлечение. С поэтическим волнением пишет Антонина Степанова подмосковные перелески, поляны, садовые и луговые цветы. Это и наслаждение и необходимая штудия, запас впечатлений, проверка навыков, ощущений для будущей кропотливой, трудоемкой работы в материале.

Влажная свежесть колокольчиков и молочная белизна ромашек, непрочные пушистые венцы одуванчиков и яркие лепестни маков — все это дивное разнотравье, не раз привлекавшее художницу в окрестностях Пахры, вновь ожило и заиграло в формах гутного стекла, в тональных сочетаниях композиции «Цветы России».

Гибкостью линий, изяществом, звонкой, чистой перекличкой силуэтов и живописных пятен автор уверенно подчеркивает великолепие и раздолье родной природы, радость, полноту человеческого бытия, неотделимого от мирного дыхания земли. Декоративные композиции «Озера», «Цветение», «Одуванчики», «Фонтаны», «Лето», «Русские узоры», «Пробуждение», «Апрель», «Рябинушка», «Северное сияние» содержат зрелое лирическое осмысление неповторимости истинной красоты, каждого нового впечатления.

В работах Антонины Яковлевны не только праздничное, мажорное настроение. С большим тактом и душевной искренностью сделан посвященный памяти Василия Шукшина декоративный комплект «Калина красная», в котором есть и драматизм, и боль воспоминаний о рано угасшем таланте, и оптимизм, ощущение вечности искусства, торжества творческого подвига. Сходное настроение присутствует в комплекте «Реквием»; здесь обобщенно и строго воплощает художник острую печаль об ушедших, душевный порыв — помнить и любить. Декоративная композиция «Пламя» всем пластическим строем, динамичным ритмом, силой цвета символически утверждает бесконечность жизни, искусства.

Недавно закончена еще одна работа — «Мой край». Простые, овальные, чуть вытянутые объемы, скупой, выразительный рисунок, пленительно мерцающая изнутри живопись... Создается впечатление словно бы нерукотворного совершенства, хотя как раз тщательный труд, умение, уникальный замысел способствовали успеху этой сюиты о родной земле, где прошли детство и юность, где были радости и печали и где еще будет много доброго, светлого.

Антонина Яковлевна Степанова, секретарь правления Союза художников РСФСР,— автор не только сказочных мотивов из стекла для выставок и музеев. В соавторстве с архитекторами и другими художниками она оформляла многие общественные интерьеры: музей первого космонавта в городе Гагарине, танцзал для гостиницы «Москва», холл гостиницы «Интурист» в столице, гостиницу КамАЗа и южное кафе «Мисхор».

Никита ИВАНОВ

Юмор

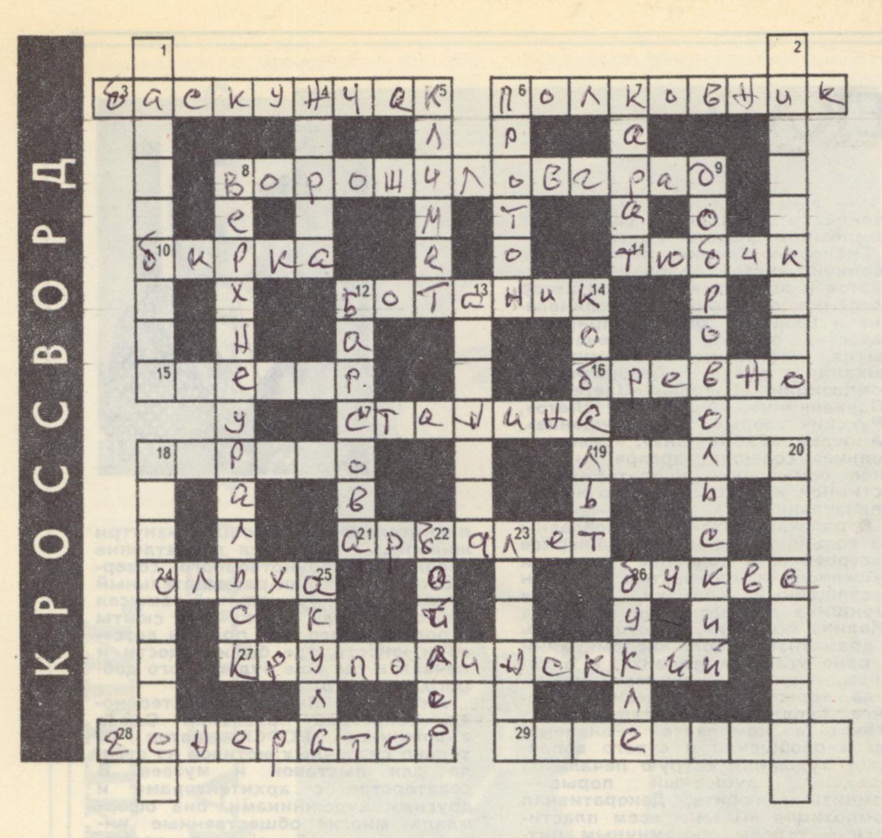
Рис. О. ТЕСЛЕРА.

Рис. Н. БЕЛЕВЦЕВА (Белгород).

Рис. В. ДУБОВА.

Рис. Ю. БЕСПАЛОВА.

Рис. Е. МИЛУТКИ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Озеро в Астраханской области. 5. Воинское звание. 8. Центр области на Украине. 10. Дощечка с надписью на товаре, багаже. 11. Трубочка для мази, клея, пасты. 12. Специалист, изучающий растения. 15. Немецкий скульптор, почетный член Академии художеств СССР. 16. Гимнастический снаряд. 17. Основная несущая часть машины. 18. Река в Колумбии. 19. Французский астроном, математик, физик XVIII — XIX веков. 21. Старинное метательное оружие. 24. Дерево или кустарник семейства березовых. 26. Знак азбуки. 27. Украинский актер, режиссер, народный артист СССР. 28. Машина, вырабатывающая электрическую энергию. 29. Советский график.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пьеса И. С. Тургенева. 2. Прием звукоизвлечения на смычковых инструментах. 4. Приток Шилки. 5. Многолетний режим погоды в определенной местности. 6. Стабильная элементарная частица. 7. Единица массы в ювелирном деле. 8. Город в Челябинской области. 9. Советский летчик-космонавт. 12. Певица, народная артистка СССР. 13. Инициатор освоения женщинами-узбечками хлопкоуборочной техники, дважды Герой Социалистического Труда. 14. Химический элемент, металл. 18. Общепризнанное значение, заслуженное доверие. 20. Отделение твердых частиц от жидкости. 22. Устройство для подогрева воды в системе теплоснабжения. 23. Писатель, академик, Герой Социалистического Труда. 25. Хищная морская рыба. 26. Ткань с волнистой поверхностью для верхней одежды.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Аэробус. 6. Стрепет. 8. Беломорск. 10. Рампа. 12. Аванс. 14. Бруэжак. 16. Дева. 17. Ранг. 18. Грейфер. 19. Реле. 20. Айни. 22. Масштаб. 25. Фонд. 26. Нота. 27. Трюфель. 30. Пойма. 32. Окунь. 33. Контрабас. 34. Радикал. 35. Сицилия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Колба. 2. Гусляр. 3. Шторка. 4. Феска. 5. Антарес. 7. Тренинг. 9. Музей. 11. Празеодим. 13. «Вороненок». 14. Бегемот. 15. Корабль. 21. Договор. 23. Шифер. 24. Станция. 28. Ренуар. 29. Лобзик. 31. Актив. 32. Осмий.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ольга Амеличева, студентка первого курса Калужского филиала МВТУ. (См. в номере материал «Подкова на счастье».)

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы заслуженного художника РСФСР Антонины Степановой. (См. в номере материал «Волшебное стекло».)

Фото И. Туннеля

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 20.06.83. Подписано к печати 05.07.83. А 06136 Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 832 000 экз. Изд. № 1654. Заказ № 801.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Б. СМИРНОВ, фото А. БОЧИНИНА

«...Лошадей в Калужской губернии в 1888 году было 294 700 (на 100 жителей 25,8 лошади)»,— сообщал около ста лет тому назад энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В те времена казалось, что жизнь без лошадей немыслима, и даже художники-фантасты в своих проектах городов грядущего века (считай, наших, сегодняшних городов) всегда находили место для какой-нибудь повозки на конной тяге. О, как ошиблись они, пророки будущего! Сейчас в той же Калуге многие дети вырастают, так никогда и не увидев живой лошади.

А вот мальчишкам и девчонкам из Калужской конноспортивной школы повезло: для них «лошадиная сила» не абстрактное, отвлеченное понятие из учебника, а живая и теплая мощь великолепного, умного животного, послушного человеческой воле. И по ночам снится, наверное, этим ребятам не рев мотоциклов или лодочных моторов, а приветливое лошадиное ржание и запах конюшни. Позже, через много лет, в их воспоминаниях это будет самым сильным впечатлением детства. Ценят ли это они сейчас? Наверное, да. Я в разговорах почти у каждого спрашивал, почему он (или она) вот уже не первый год почти каждый день едут через весь город (некоторые тратят на дорогу час и даже больше), чтобы потом дотемна разминать лошадей на скаковой дорожке (работать лошадей, как говорят конники), до изнеможения сидеть в седле, заставляя лошадь (и себя) чисто брать барьеры, менять темп и ритм езды и превращать себя и лошадь в единое целое, в настоящих кентавров, а потом чистить и мыть своих любимцев, скрести пол в конюшне, чинить сбрую... И ребята все как один отвечали: потому что мы любим все это и иначе уже не можем. И недоуменно пожимали плечами: мол, что говорить, это и так понятно.

Как это ни странно для «лошадного» некогда края, еще несколько лет назад в Калуге конного спорта вообще не существовало.

— Когда в 1976 году, после окончания института, я получил направление в Калугу, я уже знал, что тренерскую работу придется начинать с нуля,— рассказывает старший тренер школы Валерий Филиппович Бухарин.— И начали мы... с проката. Очень повезло нам в том отношении, что к развитию в Калуге конного спорта очень заинтересованно отнеслись и обком партии, и облисполком, и городские организации. А как помог нам, например, старший тренер сборной РСФСР А. Ф. Адамсон! Остальное было за нами, специалистами, и я, например, был убежден: стоит только напомнить людям о лошади, дать им возможность возобновить контакт с этим прекрасным животным — и от энтузиастов не будет отбоя! Так оно и случилось. Развернули прокат, дали объявления в газетах, по радио, и к концу года в Калуге уже была своя конная школа...

Сейчас в школе прекрасный инвентарь и оборудование, подведена под крышу новая конюшня, растет зимний манеж, административный корпус,— строители «Калужсельстроя» стараются; словом, пожаловаться школе не на что, теперь и ребятам и спортивным успехам остается только расти.

— Все началось с неудачи: первый раз поехал на соревнование, это в Рязани было, я на Эпизоде выступал и сразу штрафных очков нахватал,— говорил мне Александр Ларичев, лучший, по общему мнению, спортсмен школы.— Запутался в правилах соревнований! Обидно, конечно. На меня вся надежда была. Правда, никто меня не ругал, больше всего сам себя. А в следующих соревнованиях снова неудача, в двадцатых остался. Если бы не поддержали меня, не знаю, остался бы я в конном спорте. Так просто не понять, что для меня тогда поддержка значила...

Теперь у Ларичева есть чему поучиться: он мастер спорта, чемпион страны, участник чемпионата Европы и, по расчетам тренеров, этой осенью должен стать мастером международного класса. А он в любой момент готов помочь новичку, подсказать, поделиться опытом... Я видел, как Саша вместе с новичками внимательно наблюдал, как его Забой под седлом юного Димы Глазунова уверенно берет на тренировке препятствия. Вот очередной разбег, полет над барьером, и...

— Не то, не то, Дима! — кричит В. Ф. Бухарин.— Зачем коротишь? Конь начинает висеть! Еще раз ходом слева! Так, перевод повода... Локти не разводи!

И тренер сам присел, как-то непроизвольно передернул плечами в тот момент, когда конь с всадником легко и красиво взметнулся над «стенкой».

— А вы заметили, с какой охотой прыгают лошади? — говорил мне Валерий Филиппович после тренировки.— Тот же Забой уже во многих соревнованиях проверен, конь опытный, сам знает, что и как надо делать. И таким, как Димка Глазунов, надо прежде всего научиться понимать коня, войти в контакт! Тем и хорош и сложен наш спорт...

Игорь Морозов на Румбе берет препятствие.

Раз в неделю по плану занятий — купание в Оке.

Чем не женское дело — починка сбруи?

ДКОВА НА СЧАСТЬЕ

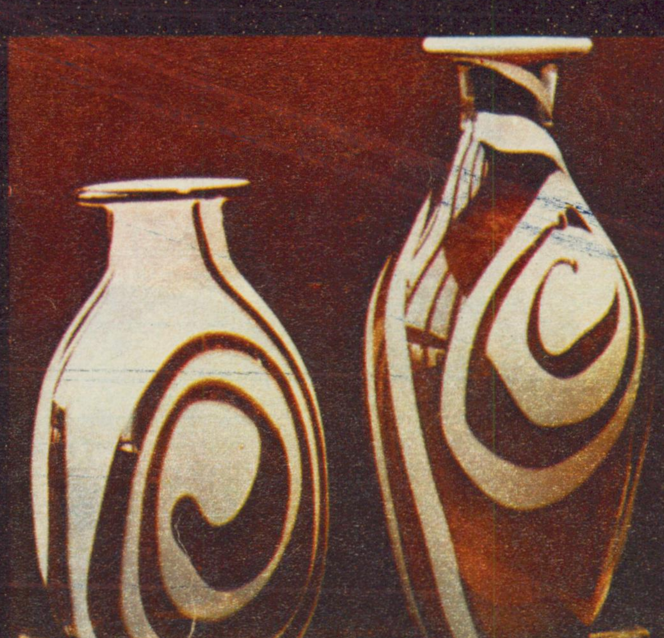
Прогулка пешком с лошадьми — тоже часть работы.

Малышей — таких, как Слава Фомин,— первым прыжкам обучают на пони.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663